

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Филологический факультет

На правах рукописи

ИНДЫЧЕНКО АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ

**ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕГО
ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В XV – XVII ВВ.**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор К. В. Лифанов

Москва 2014

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Проблемы описания истории литературного языка донационального периода и надэтнического употребления славянских литературных языков	15
ГЛАВА 2. Чешский литературный язык в деловой письменности Малопольши (2-я пол. XV – 1-я пол. XVI вв.)	34
ГЛАВА 3. Чешский литературный язык в деловой письменности Верхней Силезии (вторая половина XV – XVII вв.)	70
ГЛАВА 4. Чешский литературный язык в деловой письменности Западной Словакии (XV – XVII вв.)	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ	171
СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ГРАМОТ	173
ЛИТЕРАТУРА	185
ПРИЛОЖЕНИЕ	199

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия славистика проявляет все больший интерес к современному статусу, специфике функционирования и к генезису этнических литературных языков славянских народов. В связи с вопросом о генезисе литературных языков особенное внимание лингвистов привлекают проблемы, связанные с описанием языковой ситуации у славянских народов в диахроническом аспекте. Реконструкция языковой ситуации на территориях расселения славянских этносов в эпоху Средневековья и Нового времени, как известно, представляет значительную трудность. Это связано с тем, что в донациональный период коммуникативное пространство этноса значительно чаще, чем в современную эпоху, обслуживается несколькими идиомами, более или менее отдаленными друг от друга в генетическом плане. У отдельных славянских народов в сфере социально престижной коммуникации на протяжении многих веков функционировали языки, диалектная основа которых была иной, нежели язык местного населения. Культурный мир *Slavia Orthodoxa* долгое время характеризовало наличие гомогенного двуязычия (церковнославянский язык vs. постепенно формирующиеся этнические литературные языки). В мире *Slavia Latina* мы чаще встречаемся с сосуществованием в системе культурной коммуникации двух гетерогенных кодов (латинский, немецкий язык vs. этнический язык местного населения). Сходства и различия двух типов языковых ситуаций в славянском мире неоднократно обсуждались в лингвистической литературе (Н. И. Толстой, В. М. Живов, Н. Н. Запольская).

Вместе с тем, значительно меньше внимания в науке уделялось исследованию случаев гомогенного двуязычия в истории литературных языков западнославянских народов. Источником культурно-языковой традиции в мире *Slavia Latina*, как отмечал еще Н. С. Трубецкой, был достаточно рано сформировавшийся чешский литературный язык. Уже в XIV-XV вв. на основе центрально-чешского диалекта формируется наддиалектный идиом, который

достаточно стабильно функционирует в письменности XV-XVII вв. [Трубецкой 2010: 415-417; Navránek 1998: 103; Широкова, Нецименко 1978: 27]. В ту эпоху на чешском литературном языке создавались произведения богослужебной и светской литературы, он активно функционировал в деловой письменности, что обеспечивало его высокий престиж в славянском мире. Все это, наряду с отсутствием этнических литературных языков у соседних народов, открывало широкие перспективы для “чешской экспансии” (термин Б. Гавранека) в иные письменные традиции, проявлявшейся как в ориентации на чешский образец при складывании местного литературного языка, так и в использовании самого чешского языка в письменности.

Первые следы влияния чешского языка на культурную традицию окружающих этносов прослеживаются уже в древнейший период развития славянской письменной культуры. Со временем сила этого влияния будет возрастать, XIV в. можно назвать эпохой выхода чешского языка на международную арену, хотя в некоторых сферах письменности отдельных соседних областей он использовался и раньше. Период XV-XVI вв. – время активного функционирования чешского литературного языка за пределами этнической территории – в Силезии, Словакии, Польше, в славянском ареале Великого княжества Литовского [Šlosar 2009: 43-44, 70-71, 88-89]. Функционирование чешского в указанных областях было различным: он использовался в письменности (Словакия, Силезия, Малопольша), выступал как образец при формировании местного литературного языка либо был источником заимствований некоторых лексических элементов, синтаксических моделей или составляющих формуляра деловой письменности (Великое княжество Литовское, Лужица, Хорватия). Существовали, по всей видимости, и смешанные типы взаимодействия (случай польского литературного языка). По мнению авторов, исследовавших данную проблематику и касавшихся ее в своих работах, результаты “экспансии” чешского литературного языка в письменность окружающих народов были также различны. Так, согласно

выводам К. В. Лифанова, в Словакии на базе местной редакции чешского литературного языка сложился гибридный идиом, давший начало новой письменной традиции – «словацкий литературный язык старого типа» [Лифанов 2001: 208-209]. В Силезии, где на протяжении нескольких веков чешский язык также использовался в функции литературного, судя по всему, особого идиома, который дал бы начало самостоятельной традиции силезской письменности, не сложилось, хотя гибридизация чешского литературного языка и местных диалектов в той или иной мере происходила [Кнор 1965: 143; Jakobson 1934: 72-74]. Что касается роли чешского языка в истории польского языка и “русской мовы” (литературного языка Великого княжества Литовского), а также украинского и белорусского литературного языков, то в этих случаях можно говорить о той или иной степени ориентации на чешский образец при формировании собственного литературного языка, а также о немалом количестве заимствований из чешского в лексической системе указанных языков [Havránek 1998: 104-111, Stieber 1956: 102-116, Macůrek 1960: 153-155; Андерш 2000].

Различные результаты чешского «языкового присутствия» в отдельных регионах позволяют поставить вопрос о специфических особенностях употребления чешского литературного языка на различных территориях в сравнительной перспективе. Основным объектом интереса в данной работе становятся не только и не столько история того или иного идиома или сферы письменности, испытывавшей влияние чешского языка, но особенности самого литературного чешского языка в Западной Словакии, Верхней Силезии и Малопольше. Интерес к сопоставительному аспекту исследования проблематики (при очевидном недостатке эмпирического материала) виден уже в обзорных трудах о межславянских связях, созданных учеными рубежа XIX-XX вв. [Будилович 1892: 186-218, Первольф 1890: 213-250]. Плодотворность компаративного подхода продемонстрировали работы последующего поколения лингвистов. Так, в трудах Б. Гавранека и Й. Мацурека вопросу о

сходствах и различиях «чешской экспансии» в различные регионы уделяется особое внимание, однако у указанных авторов мы также не встречаем анализа конкретного языкового материала [Havránek 1998; Macůrek, Rejnuš 1961]. В последующие годы в силу различных обстоятельств проблема сопоставления региональных разновидностей чешского литературного языка отошла на задний план. В последнее время необходимость исследования специфики чешского языкового присутствия в различных регионах за пределами его этнической территории снова становится для лингвистов очевидной. На важность подобных исследований для истории чешского литературного языка, в частности, указывает О. Коупил. В свою очередь, М. Гигер отмечает необходимость описания языка чешских текстов различного регионального происхождения для решения вопроса о специфике культурно-языковой истории словацких земель [Kouřil 2007: 218; Giger 2006: 107]. Отсутствие исследований, необходимых для дальнейшего плодотворного развития истории славянских литературных языков в целом и исторической богемистики в частности обуславливает **актуальность** данного диссертационного исследования.

Исследование памятников в сравнительной перспективе необходимо предполагает *tertium comparationis*, которым в данном случае являются нормы и особенности письменного узуса чешского языка XV-XVII вв. В связи с этим возникает проблема включения результатов подобных сравнительных исследований в историю чешского литературного языка. К сожалению, в богемистике практически отсутствуют работы, более или менее соответствующие указанному выше подходу. Большинство исследований, в которых анализируются чешские тексты, возникших за пределами территории Чехии, было создано вне рамок богемистики, в связи с чем в них далеко не всегда ставится вопрос о соотношении результатов исследования со сведениями об истории чешского литературного языка. В особенности это касается словацкой лингвистики, в рамках которой вопрос о бытовании чешского литературного языка в Словакии и его роли в формировании

словацкого литературного языка является весьма дискуссионным. Словацкие исследователи рассматривают многие очевидно чешские по языковому облику тексты как тексты, созданные на той или иной разновидности «словацкого культурного языка», в отношении генезиса и механизма складывания которого нет единства даже среди самих словацких лингвистов (подробнее об этом см. главу 4).

Сложившееся положение объясняется целым рядом причин. Одной из самых значимых, по нашему мнению, является слабая разработка «немагистральных путей» истории чешской письменности в целом. Отчасти это связано с особенностями объекта исследования – как известно, специфической чертой развития чешской культурной традиции является наличие рано обозначившегося культурного центра – Праги [Нещименко 1989: 222]. Однако в гораздо большей степени причины затухания интереса к “регионализму” в истории чешского литературного языка связаны с характером чешской филологической традиции XX в., выросшей на идеях Пражского лингвистического кружка. Как известно, одним из достижений Пражской школы было создание теории литературного языка. В тесной связи с теорией литературного языка пражцами разрабатывались идеи языковой культуры, на основе которых реализовалась их нормализаторская практическая деятельность. В концептуальном аппарате Пражской лингвистической школы эти две области были неразрывно связаны. Более того, как отмечает О. Коупил, одним из основных мотивов созидательных усилий пражских структуралистов как в области построения лингвистических теорий, так и в области практики языкового регулирования, являлась забота о получившем новые функции после недавнего образования Первой чехословацкой республики чешском литературном языке [Kouřil 2007: 10-11]. Подобная практическая мотивация деятельности пражских структуралистов не могла прямо или косвенно не отразиться и на характере их идей. Особенно ярко это отразилось в специфическом применении нагруженных для пражцев современными

ассоциациями понятий “литературный язык” и “норма” для диахронического описания языка. В частности, обзор истории развития чешского литературного языка ведущим представителем пражской школы Б. Гавранеком изначально выстраивается как описание истории употребления языковых средств, характеризовавших (и характеризующих) чешский язык как *язык литературный*, что предполагает, среди прочего, отслеживание возникновения и развития *нормы литературного языка* [Navránek 1936: 1]. Подобная “телеологическая” трактовка истории литературного языка, когда предшествующий этап языкового развития исследуется постольку, поскольку он служит очередной ступенью к современному состоянию развитого и полифункционального литературного языка, надолго закрепились в чешской лингвистике. При всей логической выводимости подобного подхода из постулатов функционального метода и при всех его очевидных достоинствах, он не могла не привести к уменьшению интереса исследователей к исторической специфике конкретных языковых ситуаций, к особым, пусть и нередко маргинальным с телеологической точки зрения, фактам истории развития литературного языка, к его локальным разновидностям, к разнообразию его вариантов, норм и манифестаций.

Одним из следствий описанной ситуации является малое количество работ о «регионализме» в истории развития чешского литературного языка и чешской литературы в чешской филологической традиции второй половины XX в., а также их сугубо частный характер. На необходимость изменения этого положения в чешской филологии в статье 1956 г. «О регионализме в чешской литературе догуситской эпохи» указывал известный литературовед Й. Грабак [Hrabák 1956: 69-79]. Заметим, что современная богемистика лишь постепенно осознает необходимость исследования в рамках истории чешского литературного языка не только его высокой нормы, но и языковой периферии. Как замечает О. Коупил, «более широкий взгляд на вариантность, изменчивость

и различия чешского языка в его прошлом является задачей для будущей исторической социолингвистики чешского языка» [Kouřil 2007: 218].

Кроме того, существуют определенные пробелы и в описании «магистральной ветви» истории чешского литературного языка (истории чешского литературного языка в пределах его этнической территории), в связи с чем сопоставление текстов чешского происхождения и текстов, создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории, в ряде случаев оказывается затруднительным. Очевидно, что язык чешских памятников интересующего нас периода (XV-XVII вв.) описан не в полной мере, и сопоставление, основанное исключительно на сведениях, приводимых в чешских исторических грамматиках и описаниях отдельных памятников, в ряде случаев может приводить к неточным выводам [Giger 2006: 107-108]. Так или иначе, вплоть до появления более или менее полного описания языковых особенностей корпуса чешских текстов XV-XVII вв. во всем их жанровом и региональном многообразии мы вынуждены опираться на данные, приводимые в работах Я. Гебауэра, М. Комарека, В. Важного, Я. Порака, А. Лампрехта, Д. Шлосара и Я. Бауэра [Gebauer 1894-1898, 1958-1963, Komárek 1962, Vážný 1970, Porák 1983, Lamprecht-Šlosar-Bauer 1986], а также в ряде случаев прибегать к сопоставлению текстов, создававшихся вне чешской этнической территории, с доступными нам текстами, создававшимися на территории Чехии и Моравии. Результаты подобного сопоставления в дальнейшем могут быть привлечены к комплексному описанию истории чешского литературного языка, которое пока остается делом будущего.

Целью нашего исследования является установление характера связи языка текстов, создававшихся за пределами чешской этнической территории, с языком пражского центра, а также определение специфики и меры взаимодействия чешского литературного языка с говорами, распространенными на территориях его надэтнического функционирования.

Постановка данной цели предусматривает необходимость решения следующих конкретных **задач** исследования:

1) выработка общей методики описания языка текстов на чешском литературном языке, созданных за пределами этнической территории распространения чешского языка;

2) описание языка грамот, созданных в различных регионах функционирования чешского языка вне чешских земель;

3) сопоставление языковых особенностей текстов, создававшихся на чешском литературном языке в отдельном регионе, с доступными сведениями о языке чешских памятников соответствующего периода;

4) сопоставление языковых особенностей текстов, происходящих из различных областей надэтнического функционирования чешского литературного языка, между собой и интерпретация полученных результатов с применением лингвистического, в том числе контактологического, и историко-культурного инструментария.

Объект исследования. Объектом нашего исследования являются фонетические и морфологические особенности языка текстов, создававшихся на чешском литературном языке в Западной Словакии, Верхней Силезии и Малопольше.

Материал исследования. Основой данной работы послужил лингвистический анализ 252 грамот, созданных на чешском литературном языке за пределами чешских земель¹. Материал был собран путем исследования языка текстов по имеющимся изданиям в ходе работы с фондами Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага), книжного и рукописного собрания Института языкознания им. Л. Штура (Братислава), Университетской библиотеки (Братислава) и других зарубежных и

¹ Здесь и далее под чешскими землями понимается вся территория распространения чешского языка, т.е. Чехия в широком смысле (Česko), включающая в себя собственно чешские земли (Čechy), Моравию (Morava) и часть исторической Силезии – Чешскую Силезию (České Slezsko). О проблеме границ культурной и языковой идентичности в Силезии см. главу 4.

отечественных библиотек. Список грамот с указанием даты и места создания и имени адресанта (согласно приводимой в изданиях грамот информации) дается в конце диссертации (с.168). Подавляющее большинство исследованных грамот являются образцами деловой корреспонденции между представителями королевского двора, городами, крупными и мелкими феодалами Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии, с одной стороны, и чешскими землями, с другой. В тексте диссертации приводятся отдельные показательные примеры, полный список различных реализаций отдельных рефлексов можно найти в приложении.

Как отмечалось выше, исключительно важным фактором при изучении истории литературного языка является привлечение к исследованию достаточно репрезентативного корпуса текстов. Естественно, что наиболее показательными для исследования характерных черт чешского языкового присутствия за пределами чешской этнической территории являются тексты, создававшиеся носителями диалектов, не входящих в состав чешского диалектного континуума. Однако, во-первых, установление авторства и тем более идентификация этнической принадлежности авторов для памятников письменности донационального периода не всегда возможно. Во-вторых, мы можем предполагать некоторую степень интерференции в текстах, создававшихся представителями чешского этноса, долговременно проживавших на территории распространения диалектов другого, нежели чешский, языка. В-третьих, для истории любого литературного языка имеют особое значение не отдельные отклонения от его нормы (кодифицированной или основанной на облике авторитетных либо широко распространенных текстов), а системность подобных отклонений, имеющих потенцию стать характерными чертами того или иного локального варианта литературного языка. Таким образом, в сферу нашего внимания попадают все доступные чешские тексты, создававшиеся за пределами распространения диалектов

чешского языка в XV-XVII вв., кроме тех, о создателях которых более или менее достоверно известно, что они были чехами.

Выбирая для исследования деловую письменность, мы руководствовались следующими соображениями.

Во-первых, именно в памятниках деловой письменности, неразрывно связанными с бытовой сферой, мы ожидаем обнаружить наибольшую меру воздействия на чешский язык местного диалекта, и, таким образом, в данном случае вывод о единстве/разнородности языкового облика памятников особенно показателен.

Во-вторых, преимущественное внимание к памятникам делового письма объясняется той огромной ролью, которую деловая письменность сыграла в распространении чешского литературного языка за пределы земель чешской короны [Varsik 1956: 19, 23, 43-44, 46, 81; Krajčovič, Žigo 2002: 45; Macůrek, Rejnuš 1961: 209; Смирнов 1969: 105]. В этой связи данные деловой письменности исключительно важны для исследования истории бытования чешского литературного языка в качестве надэтнического (о месте деловой письменности в истории чешского литературного языка см. также главу 1).

Хронологические рамки исследования – 30-е гг. XV – 90-е гг. XVII вв. Нижняя граница исследуемого корпуса текстов определяется временем появления первых сохранившихся до наших дней связных грамот на чешском литературном языке, созданных за пределами чешских земель. Тексты изучались как по изданиям, в которых при передаче фонетических особенностей текста используется транслитерация средствами современной чешской графики (издания Й. Мацурека), так и по изданиям, использующим побуквенную транслитерацию текста (издания И. Книежи, Б. Варсика и др.).

Научная новизна исследования обусловлена не применявшимся ранее сопоставительным ракурсом изучения следов чешского языкового присутствия в соседних регионах. В большинстве своем тексты, анализ которых послужил

основой данной работы, никогда не подвергались лингвистическому исследованию.

Теоретическая значимость работы связана с принципиально новым подходом к истории чешского литературного языка как языка надэтнического. В диссертации впервые с использованием единой методики сопоставляются особенности языка текстов, создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории. Кроме того, в работе обсуждаются традиционные и современные подходы к понятию литературного языка донационального периода, характера его нормы, а также специфика языковой ситуации в славянских странах в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при комплексном описании истории чешского литературного языка, а также культурно-языковой истории чешского, польского и словацкого этносов. Заявленные в работе положения также могут быть использованы при чтении курсов «История чешского языка», «История словацкого языка», «История Чехии», «История Словакии», «История Польши», «Введение в славянскую филологию».

Методы исследования определяются поставленными в нем целями и задачами, а также критическим рассмотрением достоинств и недостатков методологического аппарата в трудах исследователей XIX – XXI вв. Основными методами исследования материала в данной работе становятся описательный, системно-структурный и функциональный. Особенно важной частью каждого из методов, использующихся в работе, является сопоставительный анализ. К исследованию материала в работе привлекаются отдельные элементы концептуального аппарата, выработанного контактной лингвистикой. Кроме того, специфика исследования текстов донационального периода предполагает привлечение к исследованию источниковедческого

анализа, а также сведений из истории и культуры славянских народов Центральной Европы.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложения.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА И НАДЭТНИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

В связи с тем, что наша работа предполагает реализацию нового подхода к истории чешского литературного языка, одной из задач ее, как отмечалось выше, является выработка самой методики описания чешского литературного языка за пределами его этнической территории. На протяжении полутора веков проблематика чешского присутствия в культурно-письменных традициях соседних этносов исследовалась средствами различных методов. Среди них можно выделить *историко-культурный* (Й. Первольф, А. Будилович, С. Цамбел, А. Пражак), *текстологический* (В. Неринг, Я. Станислав), *функциональный* (Б. Гавранек, Р. Якобсон, Л. Новак, З. Штибер) [Первольф 1890; Будилович 1892; Czambel 1887, 1903; Pražák 1922, 1929; Nehring 1876, 1877; Stanislav 1956, 1957; Havránek 1998 – 1 изд. 1940; Jakobson 1934; Novák 1938; Stieber 1950, 1955]. Кроме того, в статьях Б. Гавранека, Л. Новака и Й. Мацурека, а также в работах венгерских славистов Д. Дечи и П. Кирая [Macůrek 1958b, Macůrek, Rejnuš 1961; Király 1958; Décsy 1955] была осуществлена попытка *комплексного*, междисциплинарного подхода к проблематике, предусматривавшего учет исторического фона развития литературных языков, что представляется особенно важным, т.к. построение истории литературного языка «есть не только и даже не столько проблема лингвистическая, сколько историко-культурная, ибо лингвистика способна ответить на вопрос, в каких формах шло формирование языка и протекала его эволюция, что оставалось стабильным и что изменялось, создавало новую картину языка, но неспособна объяснить, почему в равных языковых, но неравных исторических условиях развитие близкородственных языков часто шло по разному пути» [Толстой 1988: 3].

Плодотворность междисциплинарного подхода, основанного на результатах анализа репрезентативного корпуса текстов в рамках функционального метода при обязательном привлечении сведений об историческом фоне развития литературного языка в последнее время была продемонстрирована исследованиями Ю. Верхоланцевой, Н. Н. Запольской, К. В. Лифанова, А. Лавриненко [Verkholantsev 2008; Запольская 2003; Лифанов 2001; Лавриненко 2008]. Прежде всего обращает на себя внимание интерес указанных исследователей к специфическим законам развития литературного языка в ситуации языкового контакта, а также попытка на основании изучения репрезентативного языкового материала рассмотреть законы этого развития, привлекая для анализа данные контактной лингвистики, исторической диалектологии, социолингвистики, истории культуры. Достаточно емко эксплицирует подобный комплексный подход А. Лавриненко: «Исследование влияния одного родственного языка на другой на каком-то историческом этапе их сосуществования предполагает генерально синхронно-диахронический подход с использованием сравнительно-сопоставительного, историко-сравнительного, описательного и функционального методов изучения. Важнейшие методики (приемы) исследования при этом – не только накопление, описание и классификация конкретного материала, но также использование методики параллельного изучения и сопоставительной (конфронтационной) интерпретации. [...] Необходимым компонентом диахронических исследований является также использование методики культурно-исторической интерпретации, а конкретно – осмысление результатов сопоставления в соответствующем культурно-историческом контексте» [Лавриненко 2008: 26].

Очевидно, что выработка конкретной методики исследования невозможна без критического рассмотрения подходов к литературному языку донационального периода в целом, а также без обращения к достижениям лингвистики в области исследования литературных языков, функционирующих как надэтнические.

Термин «литературный язык» относится в лингвистике к числу наиболее неоднозначных. По словам В. В. Виноградова, «трудно указать другое языковое явление, которое понималось бы столь различно, как литературный язык» [Виноградов 1978: 288]. Очевидно, что в настоящее время не существует единого понимания указанного термина, и мы вряд ли вообще можем рассчитывать на построение четкой и единой теории литературного языка, применимой как к национальному, так и к донациональному периоду (ср. [Нещименко 2003: 21]). Разнообразие терминов и понятий, употребляющихся при описании культурно-языковой ситуации в различных регионах в различные исторические эпохи, очень велико и нередко затрудняет отождествление того или иного лингвистического объекта в различных исследованиях. Описанное положение объясняется целым рядом причин.

Первая из них – объективная сложность описания объекта, структурные характеристики и функциональное наполнение которого во многом производны от исторической ситуации и общественных условий, которые, в свою очередь, зачастую весьма своеобразны в различных культурных областях у отдельных этносов [Гухман 1990: 270-271]. Так, при синхроническом подходе к исследованию литературного языка становится очевидно, что проблема концептуализации непрерывно меняющейся и бесконечно разнообразной культурно-языковой действительности не может быть решена в рамках одного всеобъемлющего исследования с четким концептуальным аппаратом. В отношении диахронического языкознания мы сталкиваемся с несколько другим аспектом той же гносеологической проблемы, выступающим в виде объективной сложности реконструкции культурно-языковой карты того или иного региона на основании лишь частично сохранившихся и лишь частично доступных исследователю памятников письменности, которые даже при условии максимально полного и тщательного описания и исследования вряд ли могут предоставить исчерпывающий материал для характеристики языковой ситуации прошлого в целом.

Во-вторых, будучи гуманитарной дисциплиной, неразрывно связанной с историей культуры, история литературного языка зачастую описывается в терминах, традиционно закрепившихся в той или иной национальной научно-гуманитарной традиции, что еще более усложняет задачу выявления общих закономерностей развития литературных языков у отдельных народов в различные эпохи. Для иллюстрации высказанного тезиса достаточно обратиться к различиям в содержании и объеме, а также во внутренней форме терминов, описывающих литературный язык в тех или иных национальных дискурсах – англ. *standard language/literary language*, нем. *Schriftsprache/Standardsprache*, чеш. *spisovný jazyk/literární jazyk*, пол. *język literacki/język ogólnopolski*, болг. книжовен език, итал. *la lingua letteraria*, словен. *knjižni jezik* и т.д. (о номенклатуре литературного и национального языка в различных традициях см. [Гухман 1970: 502-503; Нещименко 2003: 21-23; Siatkowska 2004: 8-10]). И даже в пределах одной научно-языковой традиции (в данном случае – русской), как отмечает Е. М. Лазуткина, сфера употребления термина «литературный язык», его использование в научном общении является актуальной проблемой современной терминологии [Лазуткина 2013].

В третьих, будучи категорией исторической, литературный язык, как указывалось выше, имеет разную внутреннюю структуру и различное функциональное содержание в отдельные исторические эпохи. В первую очередь эти различия касаются донационального и собственно национального периодов развития литературного языка (т.е. литературного языка сформировавшейся нации современного типа)². Модели функционирования различных литературных языков активно разрабатываются в лингвистике начиная с 20-х гг. XX в., когда лингвистами Пражского лингвистического кружка (Б. Гавранеком, В. Матезиусом, А. Едличкой и др.) были заложены

² Впрочем, некоторые исследователи указывают на продуктивность выделения в отдельную область исследования истории литературных языков – в данном случае славянских – еще и *преднационального периода* (2 пол. XVI-I пол. XVIII вв.), «без глубокого изучения которого трудно, а порой невозможно понять исторические корни многих важных проблем современных славянских литературных языков, тот облик, в котором они ныне выступают» [Демина 2008: 5-7].

основы современной теории литературного языка. Однако, как отмечает один из крупнейших специалистов по истории русского литературного языка А. А. Алексеев, удовлетворительное определение было дано лишь литературному языку национальной эпохи. В связи с исторической спецификой донационального периода развития литературных языков модели, применявшиеся для описания национального, современного этапа их существования, остаются в диахронических исследованиях без серьезной опоры. Так, во многом свойства донационального периода развития литературного языка определяются рукописной формой существования памятников, в то время как повсеместное распространение книгоиздательства и печатной продукции в общем соответствует периоду национальному. В связи с этим А. А. Алексеев следующим образом формулирует основные различия двух эпох: «литературный язык в рукописную эпоху дробился на разновидности узкофункционального назначения, был резко противопоставлен обиходному языку, фактически не зависел от процессов, происходящих в живом языке и имел крайне узкую социальную базу. Литературный язык в эпоху книгоиздательства выступает как в устной, так и в письменной формах, обладает универсальным единством норм, а свою социальную базу расширяет на весь коллектив через школьное образование и средства массовой коммуникации». В связи с указанными фактами исследователь выдвигает в первоочередные задачи истории литературного языка поиски адекватного метода исследования донационального периода его функционирования [Алексеев 2013: 4-6, 11].

Вопрос о различном содержании терминов «литературный язык» для различных исторических эпох актуален по сей день³. В славистике данная

³ Ср. в этой связи также позицию современного чешского исследователя О. Коупила, в своей работе о грамматической рефлексии чешского языка в XV-XVII вв. вообще отказывающегося от термина „spisovný jazyk“ в пользу наименований „kulturní jazyk“, „jazyk spisů“ и „literární jazyk“. Свою позицию О. Коупил объясняет нежелательностью неизбежной ассоциации термина „spisovná čeština“ с концепциями литературного языка Пражской лингвистической школы, разрабатывавшимися исключительно для описания современных литературных языков [Коупил 2007: 12-15] - заметим, столь четкая ассоциация существует, пожалуй, только в чешской (чехословацкой?) национальной научно-гуманитарной традиции.

проблема, судя по всему, впервые стала активно обсуждаться в рамках многолетней дискуссии о диалектной базе польского литературного языка, в ходе которой различные польские исследователи (К. Нич, Т. Лер-Сплавинский, А. Брюкнер, В. Курашкевич, С. Урбанчик, С. Роспонд, В. Ташицкий, Т. Милевский и др.) обращали внимание на различия в структуре и функционировании литературного языка донационального и национального периодов (ср. обзор мнений, высказанных в ходе дискуссии, в [Małęgowa 1956]). Новый виток обсуждения данной проблематики связан с рубежом 50-60-х гг., когда А. В. Исаченко, продолжавший в своей деятельности традиции Пражской школы, предложил известное определение «литературного языка в современном понимании этого термина (sic!)» как поливалентного, нормированного, общеобязательного и стилистически дифференцируемого идиома [Исаченко 1958: 42]. В связи с тем, что ни один из языков славянской письменности в донациональный период своего развития в полной мере не соответствовал указанным выше четырем критериям, А. В. Исаченко предлагал отказаться в их отношении от термина «литературный язык» и называть их просто «письменными».

Точка зрения А. В. Исаченко в истории науки о литературном языке, несомненно, обладала определенной эвристической силой, поскольку мотивировала многих исследователей задуматься о различных свойствах литературных языков на различных этапах их развития. Вместе с тем, она неоднократно подвергалась критике в связи со стремлением к упрощению картины функционирования литературных языков. Дело в том, что становление отдельных дифференциальных признаков литературных языков протекает неравномерно, и не в любом крупном литературном языке современного типа представлена вся совокупность выделенных А. В. Исаченко признаков (ср. об этом [Гухман 1970: 505]).

Стремление терминологически разграничить идиомы, употреблявшиеся в различные эпохи в области социально престижной коммуникации, привело к появлению терминов «стандартный язык», «письменный язык», «язык письменности», «культурный язык», «культурный диалект»⁴. Однако, несмотря на то, что термин «литературный язык», несомненно, имеет недостатки, а его употребление в той или иной мере можно признать условным, замена указанного термина в настоящее время, по крайней мере в рамках русской лингвистической традиции, признается исследователями неоправданной и излишней [Ремнева 1995: 11; Лифанов 2001: 25; Нешименко 2003: 66]. Несмотря на все различия в функционировании литературных языков на различных этапах их развития, литературный язык является «не подлежащей никакому сомнению языковой реальностью», как и всякая реальность подверженной историческим трансформациям, однако сохраняющей свою внутреннюю сущность и основную функцию [Виноградов 1978: 288]. Думается, что синтетический подход к трактовке истории и современного состояния литературных языков является наиболее продуктивным и позволяет избежать терминологической путаницы, к которой неминуемо приводит отступление от принципа методологического редукционизма. В связи с этим, несмотря на обоснованные сомнения ряда исследователей в возможности употребления термина «литературный язык» в диахронических исследованиях, в данной работе мы будем пользоваться указанным термином в отношении донациональной эпохи. Это представляется вполне обоснованным при учете того факта, что в трудах ряда авторов-славистов предлагаются достаточно содержательные общие определения литературного языка и характеристики его свойств, могущие служить исходным пунктом при исследовании того или иного периода его функционирования. Так, В. П. Гудков предлагает считать литературным языком систему/системы «(обще)принятых речевых средств выражения (фиксации) социально значимой информации (производственной,

⁴ Подробнее о генезисе терминов «культурный диалект» и «культурный язык», исключительно важных для словацкой лингвистической традиции, см. главу 4.

мировоззренческой, художественной и т.п.) с целью передачи ее в пространстве (между соотечественниками) и во времени (между представителями разных поколений)» [Гудков 1993: 7]. Аспект социальной значимости языкового идиома *на всех этапах существования этноса* подчеркивается Г. П. Нещименко при выделении в структуре этнического языка двух коммуникативных ареалов – ареала непринужденного повседневного общения и ареала высших коммуникативных функций, связанного с необходимостью регуляции речевого поведения и в связи с этим представленного обработанным, «культивированным идиомом» – литературным языком [Нещименко 2003: 46, 56, 69].

В рамках указанного синтетического подхода к определению идиома, функционирующего на всех этапах существования этноса в ареале высших коммуникативных функций, как литературного языка, тем не менее, принципиально важно описание характерных особенностей национального и донационального периодов его бытования. В ряде работ последнего времени наблюдается стремление к сужению значения терминов, описывающих языковую ситуацию предшествующих эпох, при сохранении их традиционных терминологических наименований, в связи с чем речь ведется о «литературном языке старого типа» (К. В. Лифанов), «диглоссийной ситуации “досовременного” периода» (*předmoderní diglosijní situace*, М. Гигер) [Лифанов 2001: 209, Giger 2006: 82]. Подобное ограничение вводилось и для понятия языковой нормы.

Естественно, что для того, чтобы наиболее успешно выполнять функцию трансляции социально значимой информации, средство коммуникации должно обладать достаточным уровнем стабильности: на протяжении тысячелетнего развития литературного языка «неизменным остается социолингвистический момент – применение наиболее стабильной языковой разновидности в качестве средства общественной коммуникации» [Алексеев 2013: 10]. В свою очередь,

стабильность предполагает определенную степень «обработанности языка и связанные с ней отбор и относительную регламентацию», специфика которых, тем не менее, варьируется от эпохи к эпохе [Гухман 1970: 502-503].

Отбор и относительная регламентация языковых элементов в составе культивируемого идиома, выполняющего высшие коммуникативные функции и связанного с регулируемым речевым поведением, связаны с понятиями кодификации, нормы и узуса, понимаемых в современной лингвистике весьма неоднозначно.

Для донационального периода существования литературного языка из приведенных выше понятий, связанных с регламентацией языковых средств в системе «культивируемого идиома», актуальными оказываются норма и узус, поскольку кодификация языковых средств является специфическим признаком литературного языка национального периода [Гухман 1970: 520-521]. В самом общем смысле литературная норма определяется как «некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его развития и осознаваемых им как правильные и образцовые» [Семенюк 1970: 566, 574]. При этом, вне всякого сомнения, норма литературного языка является категорией исторической, что проявляется как в форме закрепления нормы (кодификация vs. ориентация на образец), так и в ее внутренних свойствах – степени стабильности, избирательности и дифференцированности [Семенюк 1970: 579, 590]. Так, норма литературного языка донационального периода обычно описывается как гораздо более вариативная, нежели норма современного литературного языка [Гухман 1970: 521]. В свою очередь, узус представляется языковой реалией, имеющей менее значительную, нежели норма, степень устойчивости. Основным дифференциальным признаком тут оказывается не образцовость, но частотность употребления: «узуальным является то, что часто, обычно, независимо от того, необходимо оно или нет, правильно или ошибочно,

подходяще или неподходяще» [Hausenblas 1960: 14]. Однако, как отмечает К. В. Лифанов, при практическом исследовании памятников письменности границы между двумя понятиями оказываются размытыми, что нередко приводит к отождествлению двух понятий либо попыткам их синтеза [Лифанов 2001: 26]. В особенности это касается описания памятников деловой письменности с их обычно более пестрым языковым обликом, обусловленным меньшей стабильностью нормы делового письма в целом. В исследованиях административно-деловых текстов применяется не вполне удачный термин *узуальная норма*⁵, отсылающий к такому типу формирования нормы, при котором «авторы деловых текстов в своей практике составления документов пользуются не предписанными официально правилами, а навыками, которыми владели и другие писцы» [Копосов 2000: 22].

Не вполне ясна трактовка понятий «узус» и «норма» в чешской диахронической лингвистике. В основополагающей для истории чешского литературного языка Нового времени работе Я. Порака «Гуманистический чешский язык» в большинстве случаев речь идет о трансформациях *узуса* печатных и рукописных текстов; понятие *нормы* встречается у Я. Порака значительно реже и, насколько можно понять из авторского словоупотребления, является синонимом словосочетания «устойчивый узус» (*ustálený úzus*) и связано в первую очередь с печатными, а не рукописными текстами. Вместе с тем, в общем смысле работа Порака посвящена именно формированию нормы [Porák 1983: 12-16].

В связи с тем, что хронологические рамки нашего исследования (XV – XVII вв.) охватывают и период, когда чешская литературная норма еще находится в процессе становления (XV – 1 пол. XVI в.), нам представляется

⁵ Ср. заглавие работы В. В. Кавериной «Узуальная норма деловой письменности XVII в.: орфография префиксов» [Каверина 2004].

обоснованным сохранить в данной работе понятие литературного (письменного) узуса как предшественника более или менее устойчивой литературной нормы, о которой, с теми или иными исключениями, можно говорить со 2-й половины XVI в. [Havránek 1936: 60]. Тем более что в отношении текстов, созданных за пределами чешской этнической территории, еще только предстоит установить, насколько устойчивым был узус грамот, возникших в том или ином регионе, и формировалась ли там местная норма либо тенденции развития были такими же, как в памятниках чешского языка, созданных в чешских землях.

Иным характерным отличием донационального периода истории литературного языка от национального является бóльшая распространенность того типа языковой ситуации, когда в качестве письменного литературного языка употребляется не “свой”, а “чужой” язык, т.е. вместо местного этнического языка в указанной функции выступает язык иного этноса, а. границы литературного языка и народности не совпадают [Виноградов 1978: 289-290]. Вообще, как отмечает Г. П. Нецименко, в истории этносов вполне обычны ситуации, когда коммуникативное пространство моноэтнической общности обслуживается не только этническим языком местного населения, но и иными языками, и в зависимости от внешних причин удельный вес интерлингвального и интралингвального ракурсов в языке может существенно меняться [Нецименко 2003: 19-20, 68]. Впервые на подобные ситуации в истории славянских языков, по-видимому, обратил внимание Н. С. Трубецкой в работе, считающейся предтечей “пражской” теории литературного языка – в статье «Общеславянский элемент в русской культуре» [Трубецкой 2010: 385-438]. В работе Трубецкого проводится идея о том, что в силу различия функций народного говора, с одной стороны, и литературного языка – с другой, литературный язык всегда стремится эмансипироваться от “неудобной” формальной близости к тому или иному народному говору. Подобное функционально обусловленное стремление объясняет не только

распространение литературного языка на территории не одного, а нескольких (многих) говоров, но и выход литературного языка за пределы языковой области этноса, на основе говоров которого этот литературный язык сложился: «тогда окажется, что литературный язык, развившийся на основе говора *а* в местности А, в конце концов привьется и будет существовать в местности Б, где господствует народный говор *б*, совсем непохожий на *а*» [Трубецкой 2010: 391]. При этом неизбежным будет взаимодействие и пересечение между местными говорами одного языка как основой языковой компетенции носителей данного языка, с одной стороны, и используемым на этой же территории в культурной сфере литературным языком, в основу которого в свое время легли говоры иного языка. Данная ситуация может приводить к различным результатам: в частности, на базе подобного взаимодействия могут образовываться различные «местные формы» (редакции) литературного языка. В качестве примера подобных редакций Трубецкой приводит изводы церковнославянского языка, который, по его мнению, с самого начала был общеславянским литературным языком – македонско-церковнославянский, хорватско-церковнославянский, древнеболгарско-церковнославянский, а также язык Киевских листков (предположительно чешского либо моравского происхождения), из которых лишь древнеболгарско-церковнославянский в силу различных причин оказался единственным полноправным наследником древней традиции. В свою очередь, древнеболгарско-церковнославянский язык сам стал источником традиции, и в ходе его распространения среди других славянских племен и постепенной трансформации под воздействием местных говоров возникли старосербский церковнославянский язык, среднеболгарский язык и старорусский церковнославянский язык [Трубецкой 2010: 394].

Далее, опираясь на мысль о церковнославянском языке как о языке-источнике различных письменных традиций славянских народов, Н. С. Трубецкой строит классификацию славянских языков на основании наличия/отсутствия преемственности по отношению к иному литературному

языку. Согласно этой классификации, все славянские литературные языки, за исключением сербохорватского и словенского («выпавших из связи с литературно-языковыми традициями»), разделяются на языки церковнославянской традиции, в истории которых характерной чертой была «связь по преемству» (русский и болгарский), и языки польско-чешской традиции, связь между которыми всегда осуществлялась не по преемству, но по влиянию (польский, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий и украинский литературные языки) [Трубецкой 2010: 417].

Идея Н. С. Трубецкого о «связи по преемству» в отношении языков церковнославянской традиции нашла свое продолжение в работах Н. И. Толстого о «локальных типах» церковнославянского языка позднего периода. Примечательно, что при описании истории церковнославянского языка Н. И. Толстой нередко прибегает к понятиям, заимствованным из контактной лингвистики — так, в его работах мы встречаемся с трансформациями церковнославянского языка на базе «народных субстратов», с описанием процесса взаимодействия между «народными литературными языками» и древнеславянским (церковнославянским) литературным языком как процесса «креолизации», а церковнославянский язык позднего периода в его различных местных разновидностях (локальных типах) называется «гибридным церковнославянским языком» [Толстой 1988: 46, 54-55].

Мысль о гибридизации («креолизации») двух идиомов как основе формирования языка отдельного памятника, группы памятников либо целой письменной традиции в мире *Slavia Orthodoxa* неоднократно возникает в лингвистических трудах последних десятилетий. Гибридная основа обнаруживается в языке древнерусских летописей, языке Феофана Прокоповича (В. М. Живов), в памятниках литературного языка Великого княжества Литовского («руської мовы») — и, в частности, в Библии Ф. Скорины (Н. Н. Запольская, Ю. Верховланцева) [Живов 1985; Запольская 1993, 1999;

Verkholantsev 2008]. Механика формирования гибридных литературных языков была впервые описана В. М. Живовым [Живов 1995: 1998]. Согласно исследователю, в силу близости авторитетного литературного (церковнославянского) и родного языка писца (русского, сербского, болгарского) создание текста на литературном языке во многом основывалось на ресурсах родного языка. Тем не менее, для создания текста на литературном языке пишущий должен был в определенной мере осознать различия между родным говором и литературным языком. При этом он, естественно, ориентировался не на грамматические руководства, а на авторитетные тексты, которые служили «постоянным фоном его культурной деятельности». Пассивное восприятие подобных текстов формировало у читателя представление о наборе признаков, противопоставляющих книжный (церковнославянский) и некнижный (родной) язык, что приводило к складыванию «механизма пересчета книжных элементов в некнижные» и наоборот [Живов 1988: 51]. При необходимости создания текста на церковнославянском языке пишущий вводил в текст указанные признаки, маркируя его “литературный” характер. При этом набор признаков, достаточных для восприятия текста как “литературного”, был ограничен, остальные же элементы, вне зависимости от книжного/некнижного происхождения, могли проникать в текст без всякой системы. «Гибридный язык опирается не на особую норму, а на литературную традицию, и на ряд ошибок приучает смотреть как на допустимые отклонения» [Живов 1985: 75]. В связи с генетической близостью говора, на котором основан литературный язык, и родного говора создателя текста, многие элементы этих двух систем совпадали, что приводило к их объединению в одну гибридную систему, в рамках которой книжные и некнижные элементы могли нейтрализоваться [Лифанов 2001: 35].

Таким образом, идея гибридизации церковнославянского языка и местных славянских говоров, в ряде случаев осложнявшейся привлечением

дополнительных идиомов (как в случае Библии Ф. Скорины и «простой мовы» - чешского литературного языка) ныне широко принята в рядах славистов, занимающихся культурной историей мира *Slavia Orthodoxa*. Значительно реже обращается внимание на типологически сходные процессы, происходившие в истории западнославянских литературных языков, связанных, по мысли Н. С. Трубецкого, не по «преемству», а лишь по «влиянию». Вместе с тем, мысли о гибридном характере ряда памятников, возникавших в различных регионах мира *Slavia Latina*, находившихся в сфере культурного влияния чешских земель, высказывалась еще исследователями XIX – начала XX вв. Так, мысль о «смешанном языке чешско-польском» возникает в описаниях языкового облика ряда памятников у Й. Первольфа [Первольф 1883: 41-44]; о формировании смешанного «чешско-словацкого языка» (*českoslovenčina*⁶) рассуждает в своих обзорных работах С. Цамбел [Czambel 1887: 1-32; Czambel 1903: 174-179]. На гибридный характер ряда текстов (*čeština polské recense, „gmatwanina dwujęzykowa”*) и сходство истории церковнославянского и чешского литературного языков указывал в своих работах 30-х гг. Р. Якобсон [Jakobson 1934: 72-75; Jansen⁷ 1939: 9-20]. Сопоставление роли церковнославянской традиции в истории литературных языков южных и восточных славян и чешской традиции в истории словацкого языка возникало и в словакистике [Novák 1938: 285-287; Décsy 1955: 278-286]. Однако, учитывая слабую исследованность материала (см. введение), трудно более определенно говорить о типологических сходствах и различиях процессов гибридации в истории церковнославянского и чешского литературного языков.

Особенно важно, что привлечение к описанию истории славянских литературных языков донационального периода понятий, заимствованных из концептуального аппарата контактной лингвистики (гибридизация, креолизация), позволяет по-новому и, вместе с тем, достаточно убедительно

⁶ О генезисе и современном употреблении понятия «чехословацкий язык» см. [Nábělková 2008: 115-120]

⁷ Псевдоним Р. Якобсона, которым в связи с запретом публикации в Протекторате Богемии и Моравии были подписаны статьи в сборнике «Что дали наши земли Европе и человечеству».

интерпретировать ряд явлений в истории литературных языков, генетический аспект которых ранее зачастую трактовался в категориях “свой” – “чужой” в этноязыковом отношении (русский – церковнославянский, болгарский – церковнославянский и т.д.). Вместе с тем, очевидно, что подобное противопоставление языковых элементов в этногенетическом плане свойственно донациональному периоду существования литературного языка в меньшей степени, нежели современному этапу его развития (ср. об этом [Bělič 1975, Лифанов 2001: 23-24]). Кроме того, для исследователя истории литературного языка за пределами его этнической территории представляют значительный интерес разработки контактологов, касающиеся изучения последствий контакта двух языков для их систем и проявления инноваций, возникающих в ходе контакта, на различных языковых уровнях.

В лингвистике существуют различные наименования идиомов, возникающих в ходе интерференции литературного языка и говоров определенной местности, где этот литературный язык функционировал. Так, в русской палеославистике наиболее традиционным наименованием разновидностей церковнославянского языка является «извод – национальная модификация старославянского (=древнего общеславянского культово-литературного языка)» [Панин 1995: 8-9]. Однако применение этого термина в отношении иных, кроме церковнославянской, традиций, кажется нам неприемлемым в связи с его крепкой ассоциативной связью с определенной культурной парадигмой. Вместо указанного термина в палеославистике нередко используется понятие «редакция литературного языка» (И. С. Улуханов, И. Тот, В. М. Живов – в отношении церковнославянского, К. В. Лифанов – в отношении чешского). Однако указанный термин в первую очередь связан со сферой исследования именно истории *письменности*, а также вызывает ассоциации с сознательной правкой текстов, противопоставляющейся трансформациям языковой основы, возникающим в ходе бытования языка либо памятника на той или иной территории [Жуковская 1976: 18]. Нам

представляется, что наиболее подходящими терминами для описания территориальных разновидностей литературного языка являются «территориальный вариант литературного языка» (ТВЛЯ, см. [Дубинин 2000: 7]) либо «локальный тип» литературного языка (см. [Толстой 1988: 52]), т.к. они соответствуют более широкому подходу к феноменам языкового варьирования и в большей степени соответствуют ракурсу социолингвистики – как синхронической, так и диахронической.

В связи с задачами данной работы представляется также необходимым обратиться к типам вариативности нормы, выделенным А. Едличкой [Jedlička 1968: 121-123]. Исследователь выделял четыре типа вариантности нормы литературного языка – вариантность историческую, региональную, контактную и стилистическую. Для целей нашего исследования оказываются актуальными два типа вариантности – историческая и региональная. Исследование текстов на чешском литературном языке, создававшихся за пределами чешской этнической территории, приводит нас к мысли о необходимости выделения еще одного специфического смешанного типа вариантности – мы называем ее *специфической вариантностью*. Дело в том, что норма чешского литературного языка, как и норма любого литературного языка донационального периода, характеризовалась большим количеством исторически обусловленных вариантов. Так, например, несмотря на то, что процесс диссимиляции *šč>št'* на основной территории распространения чешского языка в XV в. завершился, вплоть до конца XV в., да и в XVI в. в текстах присутствуют оба варианта реализации рефлекса – старый и новый. В рамках чешского литературного языка это была вариантность историческая. Однако указанная вариантность могла совершенно иначе восприниматься не-носителями чешского языка, использовавшими в письменности этот язык в его литературной, обработанной форме. Так, старший вариант реализации рефлекса (*šč*), совпадал, к примеру, с реализацией данного рефлекса в западнословацком диалекте. Создатель текста грамоты, встречая в текстах вариант, соответствующий своему родному говору,

мог начать употреблять его в большем количестве позиций, нежели встречал это в текстах на чешском литературном языке, и таким образом могла возникать вариантность региональная, а узус чешского литературного языка мог в отдельных регионах видоизменяться. Для каждого из исследуемых рефлексов в дальнейшем предстоит установить, соответствует ли распределение вариантов их реализаций в текстах того или иного происхождения обычному для чешских текстов соответствующей эпохи распределению вариантов – либо вариант, находивший поддержку в местных говорах, начинал в текстах преобладать. Сохранение в текстах исторической вариантности, таким образом, может свидетельствовать о континуальности развития чешского языка в том или ином регионе, появление же вариантности региональной будет являться характерной чертой узуса текстов определенного географического происхождения.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о статусе деловой письменности в системе письменной коммуникации в различных регионах в различные эпохи. Суть проблемы состоит в возможности признания памятников деловой письменности памятниками литературного языка. При описании истории литературного языка в Древней Руси обычно постулируется наличие «последовательно противопоставленных друг другу норм языка книжно-славянской и деловой письменности, отражающих различия в содержании текстов и сфере их применения» [Ремнева 1995: 38-40]. Однако, согласно В. М. Живову, в различных славянских регионах статус деловой письменности не был одинаков: кодификация действующих юридических норм у восточных славян, по-видимому, лежит вне культурной сферы, и поэтому в ней употребляется некнижный (деловой) язык, в то время как у южных славян государственное юридическое творчество входит в сферу культурной письменности и поэтому испытывает значительное влияние книжного языка [Живов 1988: 53].

Очевидно, что деловая письменность в мире *Slavia Latina* и, в частности, чешская деловая письменность, обладала в системе культурной коммуникации иным статусом, нежели деловая письменность в истории языков церковнославянской традиции. Это связано с тем, что чешский литературный язык, изначально имевший разговорную основу, не был непосредственно связан с сакральной сферой и мог свободно употребляться в деловой письменности. Более того, в истории чешского литературного языка памятники деловой письменности в определенные периоды представляли более устойчивую и разработанную норму, чем литературные тексты, не вполне избавившиеся от влияния латыни. В этом смысле история чешского литературного языка, вероятно, стоит значительно ближе к иным этническим литературным европейским языкам, для истории которых исключительно важны памятники деловой, канцелярской прозы, нормы которой нередко определяли отличительные признаки литературных языков нового времени. Так, например, в истории немецкого литературного языка в XIV-XV вв. «канцелярские языки» выдвинулись на роль ведущего функционального варианта письменно-литературного языка [Дубинин 2000: 77-79], ср. также [Гухман, Семенюк 1983: 142-146]. В отношении чешского языка гуманистического периода, по мнению Б. Гавранека, можно говорить об очень высоком уровне развития и единстве норм во всех сферах письменной коммуникации – как публичной, так и частной [Navránek 1936: 31; 58]. В связи с этим привлечение к исследованию истории чешского литературного языка памятников деловой письменности представляется вполне обоснованным.

Опираясь на вышеизложенные теоретические положения, мы приступаем к рассмотрению функционирования чешского литературного языка в отдельных регионах.

ГЛАВА 2. ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ МАЛОПОЛЬШИ (2-Я ПОЛ. XV – 1-Я ПОЛ. XVI ВВ.)

Начиная разговор о бытовании чешского литературного языка в Польше, следует четко разделить несколько объектов изучения. Это деление опирается, с одной стороны, на выделение различных аспектов функционирования чешского литературного языка на польской территории, с другой же – на различные подходы к изучению “экспансии” чешского литературного языка в различных научных традициях. Это, во-первых, чешское *влияние* на польский литературный язык в самой общей перспективе и во всем разнообразии его проявлений. Во-вторых, *употребление* чешского литературного языка в деловой письменности юго-восточных районов Польши. В силу того, что чешское влияние на польский литературный язык охватывает достаточно длительный период времени (XII-XVII вв.), а также в связи с принципиальной важностью описания форм взаимодействий двух близкородственных языков как для истории польского литературного языка, так и для истории чешского литературного языка, большинство имеющихся работ, посвященных чешско-польским языковым связям, написаны в рамках первого подхода к проблематике (вопрос о *влиянии*). *Употребление* же чешского языка в польской письменности исследовалось значительно реже. Как еще в 1961 г. отмечал Й. Мацурек, исследование влияния чешского языка на польской территории практически всегда ограничивается «либо рассмотрением чешских слов и чешских юридических формул, перешедших в Польшу XII-XIV вв., либо изучением следов чешского языка в польских литературных и богослужебных письменных памятниках XV в., либо разбором взаимоотношений между литературным чешским и литературным польским языками вплоть до середины XVI в.» [Macurek, Rejnuš 1961: 165].

Впервые на бытование чешского литературного языка в Малопольше указал Й. Первольф. В свое время чешский историк обратил внимание на

факты, свидетельствующие о владении чешским языком при краковском королевском дворе, а также в королевской канцелярии: во-первых, касающиеся силезских дел записи вносились в польскую коронную метрику по-чешски; во-вторых, и королевский двор, и польская шляхта переписывались с силезскими князьями и силезской шляхтой, а также с наемными чешскими ротами также по-чешски. Свою роль в распространении чешского языка на территорию Малопольши, по мнению Первольфа, сыграли малопольские дворяне, владевшие имениями в Силезии, и выходцы из Малопольши, служившие чиновниками в Силезии. В силу того, что чешский литературный язык в той или иной мере был известен в Малопольше, чешские книги, издававшиеся как в самой Чехии, так и в Кракове, находили себе польских читателей и способствовали формированию общественной моды на чешский язык, проявившейся, среди прочего, в богемизации языка произведений ряда польских авторов (Ст. Ожеховского, М. Бельского, С. Клёновича) [Первольф 1890: 230-246].

Более подробно останавливается на вопросе функционирования чешского литературного языка на территории Польши Й. Мацурек, осуществивший наиболее полное на сегодняшний день издание документов, созданных на чешском языке на территории Польши и Великого княжества Литовского (67 единиц) [Macurek, Rejnuš 1961: 163-261]. Данному изданию сопутствует развернутый обзор исторического фона чешско-польских языковых контактов, а также характеристика сферы употребления чешского литературного языка в Польше. Заметим, что Й. Мацурек, концентрировавшийся на вопросе об истории употребления языка на собственно польской территории, сознательно не включил в свое издание силезский материал: он считал, что использование чешского литературного языка в Силезии имело свои характерные особенности и объяснялось принадлежностью различных силезских княжеств в XIV-XVI вв. к чешской короне (даже в случае Осветимского и Заторского княжеств, со второй половины XV в. отошедших Польше) [Macurek, Rejnuš 1961: 210-211].

Согласно Й. Мацуреку, первая дошедшая до нас чешская грамота с территории Польши относится к 1431 г. (грамота литовского князя Свидригайло, МсЗ-1431); большинство опубликованных в издании грамот было создано на рубеже XV-XVI вв. Рассуждая о причинах появления чешского литературного языка в польской письменности в 1470-1490 гг., Й. Мацурек отмечает важность совокупного действия целого ряда факторов, среди которых высокая степень развития чешского литературного языка, его активное употребление в деловой письменности в чешских землях, а также, что особенно важно, его бытование за пределами чешской этнической территории – в Верхней Силезии, в особенности в Осветимском и Заторском княжествах, и в Словакии. Кроме того, в проникновении чешского языка в польскую деловую письменность свою роль сыграло движение населения между Силезией и Польшей, а также долговременное пребывание чешских наемных воинов в польских землях, т.к. они как друг с другом, так и с польской стороной общались на своем родном чешском языке.

В период наиболее активного употребления в Польше чешский литературный язык использовался в грамотах польской королевской канцелярии и польских городов, представителями польских центральных органов власти, рядом дворян, а также польскими наемными воинами. Естественно, что в большинстве случаев речь идет о коммуникации с чешскими землями либо с территориями, где чешский язык был распространен и понятен (Силезия, Словакия). Чешские грамоты польского происхождения постепенно исчезают во второй половине XVI в. в связи с формированием польского литературного языка и развитием польской письменности на этнической основе [Macurek, Rejnuš 1961: 200-201, 205, 208].

Источником нашего исследования являются грамоты из указанного выше издания Й. Мацурека. В ходе работы были изучены языковые особенности 36 грамот, созданных этническими поляками на территории Польши, а также, в ряде случаев, в Чехии и Словакии. Подавляющее большинство грамот

происходит с территории Малопольши. В дальнейшем грамоты обозначаются сокращенно (напр., Мс29-1480): сочетание букв отсылает к изданию, номер соответствует номеру грамоты в издании, далее приводится год создания грамоты (список грамот см. на стр. 169).

Корпус исследуемых грамот польского происхождения неоднороден, несмотря на то, что значительное количество грамот происходит из королевской канцелярии (всего 22 грамоты), в отношении которой мы могли бы предполагать некоторое единство письменного узуса. Вместе с тем, неоднородность языка посланий, адресантом которых является одно лицо (причем создававшихся в одно и то же время) говорит о том, что общности узуса не было даже в королевской канцелярии, и многое зависело от выучки отдельного писца (ср., напр., грамоты короля Казимира Мс11-1455 и Мс14-1455, первая из которых демонстрирует строгое следование чешской норме, а вторая включает фонетические полонизмы и ряд польских лексем). Кроме того, в грамотах мы зачастую встречаемся со значительной степенью вариантности в отражении одного и того же рефлекса, что является характерной чертой средневекового литературного узуса вообще.

2.1. Вопрос о характере языка грамот. Связь языка грамот польского происхождения с современным им чешским литературным языком

Все исследованные нами грамоты с территории Польши имеют своей основой чешский литературный язык, так или иначе видоизмененный под влиянием польского языка. Континуальность развития чешского языка в польских документах проявляется в достаточно последовательной передаче в текстах характерных для чешского языка рефлексов и, в свою очередь, непоследовательного проникновения в тексты полонизмов. Ряд характерных для чешского языка явлений в текстах вообще не имеет вариантов реализации, обусловленных влиянием польской среды. Так, в частности, в текстах вообще

не отражается характерное для польского языка взрывное /g/: повсеместно, даже в наиболее полонизированных текстах, представлено чешское фарингальное /h/: Mc23-1473 uherských, Mc32-1488 mohutného, Mc33-1490 nahoře, Mc34-1491 ohražujem, Mc35-1491 ohradzujemu и т.д. Кроме того, в текстах не представлены примеры на типичный для малопольских говоров процесс мазурения (замены ряда отвердевших шипящих š, ž, č рядом твердых свистящих s, z, c, ср. [Тихомирова 2005: 349])⁸.

Ряд других явлений, отделяющих польский язык от чешского языка (рефлексы *tort, tolt как trot, tlot, носовые гласные, диспалатализация *e>'o, *ě>'a, сохранение палатализации губных и зубных в ряде позиций, рефлекс *dj>ž без упрощения в z), хотя и представлены в текстах, но, однако, реализуются единичными примерами (см. ниже в описании характерных полонизмов). В большинстве случаев в отношении указанных выше рефлексов в текстах представлены чешские по происхождению корреляты их реализаций.

Исследованные тексты польского происхождения сохраняют связь с языком современных им чешских текстов, что проявляется в двух характерных особенностях письменного узуса: отражении исторической (а не региональной) вариантности у ряда рефлексов, а также в присутствии в текстах центрально-чешских инноваций, в XVI в. постепенно становящихся частью литературного узуса, в особенности его разговорного варианта.

2.1.1. Специфическая вариантность в текстах польского происхождения

2.1.1.1. Диссимиляция šč>št'

⁸ Процесс мазурения, свойственный малопольским говорам, никогда не отражался в польском литературном языке [Ананьева 2009: 32]. Кроме того, необходимо отметить, что особенности чешской (а также польской) графики рассматриваемого периода, в частности, передача шипящих диграфами si, zi, ci, встречающаяся в ряде текстов (ср. Porač 1983: 21; Ананьева 2009: 32), в большинстве случаев не позволяют сделать однозначного вывода о наличии фиксации мазурения. Однако отсутствие очевидных фиксаций данного типично малопольского фонетического процесса представляется очень показательным.

Процесс диссимиляции $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}'$ осуществляется в чешских диалектах в XIV-XV вв. (чеш. $je\check{s}\check{c}e > je\check{s}\check{t}\check{e}$, ср. пол. $jeszcze, \check{s}\check{c}estie > \check{s}\check{t}\check{e}st\acute{i}$, ср. пол. $szczęście$). Что касается отражения указанного фонетического процесса в памятниках письменности, то в текстах XIV в. при наличии инновации еще преобладает старший вариант $\check{s}\check{c}$, в течение XV в. $\check{s}\check{c}$ постепенно вытесняется, и в XVI в. уже преобладает $\check{s}\check{t}'$ [Komárek 1969: 140; Lamprecht-Šlosar-Bauer 1986: 124]. Допустив воздействие на язык грамоты родного (польского) языка ее создателя, мы могли бы предположить, что в случае, когда польский язык очевидно поддерживает одну из реализаций рефлекса, представленную в чешском тексте на правах варианта, именно эта реализация будет представлена в текстах в большей мере. Однако реальная ситуация в исследованных текстах не подтверждает нашего предположения: в текстах польского происхождения очевидно преобладает чешская инновация ($\check{s}\check{c}$ – 4, $\check{s}\check{t}'$ – 13 примеров), что свидетельствует о том, что их создатели ориентировались на чешский письменный узус эпохи. Ср.: Mac22-1471 *zvláště*, Mac24-1474 *příští, příštíeho*, Mac44-1507 *dopůštějice*, Mac45-1507 *zvláště*, Mac46-1507 *zvláště*, Mac53-1520 *zvláště*, Mac54-1520 *zvláště*, Mac55-1521 *zvláštěně*, Mac59-1529 *vypouštěti, zvlášt'*, Mac65-1540 *zvláště, dopouštěno*.

2.1.1.2. Регрессивная перегласовка $aj > ej$

Регрессивная перегласовка $aj > ej$ осуществляется в чешском языке в XV-XVI вв. (чеш. $najlep\check{s}\acute{i} > nejlep\check{s}\acute{i}$, чеш. $volaj > volej$), однако результаты этого процесса начинают последовательно фиксироваться в памятниках чешского литературного языка лишь в XVII в., в то время как в XV-XVI в. в текстах как правило сосуществуют и перегласованные, и неперегласованные формы [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 116; Komárek 1962: 175]. В польском языке перегласовка места не имела (ср. пол. *najlepszy, wołaj*).

В исследованных нами грамотах преобладает неперегласованный вариант – сочетание (aj – 37 , ej – 3). Таким образом, в данной позиции в текстах XV-XVI в. преобладает старший вариант, совпадающий с реализацией рефлекса в польском языке. Ср. Mac8-1454 najprv, Mac21-1470 najjasnějšieho, Mac34-1491 najjasnějšého, Mac44-1507 najužitečný, Mac57-1525 najprv, Mac58-1527 najprv. Однако наличие старшего варианта в данном случае следует объяснять поздним проникновением инновации в чешский письменный узус, а не влиянием польского языка.

2.1.1.3. Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) в основах

Аналогичная ситуация наблюдается в отражении рефлекса долгого ó>uo>ů. В XV в. как в чешских печатных изданиях, так и в рукописях, уже преобладает дифтонг uo<ó при сохранении в ряде случаев старого ó. Новый монофтонг /ú/ (ů) начинает конкурировать с дифтонгом лишь со второй половины XVI в. [Porač 1983: 59, 63-64]. В польском языке в XV-XVI вв. в данной позиции был представлен континуант долгого /ó/ - «суженное» (ścieśnione) /o/, которое в данную эпоху в говорах польского языка произносилось ближе к /o/ (за исключением позиции перед /r/). Совпадение же в произношении /ó/ с /u/, причем лишь в некоторых диалектах польского языка, относится только к XVII-XVIII вв. [Ананьева 2009: 137]. Кроме того, между двумя языками имеются различия в долготе в отдельных корнях (ср. чеш. vůle – пол. wola и др.).

В большинстве случаев рефлекс в текстах отражается как дифтонг uo, что соответствует положению в собственно чешских памятниках того времени (58 примеров): Mc11-1455 kuoň, Mc24-1474 s jejich...vuolí, zuostali, Mc41-1499 puol roku, Mc48-1508 duochody, Mc54-1520 vuobes, muož, Mc59-1527 Buoh, muoj, zpuosobiti, vzhuoru. Также достаточно часто в текстах фиксируется старший вариант релизации рефлекса – монофтонг (15 примеров): Mc19-1465 rójčili,

Mc23-1473 z jich dobrú vólí, zóstali, Mc57-1525 róznice, Mc59-1527 prótaĥ. Фонема /ú/ (ũ) в корпусе текстов польского происхождения фиксируется лишь единожды в одном из поздних текстов Mc66-1551 vŭli.

Отдельно следует интерпретировать появление в текстах монофтонга /ó/ (либо /o/ - наличие/отсутствие долготы исходя из особенностей орфографии установить невозможно). По наблюдениям Я. Порака, в чешских памятниках XV-XVI вв., пусть и не столь часто, встречаются фиксации исходного ó (o), которые могут быть объяснены как консервативностью узуса, так и аналогией (напр. možem по образцу moĥu) [Porák 1983: 60]. Наличие подобных написаний в исследованных нами текстах польского происхождения, в тех случаях, где имеются лексические межъязыковые соответствия, помимо указанных выше причин, может объясняться влиянием польского языка: Mc21-1470 móže (пол. może), Mc23-1473 z jich dobrú vólí, zóstali (пол. wola, zostać), Mc32-1488 svoj (пол. swój), s dobrú vólí, s dobrú vólú, Mc33-1490 sposobem (пол. sposób), Mc37-1492 svój, z dobrú vólí, nemóžem, Mc57-1525 róznice (пол. różnica), Mc66-1551 moj (пол. mój). В иных случаях, где отсутствуют прямые межъязыковые соответствия, естественно объяснить передачу старого /ó/ (либо /o/) консервативностью чешского письменного узуса Mc19-1465 rójčili (пол. rożyczyć), Mc32-1488 voběc (пол., w ogóle ‘вообще’, ср. пол. лексему wobec в ином значении – ‘в отношении’), Mc59-1527 prótaĥ (пол. przeciąg). Так или иначе, и в данном случае мы не встречаем в текстах преобладания варианта, соответствующего польскому языку.

Отметим, что в исследованных текстах также встречаются дифтонги, отражающиеся на месте краткого /o/, т.е. представлена неэтимологическая дифтонгизация, в ряде случаев объяснимая воздействием аналогии. Ср. Mc23-1473 Buože nědaj, Mc14-1455 spuolu, Mc23-1473 duolepsanéĥo, Mac55-1521 ruokudž (список позиций неэтимологической реализации дифтонга, а также все примеры подобных реализаций см. в приложении).

Подобное явление знакомо собственно чешским памятникам: так, еще Я. Гебауэр в своем труде отмечает формы с неэтимологической долготой, проявившейся в дифтонгизации *o>uo* в ряде чешских памятников XIV-XV вв., среди которых Клементинский пассионал, где подобные формы особенно часты (*zakuon*, *prokuop*, *kuostel*, *yakuo*, *czrnehuo ptáka*, *duobrze*, *duobu* и т.д.). Кроме того, многочисленные случаи неэтимологической фиксации дифтонга обнаружены нами в базе старочешских памятников *Vokabulář webový* (<http://vokabular.ujc.cas.cz>).

По мнению Гебауэра, ряд подобных отклонений может быть объяснен различиями в древнечешской и новочешской долготе, отразившимися в периферийных диалектах чешского языка, в частности, в ляшских говорах (*muohl* – ляш. *muh*, *zakuon* – ляш. *skun=skon*, *yakuo* – ляш. *jakuž*). Однако для большинства примеров из Клементинского пассионала Гебауэр находит объяснение в «индивидуальной либо диалектной склонности» писца. Кроме того, отмечается бóльшее количество подобных форм в позиции после лабиальных и после предлогов [Gebauer 1963: 245-6, 607, Komárek 1962: 119]. Наш материал отчасти подтверждает сказанное Гебауэром – в частности, более частое появление неэтимологического *uo* после лабиальных (*buoží*, *zbuoží*, *puol*, *puolský*, *spuolu*, *puokudž*, *nerpuozostavujíc*, *erbuové*). К позициям, где можно ожидать появление неэтимологической дифтонгизации, можно отнести позицию перед частицей *–ž*. В целом же объяснить указанное явление «индивидуальной либо диалектной склонностью писца» довольно трудно в связи с его достаточной распространенностью в исследованных текстах. Впрочем, указанное явление не является специфической чертой текстов польского происхождения, возникшей под воздействием польского языка, поскольку представлено как в собственно чешских текстах, так и в текстах, создававшихся на территории Силезии и Западной Словакии (см. главу 3, 4).

2.1.1.4. Рефлексы долгого $\acute{o} > uo > \acute{u}$ ($\ddot{u}$) во флексии род. пад. мн. ч. сущ. муж. рода

В чешском литературном языке XV-XVI вв. динамика проникновения в тексты инноваций uo , $\acute{u}$ в основы и во флексии, судя по данным Я. Порака, различалась, что, среди прочего, объясняется древними количественными различиями диалектного происхождения [Porák 1983: 61-62]. Что касается отражения флексии род. пад. в текстах, то, по наблюдениям Я. Порака, вариант флексии $-ow$, хотя и представлен в чешских печатных изданиях и рукописях XV – начала XVI вв., все же выступает в меньшей мере, чем вариант $-uov$, окончательно побеждающий к 20-м гг. XVI в. Результаты монофтонгизации восходящего дифтонга в долгое $/\acute{u}/$ в этой позиции начинают спорадически фиксироваться в рукописях с начала XVI в., к концу этого столетия почти полностью вытесняя из текстов дифтонг $/uo/$ [Porák 1983: 62, 65]. В польском языке в существительных твердой разновидности склонения начиная с эпохи первых памятников представлена флексия $-\acute{o}w$, причем $/\acute{o}/$, по крайней мере для периода XV – XVII вв., произносилось в подавляющем большинстве позиций ближе к $[o]$ [Ананьева 2009: 153, 137].

В чешских грамотах с территории Польши на протяжении всего рассматриваемого периода представлены оба варианта окончания, причем вариант $-ov$ несколько преобладает ($-ov$ – 26, $-uov$ – 18 примеров). Большая распространенность флексии $-ov$ в текстах может объясняться именно воздействием польской морфологии. Тем не менее, вариант, соответствующий чешскому литературному узусу XV – 1 пол. XVI вв., также представлен в текстах очень значительно. Примечательно полное отсутствие в текстах польского происхождения монофтонгизированного варианта флексии $-\ddot{u}$.

2.1.1.5. Рефлексы долгого $\acute{o} > uo > \acute{u}$ ($\ddot{u}$) во флексии дат. пад. мн. ч. сущ. муж. рода

В отличие от формы родительного падежа, недифтонгизированный вариант окончания дат. пад. -om, согласно Я. Пораку, напротив, поначалу в чешском письменном узусе преобладал: в чешских печатных изданиях окончание -om начинает реже употребляться только с конца 30-х гг. XVI в., аналогичная ситуация обнаруживается в рукописях [Porák 1983: 61]. В исследованных нами текстах варианты флексии дат. ппд. мн. ч. представлены приблизительно в равной степени (-om – 25, -uom – 21 пример). Чешская инновация -uom начинает более или менее последовательно отражаться в текстах польского происхождения с начала XVI в., что в общем соответствует ситуации в чешских печатных текстах и рукописях, исследованных Пораком [Porák 1983, 61], где примеры на -uom последовательно фиксируются с начала XVI в.

2.1.1.6. Флексия род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода

Еще одной позицией, в которой чешский литературный узус XV-XVI вв. характеризовался вариантностью, была флексия род., дат. и мест. пад. адъективалий жен. рода. Как известно, исходная парадигма ед. ч. адъективалий жен. рода твердой разновидности в чешском языке характеризовалась омонимией дат. и мест. падежей (dobr'iej) и отличной формой род. падежа (dobré), однако подобное соотношение флексий ныне характеризует лишь юго-западно-чешский диалект. Согласно Д. Шлосару, в чешских говорах имело место достаточно раннее выравнивание парадигмы по форме род. пад., совпадение падежных формантов этого типа ныне представлено в чешском литературном языке. Иной тип унификации характеризовал восточно-чешские диалекты, где все три формы обобщились по образцу дат. и мест. падежей (dobrej) [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 189]. Аналогично развитию в восточно-чешском диалекте проходило изменение в древнепольском языке, в памятниках

которого флексия дат. и мест. пад. (-ej) в функции род. пад. отмечается чаще, чем этимологическое окончание [Ананьева 2009: 206]. Заметим, что нестяженные формы наряду со стяженными отражены в чешских памятниках XV-XVII вв., однако постепенно вытесняются стяженными формами во всех трех падежах [Vážný 1970: 114-115; Gebauer 1896: 542-545].

Необходимо отметить, что исследование отражения в текстах стяженного/нестяженного вариантов флексии и попытка сделать вывод о том, сохранялась ли в отношении данного рефлекса вариантность историческая либо появлялась вариантность региональная, осложняется наличием в ряде текстов соотношения флексий, вообще не соответствующего системам естественных языков. Кроме того, исследуемые грамоты не предоставляют достаточного материала для анализа всей парадигмы ед. ч. адъективалий женского рода твердой разновидности, поскольку не во всех грамотах обнаруживаются и форма род. пад., и форма дат. и мест. пад. В связи с указанными фактами необходимо несколько изменить методику исследования. В данном случае мы не будем выводить соотношения стяженного/нестяженного вариантов для каждого падежа (тем более что флексии дат. и мест. падежей адъективалий совпадают), а обратим внимание на количество грамот, отражающих наиболее репрезентативное соотношений флексий. В отношении отражения рассматриваемого изменения грамоты нашего корпуса распадутся на следующие группы:

1) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. пад. – ej (либо дат., мест. пад. не фиксируются). Материал грамот подобного рода репрезентативен в меньшей степени, т.к. соответствует как первичной древнечешской парадигме, так и парадигме древнепольской (4 грамоты);

2) грамоты, в которых форма род.п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. пад. с ej. В данном случае мы имеем дело либо с

консервацией предшествующего этапа развития (как в первом случае), либо с инновацией по польскому образцу (2 грамоты);

3) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется *é* (либо форма род. пад. не зафиксирована), в дат. и мест. пад. – *é*. Такое положение свидетельствует о проникновении в текст инновации, произошедшей в чешском литературном языке (8 грамот)

4) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется *eĵ*, в дат. и мест. пад. – *eĵ* (либо формы дат. и мест. не зафиксированы). Данное соотношение говорит об отражении в тексте инновации по образцу польских диалектов (5 грамот);

Кроме того, имеются грамоты, в которых в одних и тех же падежных формах адъективалий обнаруживается вариантность трех типов:

5) вариантность в род.пад. *é/eĵ* (3 грамоты)

6) вариантность в дат., мест. пад. *é/eĵ*: (3 грамоты)

7) вариантность во всех падежах (3 грамоты).

Как можно заключить по приводимому выше материалу, наиболее значительная часть грамот польского происхождения (8) оказывается в третьей группе, которая характеризуется присутствием чешской инновации. Значительное количество грамот отражает вариантность флексий, где одним из вариантов оказывается также чешская инновация – флексия *-é*. Таким образом, и в данной позиции вариант, поддерживающийся системой польского языка, в текстах польского происхождения не превалирует – напротив, более распространенной оказывается чешская инновация.

2.1.1.7. Дифтонгизация *ú>ou*

Фонетический процесс дифтонгизации *ú>ou*, по-видимому, начинается в чешских диалектах еще в конце XIII – начале XIV вв. [Komárek 1962: 165], однако, согласно наблюдениям Я. Порака, дифтонг */ou/* начинает постепенно

завоевывать позиции в памятниках чешской письменности с 20-х гг. XVI в., в то время как до этого времени в текстах преобладает монофтонг *ú* [Porák 1983: 69-70]. В исследованных текстах польского происхождения мы обнаруживаем абсолютное преобладание монофтонга *ú*, дифтонг /ou/ отражается лишь в 15 случаях, причем 3 из 4-х грамот, отражающих дифтонг, относятся как раз к 20-40 гг. XVI в., т.е. ко времени постепенного проникновения инновации в чешские тексты.

Дифтонг в инициальной позиции (явление, впоследствии ставшее, подобно иным описанным выше характерной особенностью чешского обиходно-разговорного языка) – в связи с его более поздним проникновением в систему литературного чешского языка (только со второй половины XVI в.) [Porák 1983: 107-109] – закономерным образом в текстах не встречается ни разу.

Следовательно, и в отношении дифтонгизации *ú > ou* узус текстов польского происхождения соответствует узусу современных им чешских текстов, создававшихся в Чехии и Моравии.

2.1.2. Отражение в текстах центрально-чешских инноваций XV в.

Иным свидетельством сохранения связи грамот, создававшихся на территории Польши, с пражским центром, является наличие в текстах чешских фонетических инноваций XV в., маркирующих, согласно Я. Пораку, «более свободный литературный узус» чешского литературного языка (впоследствии эти черты станут характерными особенностями обиходно-разговорного чешского языка, *obecná čeština*) – протетического *v-*, сужения *é > í*, дифтонга *ej < ú* [Porák 1983: 114, 130, 138, 151]. В польских говорах все указанные явления отсутствуют. В данном случае речь идет об элементах системы, еще не являвшихся в XV – 1 пол. XVI вв. частью чешской литературной нормы и в связи с этим не характеризовавшихся обязательностью употребления. Тем

более примечательно, что и в данном случае ситуация в польских текстах в общем может быть охарактеризована как следование чешскому литературному узусу современной им эпохи.

2.1.2.1. Дифтонг $ej < \acute{y}$

В чешских литературных текстах дифтонгизация $\acute{y} > ej$ отражается уже в конце XIV в., в последующие столетия (XV-XVII вв.) количество фиксаций изменения увеличивается, однако весьма неспешно: так, в текстах XV в. мы располагаем сравнительно небольшим числом примеров на дифтонгизацию. С 30-х гг. XVI в. количество примеров, отражающих дифтонгизацию, начинает возрастать [Gebauer 1963: 282, Komárek 1962: 162, Porák 1983: 134, 138].

В текстах польского происхождения дифтонг $ej < \acute{y}$ представлен изолированно: Mc37-1492 *kterěžto psané svrchupsané my jístec a rukojmie prvej psaní slubujeme dáti a zaplatiti*, Mc57-1525 *Vavřinec výš jmenovanej*. По сравнению с отражением иных инноваций центрально-чешского диалекта (см. ниже) результаты дифтонгизации $\acute{y} > ej$ отражаются в текстах значительно реже.

В связи с этим заслуживает внимания вопрос о различиях в употребительности черт «более свободного литературного узуса» в текстах различного территориального происхождения. В отношении протетического v - и сужения $\acute{e} > \acute{i}$ Я. Порак в своем исследовании отмечает, что указанные инновации были систематически представлены как в разговорном варианте чешского литературного языка XV-XVI вв., так и в его официально-деловом стиле (языке администрации) [Porák 1983: 130, 151]. В свою очередь, вывод Я. Порака о последовательной передаче дифтонга $ej < \acute{y}$ в рукописных текстах начала XVI в. не может быть принят без возражений. Из приводимых сведений о частотности ej в текстах первой половины XVI в. следует, что число подобных написаний было весьма незначительно (6-10%) [Porák 1983: 137-139]. Аналогичным образом И. Рейзек отмечает, что большинство памятников XVI-

XVII вв. по преимуществу содержат старые написания *ú*, в то время как в живом языке процесс дифтонгизации уже завершился [Rejzek 2003: 258]. Таким образом, судя по всему, в собственно чешских текстах рубежа XV – XVI вв. дифтонг *ej* не был представлен в сколько-нибудь значительной мере.

Естественно, что различие в степени проникновения инноваций в тексты, создававшиеся на территории Польши, соответствует специфике появления инноваций в собственно чешских текстах. В связи с большей представленностью первых двух инноваций в собственно чешских текстах XV–XVI вв. эти явления более или менее последовательно отражались даже в тех текстах, что создавались на территориях, говоры которых вообще не пережили соответствующих звуковых изменений. В свою очередь, более редкое проникновение дифтонга *ej* в моравские памятники, а также в тексты, создававшиеся на территории Словакии, где дифтонг представлен изолированно [Porák 1983: 138], а также незначительное число примеров в текстах польского происхождения, находят объяснение в меньшей распространенности отражения указанной инновации в собственно чешских текстах XV–XVI вв.

2.1.2.2. Сужение *é>í*

Довольно закрытый характер */é/* привел в центральных говорах древнечешского языка к фонетическому процессу сужения (*úžení*) *é>í*, которое в небольшой мере отражается в текстах XIV–XV вв., однако наиболее последовательно проникает в памятники чешского литературного языка только с XVI в. А. Лампрехт замечает, что в литературный язык результаты этого изменения сравнительно с иными явлениями проникали довольно медленно. Согласно Я. Пораку, отражение результатов сужения характеризует в первую очередь тексты административно-делового характера [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 114–115; Porák 1983: 151].

Примеры на сужение $\acute{e} > \acute{i}$ (орфографически как правило $\acute{y}$) обнаруживаются в грамотах польского происхождения уже во второй половине XV в. и достаточно последовательно представлены в грамотах последующего столетия: Mc21-1470 *z boží milosti králevnej polský, od...knížete...starýho*, *v bytomském gbytě*, Mc23-1473 *jeho věrný ruce slavným (!)*, Mc32-1488 *peneze svrchupsaný...staviti anebo zapověděti chtěli*, Mc34-1491 *vedle...krála uherskýho*, Mc44-1507 *beze...všelikteraký překážky*, Mc48-1508 *na témž zbuoží kozichovským*, Mc55-1521 *na hradě pražským*, Mc56-1524 *na hradě krakovským*, Mc57-1525 *z strany druhý, takové...velký škody...rovný, knížeti opolskýmu*, Mc58-1527 *na dlůhý časy, v takovém slušným strýce*, Mc60-1532 *v svém poručenství*, Mc65-1540 *na tom sěmu...velkým, na semě velkým pospolitým*.

В случае сужения в форме мест. пад. адъективалий муж. и ср. родов (напр., Mc55-1521 *na hradě pražským*) мы можем предполагать взаимодействие двух гетерогенных процессов, а именно отражения центрально-чешского сужения и проникновения в тексты польской по происхождению флексии твор. пад. $-\acute{u}m$ в мест. пад. Судя по всему, немалое количество примеров на сужение в текстах польского происхождения (учитывая общую консервативность чешского литературного узуса XV-XVI вв. в отражении результатов этого процесса) объясняется тем, что наличие поддерживаемой польским языком флексии $-\acute{u}m$ в мест.пад. интерпретировалось как фонетический процесс сужения и приводило к распространению фонетической инновации на все другие возможные позиции.

2.1.2.3. Протетическое v -

Уже с XIV в. в чешских памятниках начинают фиксироваться примеры отражения протетического v - перед $/o/$ в начале слова, число которых увеличивается к XVI в. В XVI в. инновация, судя по всему, была представлена практически во всех говорах собственно Чехии кроме окраинного

доудлебского, а также в говорах Западной Моравии. Что касается отражения данного явления в текстах, то бóльшее распространение это явление имело в деловой переписке, развлекательной, медицинской, учебной литературе [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 98-99; Porák 1983: 126-127, 130].

В польском корпусе текстов протетическое *v-* встречается в следующих случаях: *voba*, *vo*, *vod*, *von* (личное и указательное местоимение), *vobecní*, *vosm*, *vobyčejný*, *vodložit*. Первой грамотой корпуса, отражающей протетическое *v-*, является грамота послов польского короля Mac21-1470 *vobyčejný*, однако более или менее последовательно протеза начинает отражаться в текстах с 20-х гг. XVI в. (21 пример): Mac53-1520 *vobecnímu*, *vod podpisu*, *vosmadvaceti*, Mac54-1520 *vobecnímu*, *vosmi*, *vod podpisu*, Mac56-1524 *vod jmenovaného*, *vodložili*, Mac57-1525 *z vobú stran*, Mac58-1527 *vo tom*, Mac61-1532 *vo takové protivěnstvie*, Mac64-1538 *vosmého*, Mac65-1540 *voni s předky*, *vod mnoha let*, *vod toho času*, *vod spravedlnosti*, *vod soudu*, *vod pána svého*, *vo ten statek*, *vod nás*, *města voného*. Описанная ситуация соответствует фактам истории чешской письменности: согласно наблюдениям Я. Порака, частота употребления протетического *v-* в чешских памятниках возрастает с 1-й половины XVI в [Porák 1983: 126].

Подводя итог, можно сказать, что степень и динамика проникновения в тексты чешских фонетических инноваций XV в., постепенно становившихся достоянием «более свободного узуса» чешского литературного языка, сопоставима с ситуацией в собственно чешских текстах той эпохи. Несмотря на различия в отражении отдельных явлений, обусловленные их спецификой проникновения в литературный узус, в целом нельзя сказать, что в текстах польского происхождения они представлены изолированными примерами: общее число текстов, отражающих одно или несколько рассматриваемых явлений, составляет половину от общего количества грамот (19 единиц, 53%).

2.2. Отступления от нормы чешского литературного языка XV-XVI вв., обусловленные воздействием польского языка

2.2.1. Отражение чешских перегласовок 'a>e, 'u>i

Как известно, перегласовки 'a>e, 'u>i явились одним из наиболее значительных фонетических изменений в древнечешском вокализме в XII-XIV вв. Помимо трансформации собственно вокалической системы, указанные изменения значительно повлияли на морфологию древнечешского языка, способствовав отделению типов склонения существительных, основы которых оканчивались на твердый, от склонения существительных с функционально мягким согласным в исходе основы. Таким образом, указанные изменения привели к усилению флективного характера древнечешского языка [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 63-67, 70-73]. Кроме того, чешские перегласовки способствовали еще большему отделению чешского языка от иных языков западнославянской группы (польский, словацкий), не переживших подобных изменений. По утверждению К. В. Лифанова, наличие/отсутствие перегласовок является одним из наиболее ярких чешско-словацких различий, пронизывающим всю морфологическую систему обоих языков и обуславливающим значительные типологические расхождения между ними (ср. [Лифанов 1995]). Этот тезис применим и к описанию фонологических и морфологических различий между чешским и польским языками.

Исследованные тексты польского происхождения неоднократно отражают ошибки в передаче чешских перегласованных форм, обусловленные воздействием системы польского языка. Ср. примеры на отсутствие более древней перегласовки 'a>e: Mac21-1473 obyčajem (чеш. obyčej, пол. obyczaj), Mc23-1473 javně (чеш. zjevný, пол. jawny), Mc32-1488 vymyslati (чеш. vymýšlet, пол. wymyślać), Mc33-1490 obyčajem, Mac37-1492 obyčajem, Mc34-1491 krála uherskýho (чеш. krále, пол. króla), Mc36-1491 den svatého Kříža (чеш. kříže, пол.

krzyža), Mc61-1532 velebného v Boze otca (чеш. otce, пол. ojca). В двух случаях мы встречаемся с отсутствием перегласовки в позиции, которой в польском языке соответствует носовой: Mc23-1473 rečati (чеш. řečet', пол. pieścić), Mc57-1525 kníža Hanuš (чеш. kníže, пол. książę). Отражение фонемы /a/ в данном случае может объясняться ситуацией в малопольском диалекте, который, в сравнении с иными диалектами польского языка, дольше сохранял расширенное произношение континуанта древнепольского носового переднего ряда – /ę/ как /a/ [Ананьева 2009: 79-80].

В меньшей степени в текстах отражаются ошибки при передаче результатов позднейшей перегласовки 'u>i: Mc19-1465 po svatém Janu Křtitělu (чеш. o Křtiteli, пол. o Chrzcicielu), Mc24-1471 pod našú dobrú vierú (чеш. naši, пол. naszą), Mc32-1488 z...dobrú vólú (др.-чеш. vólí, пол. z...wola), Mc33-1490 pro...našu potřebu (чеш. naši, пол. naszą), Mc35-1491 na Rákošu (в чеш. яз. флексия мест. падежа существительных с мягким конечным согласным основы – i). Отсутствие отражения результатов перегласовок, пусть и нерегулярно, встречается в трети от общего числа грамот (12 единиц, 33%). Что касается последствий описанного явления для системы, то отсутствие передачи результатов перегласовок приводило к изменению соотношения гласных переднего и непереднего ряда в пользу последних, и, таким образом, представляло собой инновацию в распределении фонем в вокалической системе чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Польши.

2.2.2. Написания, объясняющиеся различиями в судьбе палатализованных согласных в чешском и польском языках

В чешских памятниках и палатализация ряда /ň/, /t'/, /d'/, и йотация губных согласных, явившаяся результатом перестройки системы чешского консонантизма в рамках процесса диспалатализации [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 89-90], первоначально, в диграфической орфографии (чеш. spřežkový

pravoris), обозначались написанием *i*, *u* после согласного (*bie*, *bye* и т.п.) [Porák 1983: 27, 32]. Аналогичным образом в памятниках среднепольского периода обозначалась палатализация (что сохранилось и в современном польском языке) [Ананьева 2009: 48]. Такое положение, судя по всему, приводило в исследованных нами чешских текстах польского происхождения к реинтерпретации признака: совпадение в графическом обозначении делало возможными неэтимологические с точки зрения чешского языка написания *ie*, *ue*, объясняющиеся интерференцией с местными польскими говорами.

Обычны в текстах польского происхождения гиперкорректные с точки зрения чешского языка написания, отсылающие к польским палатализованным согласным /l'/, /v'/, /k'/:

- Mac60-1532 kralěstvie (древнепол. *krolewstwie*, совр. *królestwo*), Mac61-1532 lěsov (пол. *las/w lesie*), Mac65 lěpšého (пол. *lepsz*), Mac66 v jídlě, polěpšení (пол. чередование /l/ : /l'/ *mydło* – о *mydle*; *polepszenie*);

- Mac23-1473 kastelánově, Mac25-1474 potomkově (пол. *potomkowie*), Mac32-1488 spravědlivého (пол. *sprawiedliwy*), obstavěním (пол. *obstawienie*), pečeti...dobrovolne vybavěné (пол. *wybawienie*), Mac37-1492 obstavěním, spravědlivého, Mac65-1540 mužově (пол. *mężowie*).

Отдельно отметим случаи передачи палатализации заднеязычных согласных (признак, совершенно чуждый системе чешского консонантизма, и обычный для польского языка): Mac23-1473 vělikě knieža litevskě, z propadkěm, Mac24-1474 velikě, litevskě, skutkěm, Mac25-1474 kěřích, Mac30-1484 Mc30-1484 vělikě kníže litevskě, ratiborskěj, Mc32-1488 zátorskěmu, Mc33-1490 vělikě kníže, všelijakěho, Mc34-1491 českěmu, služebníkěm, Mc35-1491 uherskěho, českěmu, svěckěm, Mac37-1492 všelikterakěm, všeckě, skutkěm, Mac61-1532 velikě kníže litevskě, ruskě, pruskě, mazověckě etc, kěře, Mac66-1551 krakovskěho.

Также в текстах отмечаются написания, свидетельствующие о расширении позиций употребления палатализованного /n'/ (в отрицательной частице – чеш. *ne-*, пол. *-nie*): Mac23-1473 nědaj, němámy, Mac32-1488 něchati,

němámy, něžrádně, Mac33-1490 něvykúpili, něvysvobodili, nězaplacenie, Mac65-1540 před...nědelmi.

Вместе с тем, общая неустойчивость и искусственность письменного узуса могла приводить и к появлению написаний, не соответствующих системе ни одного из естественных языков. С подобным явлением мы встречаемся, например, в случае необозначения чешской йотации в позициях, которым в польском языке соответствовала палатализация губного: Mac19-1465 dvema, svedomé, svedčí. Ср. др. примеры: Mac23-1473 v Krakove, veřitelóm, Mac25-1474 zavesiti, Mac29-1480 přivesili, Mac48-1508 Bartolomej, Mac50-1508 Bartolomej, Mac65-1540 zveř (пол. dwiema, świadomy - от wiedzić [Brückner 1927: 535], w Krakowie, wierzyciel, zawiesić, przywiesić, Bartolomiej, zwierz). Также мы встречаем случаи необозначения палатализации /ň/, /t'/, /d'/, присутствовавшей в обоих языках (в польском языке о былой палатализации может свидетельствовать ассибиляция *t'>ć, d'>dź): Mac14-1455 oběcne...vyznáváme, Mac19-1465 obecne... vyznáváme (пол. obecnie), Mac32-1488 pečeti...dobrowolne vybavěné, kněžne opavské (пол. dobrowolnie, księżnie), Mac39-1495 nejaké, knežně (пол. niejaki, książę<*kniądz [Brückner 1927: 277]), Mac48-1508 vyplnen, vcele a úplne, dedicónv (пол. wypełniony, zupełnie, dziedzic), Mac57-1525 chtel (пол. chciał).

Что касается отражения фонемы /ř/</r'/, фонетическим эквивалентом которой в тот период в обоих естественных языках был звук [rʒ] либо его глухой эквивалент [rʂ] (по номенклатуре МФА [r]), то в текстах польского происхождения встречается лишь несколько случаев отступлений от этимологически верной передачи фонемы: Mac25-1474 v kěřích, Mac30-1484 uzří, Mac48-1508 predce (чеш. kterých, uzří, přese; пол. których, ujrzeć, przecież). Заметим, что и в собственно чешских памятниках присутствуют ошибки при передаче фонемы /ř/ [Porák 1983: 26], столь же немногочисленные и непоследовательные, как и приводимые выше примеры из грамот польского происхождения.

Таким образом, особенности передачи палатализованных согласных в текстах польского происхождения обнаруживают тенденцию к обогащению системы консонантизма исследуемого идиома рядом фонем, не имеющих соответствий в чешском языке (/l/, /k'/, /v'/, /m'/), а также расширению позиций употребления мягкого /n'/ под воздействием говоров польского языка.

2.3. Инновации, объясняющиеся влиянием польского языка и не находящие соответствия в чешских говорах

Большинство засвидетельствованных полонизмов обнаруживается в небольшой группе текстов второй половины XV в. – Мс23, 30, 32-35, 37 (1473-1492). Эта группа грамот соотносится с первым периодом правления Ягеллонов в землях Чешской короны (1470 – 1490 гг.). Примечательно, что среди указанных грамот обнаруживаются как грамоты простых наемных воинов, так и грамоты польских королей Казимира и Яна Ольбрахта, что свидетельствует об отсутствии прямой связи характера текстов с “цензом грамотности” писцов, работавших на различных уровнях социальной системы. Учитывая распространенность и последовательное употребление в рассмотренных текстах диалектизмов, а также, с другой стороны, сохранение в них чешских реализаций некоторых рефлексов и проникновение в эти тексты центрально-чешских инноваций (см. примеры на отражение сужения $\acute{e} > \acute{u}$ в грамотах Мс23-1473, Мс32-1488, Мс34-1491, дифтонга $e\acute{j} < \acute{u}$ в грамоте Мс32-1488), мы можем охарактеризовать эти тексты как *гибридные*. В исследованных нами гибридных текстах практически отсутствуют явления, вообще не представленные за пределами этой подгруппы (за исключением лехитских перегласовок, а также нескольких случаев передачи фонемы /š/). В большинстве случаев можно говорить о более последовательной реализации в текстах этой группы явлений, спорадически представленных в большинстве текстов корпуса.

2.3.1. Фонологические инновации

В первую очередь необходимо отметить проникновение в тексты новых фонем, обусловленное воздействием системы польского языка (так, об отражении в текстах ряда нетипичных для чешского языка палатализованных фонем мы писали выше).

Наиболее распространенной в текстах диалектной чертой польского происхождения является отражение фонем, возникших в результате ассимиляционных процессов, проходивших в польских диалектах в XII-XIII вв. Речь идет об изменениях палатализованных переднеязычных согласных в среднеязычные шипящие $t' > ć$, $d' > dź$, $s > ś$, $z > ż$ в определенных позициях [Ананьева 2009: 127-128]. Особенности орфографии исследованных текстов не позволяют сделать однозначного вывода о фонетическом содержании имеющихся написаний (ci, dzi), однако нам представляется очень вероятным, что речь в данном случае идет о передаче польских фонем /ć/ и /dź/: Mac14-1455 jisciny, Mac15-1455 zdrádzec, utracit, nemohu ubezpečic, Mac19-1465 dziedzic, s jiscinú, Mac48-1508 dědzic⁹. Большинство примеров обнаруживается в “гибридной” группе текстов: Mc23-1473 jiscec, třecieho, dáci, zaplacici, zaplacíme, meci [mít], chcecí, položici, ke škodžě, Mc30-1484 dzědzic, Mc32-1488 osvěcimský, tocič [totiž], zapovědzi, dzedic, Mc33-1490 dziedzic, pohromadze, Mc34-1491 Vldzislavovi, pečeci, přičiskáme, Mc35-1491 bandziemy, Vldzislavovi (!), Mc36-1491 dzelajíc, cej země, Mc37-1495 dzědzic, sudzie, oddzielem, cišiec, dzěvic [devět], cišiecého. Единожды нам встретилось упрощение $ž > z$ в позиции чешского /d/ Mc30-1484 potvrzili (чеш. potvrdili, однако potvrzený, пол. potwierdzony).

Значительно реже в текстах представлена фонема /ś/, причем за исключением единственной формы (Mac19-1465 dva tišietě) все случаи

⁹ Ср. также случай возможной гиперкоррекции Mac19-1465 dva tišietě/tišiecoma

отражения указанной фонемы встретились в гибридных текстах: Mc23-1473 na švedomu, Mc32-1488 právem...švěčkém, kázali šem (!), Mc36-1491 počesnosť, Mc37-1495 cišies, cišiesého. Меньшая степень отражения /š/ и отсутствие /ž/ в текстах могут быть объяснены тем, что палатализация у щелевых зубных /s'/, /z'/ в чешском языке утратилась еще в древнейший период, в то время как палатализованные /t'/, /d'/ (в некоторых диалектах ассимилированные) сохранились до нашего времени. В ряде говоров чешского языка аналогично польскому языку проходили процессы ассимиляции /t'/, /d'/, однако результат их был иным (t'>c', d'>z'); ассимиляция в определенной мере отразилась и в памятниках чешского литературного языка XIII-XV вв. [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 84]. Тот факт, что результаты ассимиляции смычных зубных были так или иначе представлены в чешских памятниках, несмотря на то, что сам процесс находился на периферии литературного языка либо за его пределами (ср. [Лифанов 2001: 50]), а также совпадение графической реализации чеш. c<t' и пол. ć<t' (перед гласным мягкость указанного согласного обозначалась как ci), делало возможным достаточно последовательное проникновение новой фонемы /ć/ в систему консонантизма исследуемого идиома, по крайней мере в гибридных текстах.

К приведенным выше явлениям примыкает изменение группы *s't'>ść, в ходе которого возникало новое сочетание фонем. Указанный процесс отразился лишь в грамотах гибридного характера: Mc32-1488 přijíšć, Mc34-1491 milošći, Mac35-1491 spravědlivošći, milošćivého, česć, Mc36-1491 počesnosť.

Кроме указанных выше среднеязычных шипящих фонем, характерных для польского языка, фонемный арсенал исследуемого идиома пополнялся аффрикатой /z/ (*dj>z и *g>z в результате второй и третьей палатализации). Как известно, одним из древнейших явлений в системе консонантизма, отделившим чешский язык от польского и частично словацкого языковых ареалов, было упрощение аффрикаты z'>z' любого происхождения с последующим отвердением z'>z [Lamprecht, Šlosar-Bauer 1986: 28, 56-57; Krajčovič 1974: 85].

В исследованных нами текстах польского происхождения фиксируется ряд примеров на реализацию рефлекса *dj>ʒ'>ʒ по польскому типу: Mac15-1455 *připudzený*, Mc23-1473 *peniedzy*, Mc32-1488 *narodzenie* (чеш. *připuzený*, *peníze*, *narození*).

Вокалическая система идиома также обогащалась новыми фонемами. Наиболее ярким отличием польского вокализма от чешского является наличие носовых гласных /ɛ̃/, /ã/. В исследованных текстах польского происхождения (в особенности гибридных) мы обнаруживаем попытки фиксации польских носовых фонем с помощью сочетаний *en*, *an*, а также гласных *o* и *a*: Mac19-1465 *osventinské* (пол. *oświęcimskie*), гибридные тексты: Mac23-1473 *Osvamcimě*, Mc32-1488 *Kentov* (Кęty), Mc33-1490 *úřand* (пол. *urząd*), Mc30-1484 *s rada přátel* (пол. *z radą*), Mc32-1488 *rokojmie* (пол. *ręka*), *svianteho* (пол. *święty*), Mac35-1491 *bandziemy* (пол. *będziemy*), Mc35-1491 *sva česč ohradzujemy* (пол. *swą cześć*).

Кроме того, в гибридных текстах в ряде случаев отражается диспалатализация гласных переднего ряда /ě/ и /e/ перед твердыми переднеязычными *t*, *d*, *s*, *z*, *n*, *r*, *l* (лехитская перегласовка – пол. *przegłos lechicki*). Были обнаружены перегласовки двух типов:

1) *ě>ä>'a: Mc23-1473 *viadomošči*, *obmiaskano bylo*, Mc32-1488 *novým...náliazem*, Mc33-1490 *viarovania*, Mc35-1491 *lata Božeo*;

2) *e>o*: Mc23-1473 *vymysloných*, *požičoného*, Mc30-1484 *osvieconé knieže*.

Так же, как и у рассмотренных выше примеров отсутствия в текстах результатов генетически чешских перегласовок 'a>e, 'u>i, в данном случае можно говорить об увеличении частотности гласных фонем непереднего ряда.

Как мы видели, фонологическая система чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Польши, подвергалась значительному воздействию польского языка: в тексты проникали новые фонемы, отсутствующие в чешском языке, также в вокалической системе исследуемого идиома происходило перераспределение фонем переднего и непереднего рядов. Однако большинство примеров на указанные явления обнаруживается в

небольшой группе текстов, которые нами были охарактеризованы как гибридные. В большей же части текстов чешская фонологическая система сохраняется в достаточно чистом виде.

2.3.2. Морфологические инновации

Инновации, объясняющиеся влиянием морфологической системы польского языка, в большей степени касаются субстантивного и адъективного склонений. Наиболее распространенной в текстах морфологической инновацией является перераспределение флексий, связанное с различиями между польским и чешским языками, касающимися твердой и мягкой разновидностей склонения адъективов (чеш. *dobrý – letní*, пол. *dobry – letni*). В польском языке в обеих разновидностях в род. и дат. падежах существительных муж. и ср. родов выступают флексии *-ego, -emu* (пол. *dobrego – letniego, dobremu – letniemu*), в то время как в чешском языке флексии данных падежей в двух разновидностях прилагательных различны (чеш. *dobrého – letního, dobrému – letnímu*). Не находя поддержки в системе польского языка, флексии *-ího* и *-ímu* в исследованных текстах неоднократно уступают своим “твердым” коррелятам: Mc11-1455 *pěšého* (чеш. *pěšího*, пол. *pieszego*), Mc30-1484 *lěpšému* (чеш. *lepšímu*, пол. *lepszemu*). Аналогично: Mc14-1455 *delšého*, Mc19-1465 *božého*, Mc24-1474 *tisiecého*, Mc34-1491 *obojého*, Mc35-1491 *najjasnějšého*, Mc36-1491 *najjasnějšého*.

Таким же образом оттесняется флексия *–í* в различных падежах адъективов мягкой разновидности: *vlastné pečeti* (чеш. *vlastní*, пол. *własne*); Mc19-1465 *najjasnějšé knieže* (чеш. *nejjasnější*, пол. *najjasniejsze*). Аналогично: Mc34-1491 *pro lepší svedarstvo*, Mc65-1540 *ve jméno božé*.

Далее, в истории чешского и польского языков различалась судьба склонения существительных ср. рода с суффиксом **ьје* (чеш. *zboží*, пол. *zboże*): в чешском языке для этих существительных сохранилось особое склонение на -

i, в то время как в польском языке они не обладают особым специфическим склонением [Тихомирова 2005: 370]. В связи с этим в текстах обнаруживаются следующие отступления от чешской нормы, обусловленные влиянием польского языка: Mc14-1455 na svědomé (чеш. na svědomí, древнепол. na świadomie), Mc34-1491 přet narozeném (чеш. před narozením, пол. przed narodzeniem). Аналогично: Mc30-1484 sbožé, Mc37-1492 psané, psaném (kteréžto psané svrchupsané...slibujeme dátipsaném...dáváme úplnou moc, речь идет о им. и твор. пад. сущ. psaní), Mc61-1532 zbožé, Mac61-1532 od zboža. Особо необходимо отметить форму род. падежа, не совпадающую с реализацией рефлекса ни в чешском, ни в польском языках – Mc14-1455 bez věrované (чеш. bez věrování, пол. bez wiagowania) – и свидетельствующую об определенной искусственности письменного узуса исследуемых грамот.

Помимо перераспределения флексий, в тексты проникают новые, нетипичные для чешского языка флексии. Так, в форме мест. падежа сущ. муж. и ср. рода с флексией в нескольких случаях фиксируется флексия -och: Mac24-1474 v lesoch, Mac30-1484 artikloch, Mac32-1488 na našich lidoch, Mac50-1508 po...držiteloch. Флексия -och, по поводу происхождения которой в полонистике ведутся споры (польская инновация vs. континуант праславянского варианта *ŷ-основ -охъ, сохранившийся в Малопольше и активизировавшийся в XVI в.), представлена уже в древнепольских памятниках, однако в XVI в. вместе с флексией -ech уступает инновации (-ach) и полностью исчезает из литературного языка [Ананьева 2009: 157]. Очевидно, инновациями являются и представленная спорадически флексия -om в дат. пад. сущ. жен. рода *a-, *ja- и *i-основ: Mc30-1484 prosbom, Mc44-1507 ke všem věsom, а также сущ. *i-основ муж. рода: Mc11-1455 dobrým lidom. Данное окончание начинает активно употребляться в польском языке у сущ. муж. рода в XVI в., особенно во второй его половине; в этот же период флексия проникает в женский род [Ананьева 2009: 176-177].

Воздействие системы польского языка на чешскую языковую основу исследуемых текстов проявлялось и в появлении “гибридных” флексий, не принадлежащих системе ни одного из участвовавших в контакте языков. Речь идет о формах род. и дат. падежей ед. ч. адъективалий жен. рода мягкой разновидности. В чешском языке в период после монофтонгизации дифтонга *ie* > *í* в формах обеих падежей была представлена флексия *–í* (*bez naší* < *bez našie*; *k naší*), в то время как в польском языке в этой позиции выступает флексия *–ej* (*bez naszej*, *k naszej*). В большинстве текстов мы встречаемся с этимологически верными генетически чешскими флексиями:

1) Род. пад. *–ie/í*: Mc8-1454 *ode všie pruské zemi*, Mc21-1470 *což se dotýče najjasnější kněžny, z boží milosti*, Mc37-1492 *z buoží milosti*, Mc39-1495 *z buoží milosti*, Mc46-1507 *bez naší...překážky*, Mc53-1520 *k potřebě naší královskéj*, Mc61-1532 *z boží milosti*;

2) Дат. пад. *–í*: Mc21-1470 *vaší velkomocnosti...nedopuštěn býti*, Mac53-1520 *k potřebě naší královskéj*, Mc59-1527 *vaší knížecí milosti vzkazují, vši zemi...oznámíti*. В форме дат. пад. мы также обнаруживаем гиперкоррекцию, объясняющуюся, по-видимому, общей неустойчивостью узуса при обозначении дифтонга *ie* и монофтонга *í*: Mc32-1488 *manlžence (!) jeho vlastnie*, Mc52-1512 *z buoží milosti, ku lepší jistotě*.

Ряд текстов имеет польский вариант реализации рефлекса, иногда одновременно с чешским: Mc23-1473 *bez vší přísahy/z buoží milosti*, Mc30-1484 *ve vsej tvrdosti*, Mc32-1488 *z božej milosti*, Mc33-1490 *beze vsej odmluvy/z boží pomoci*, Mc36-1491 *z božej milosti*, Mc48-1508 *z milosti a mocí našej*, Mc65-1540 *z přirozenej milosti našej*.

Вместе с тем, в значительном количестве текстов в род. и дат. падежах представлена флексия *–é*, являющаяся, судя по всему, результатом контаминации чешской (*–í*) и польской (*–ej*) флексий. Ср.: Mc11-1455 *z buoží milosti, k naší potřebě*, Mc19-1465 *z boží milosti*, Mc22-1471 *bez země naší*, Mc23-1473 *z naší viadomoščí*, Mc24-1474 *bez vše, z buoží milosti*, Mc65-1540 *z boží milosti*, Mc66-

1551 vaše milosti oznamuji, Mc11-1455 k naší potřebě. Очевидно, что появление флексии -é в указанных позициях, как и ряд указанных выше морфологических инноваций, объясняющееся межъязыковыми различиями в отношении “твердой” и “мягкой” разновидностей склонения адъективалий, приводило к перераспределению флексий между последними.

Перераспределение флексий обнаруживается в еще одной позиции – у адъективалий муж. рода твердой разновидности в твор. и мест. падежах. Процессмены этимологических флексий (-em/-um, а также немотивированная флексия -emі в формах твор. пад. адъективалий) в указанных позициях продолжался в польском языке более четырех веков [Ананьева 2009: 206]. В текстах неоднократно обнаруживается этимологическая флексия твор. падежа у форм мест. падежа адъективалий: Mc29-1480 v bytomským gbytě, Mc48-1508 na témž zbuoží kozichovským, Mc55-1521 na hradě pražským, Mc56-1524 na hradě krakovským, Mc57-1525 v jakým podezření, Mc58-1527 v takovém slušným strýce, Mc60-1532 v svém poručenství, Mc65-1540 na tom sěmu...velkým, na semě velkým pospolitým. Имеются, однако, и формы с обратной заменой – Mc32-1488 se všem právem, žádným jiném obyčejem, právem ani duchovním ani svěckém, Mc33-1490 slovem našem králevským přířekáme; Mac37-1492 před svátem, а также флексия твор. падежа мн. ч. -emі в формах мест. падежа мн. ч. адъективалий муж. и ср. родов: Mac32-1488 s svěmi, brániti...žádném oddělení, svěmi oddělení oddělitі chtěl.

Помимо описанных выше явлений, в грамотах обнаруживаются иные, менее распространенные морфологические инновации в склонении существительных, адъективалий и местоимений. Среди них – аналогическое (по образцу адъективалий) окончание -ej у сущ. род., дат., мест. падежей жен. рода мягкой разновидности *ъja (paní) Mc30-1484 osviecenej kněžně paněj Machně, Mc34-1491 přet narozeném pany mariej; нестяженные формы личных местоимений: Mc36-1491 z tovaříšov mojich, Mc35-1491 ze všitkými svojmi (ср. пол. mojich, swojimi); флексия -am в дат. пад. сущ. жен. рода мягкой

разновидности: Mc14-1455 k...věsam (последняя форма не редкость для древнепольских памятников XIV-XV в. [Ананьева 2009: 176]).

В словоизменении глагола в текстах фиксируется несколько меньше отступлений от чешского литературного языка. В текстах достаточно часто обнаруживается польская по происхождению флексия –*my*, однако она не преобладает. Вариант флексии –*my*, однако, был представлен и в памятниках чешского языка [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 235]. В данном случае можно говорить о некотором изменении соотношения вариантов презентного окончания 1 лица мн. ч. –*me/-my*. Ср.: Mac57-1525 *zdviehámy*. Большинство примеров обнаруживается в гибридных текстах: Mc23-1473 *jmámy, dávámy, dámy, zaplacímy, položímy, němámy/vyznáváme, slibujeme, dáme, zaplatíme, vyvádzeme, položéme*, Mc32-1488 *slibujemy, položomy, němámy*, Mc33-1490 *vyznávámy, jsmy, prodávámy, zapisujemy, vzdávámy, zavasujemy, slibujemy, dávámy, zaplatiemy, položímy/přířekáme*, Mc37-1492 *smy*. Иной, всего лишь единожды зафиксированной в текстах инновацией в глагольной системе, является польская по происхождению форма сложного будущего времени с причастием на *-*lъ*: Mc32-1488 *jakoš budu chtěli*.

Таким образом, морфология идиома, функционировавшего в деловой корреспонденции польского происхождения, также подвергалась довольно значительному воздействию польского языка. В ряде случаев арсенал флексий под воздействием польского языка пополнялся новыми единицами. Однако в первую очередь влияние родного говора писца проявлялось в перераспределении флексий. Основной причиной перераспределения флексий в системе имени являлись различия в склонении “твёрдого” и “мягкого” типов адъективаций в чешском и польском языках. Особое внимание нам следует обратить на гибридные флексии род. и дат. падежей адъективаций жен. рода. *paše, vaše*, свидетельствующие об автономности узуса исследуемого письменного идиома.

2.3.3. Лексические полонизмы

Лексические полонизмы в подавляющем большинстве случаев отражаются в текстах гибридного характера: Mc32-1488 manlžence (пол. małżonka), Mc32-1488 dziršavce (пол. dzierżawca), Mc33-1490 přeciv (пол. przeciw), Mc33-1490 prvší (пол. pierwszy), Mc34-1491 napřeciv (пол. naprzeciw), Mac40-1499 obroně (пол. obrona); Mc35-1491 napřecivko (naprzeciwko), Mc35-1491 kniežacia (пол. им. пад. książę, род. пад. księcia), Mc36-1491 vespulek (древнепол. wspólek), Mc37-1495 řiadce (пол. rządca). Среди иных текстов обнаруживаются следующие полонизмы: Mac14-1455 monety českej a lidžby polskej (пол. liczba), Mac60-1532 stryk (совр. пол. литер. stryj, однако Брюкнер приводит и семантически производное stryk ‘бродяга’ [Brückner 1927: 527]), Mc65-1540 rozmnažat (чеш. rozmnožovat, пол. rozmnażać).

Кроме того, фиксируются лексемы не вполне ясного происхождения Mac61-1532 vtorého, Mac34-1491 svedarstvo.

2.4. Выводы

Итак, как мы видели, язык исследованных текстов весьма неоднороден. Создатели грамот в большинстве грамот в целом верно передают особенности чешской фонетики и морфологии, отступления от обычных для чешских памятников реализаций того или иного рефлекса представлены довольно непоследовательно.

Свидетельством неосознанного характера отступления от норм современного писцам чешского литературного языка является, в первую очередь, характер распределения в текстах вариантов реализации рефлексов, характеризовавших на рубеже XV-XVI вв. памятники чешской письменности (специфическая вариантность).

Исследование соотношения вариантов и динамики закрепления в текстах вариантов-инноваций приводит нас к выводу о том, что даже в том случае, когда сохранение в тексте первичной древнечешской реализации рефлекса (-šč-, -aj-, -ó-, флексии -ej в дат. и мест. падежах адъективалий жен. рода) поддерживалось ситуацией в польском языке, вариант, соответствующий “польской модели”, в текстах, как правило, не преобладал. Время закрепления в текстах чешских инноваций (-šť-, -ej-, -uo-) в целом соответствует узусу собственно чешских памятников. Подобное положение может быть сопоставлено с выводом К. В. Лифанова о специфике отражения вариантов в памятниках духовной литературы словацких католиков: «дубликаты, имевшие параллели в словацком языке в целом или отдельных словацких диалектах, в конкуренции с другими формами в языке духовной литературы словацких католиков не побеждали» [Лифанов 2001: 56]. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с исторической, а не с региональной вариантностью, что свидетельствует о континуальности развития чешского литературного языка на территории Польши, а также об отсутствии у писцов осознанного стремления к полонизации языка текстов.

Отдельного внимания в связи с вопросом о специфике узуса исследованных текстов заслуживает затронутый ранее вопрос об отражении в грамотах чешских фонетических инноваций XV в., ставших впоследствии характерными особенностями «обиходно-разговорного чешского языка» (obecná čeština). Их появление в памятниках XV-XVI вв., согласно Я. Пораку, маркирует «более свободный литературный узус» того или иного текста и рассматривается как свидетельство формирования разговорного варианта чешского литературного языка [Poraák 1983: 114, 130, 138, 151]. Важность постулирования наличия/отсутствия и определения степени распространенности указанных явлений связана с тем, что их присутствие в текстах будет достаточно ярко свидетельствовать о сохранении связи региональных варианта чешского литературного языка с идиомом-основой. В

ходе нашего исследования выяснилось, что указанные явления (протетическое *v-*, сужение *é>í*, дифтонг *ou<ú*) начинают более или менее систематически появляться в текстах польского происхождения с 20-х гг. XVI в., что соответствует динамике проникновения этих центрально-чешских инноваций в собственно чешские письменные памятники. Думается, что непоследовательность и необязательность присутствия этих инноваций в памятниках чешской письменности XV-XVI вв., а также опора на родной польский язык, не переживший подобных изменений, давали польскому писцу возможность избежать их передачи в текстах, создававшихся за пределами этнической территории распространения чешского языка. Вместе с тем, как мы указывали выше, ряд подобных явлений представлен в текстах в достаточной мере. Исходя из этого, мы склонны предполагать факт намеренного маркирования писцом “чешского характера” текста – притом, что в его составе могут обнаруживаться яркие полонизмы.

С другой стороны, чешский язык, употреблявшийся в польской деловой письменности, естественно, не оставался неизменным. В текстах грамот мы встречаемся с разнообразными полонизмами, проявлявшимися как на фонетическом, так и, что особенно важно, на морфологическом уровнях, который, как известно, менее проницаем в ситуациях контакта двух языков (ср. напр. [Thomason, Kaufman 1988: 66]).

Вообще тексты польского происхождения характеризует склонность к перегрузке системы. Как мы указывали выше, в грамотах польского происхождения отражаются чешские фонетические изменения XV в., становившиеся в ту эпоху достоянием «более свободного узуса» чешского литературного языка. Кроме того, в тексты под воздействием родного языка писцов достаточно активно проникают новые фонемы и флексии польского происхождения.

Полонизмы представлены в исследованных текстах достаточно непоследовательно, и большинство их фиксируется в небольшом количестве

“гибридных” текстов 1473-1492 гг. По нашему мнению, непоследовательное проникновение разнообразных полонизмов в основной массив текстов может объясняться тем, что создатель грамоты владел чешским литературным языком в недостаточной степени и вынужденно прибегал к ресурсам родного польского языка. Т.о., наличие в текстах черт, в достаточной степени видоизменявших систему чешского литературного языка, вряд ли может быть объяснено осознанной полонизацией языка грамот.

Большое разнообразие гетерогенных элементов, нерегулярность проведения в текстах одного и того же изменения, а также наличие особой “гибридной” группы текстов, где полонизмы отражаются последовательнее, чем в иных случаях, свидетельствуют, по нашему мнению, о нестабильности узуса исследованных грамот польского происхождения. Можно утверждать, что довольно пестрый языковой облик грамот “гибридной” группы отражает потенциал видоизменения чешской языковой основы на польской территории: разнообразие гетерогенных элементов и вариантных реализаций рефлексов приводит в них к значительной перегрузке, и, следовательно, нестабильности системы.

В хронологической перспективе в текстах не проявляется ни стремления к большей полонизации, ни попытки возвращения к чешской литературной норме предшествующего периода (до проведения ряда фонетических инноваций XV в.).

Эти выводы, в свою очередь, наводят на мысль об изначальном восприятии чешского литературного языка на территории Польши как чужого (хоть и генетически близкородственного) языка, временно играющего роль языка деловой корреспонденции между определенными адресатами исходя из соображений практического удобства. Вместе с тем, недостаточная степень владения чешским литературным языком, обусловленная, по-видимому, как восприятием его в качестве временного и функционально ограниченного средства коммуникации, так и значительной дистанцией между набором

изоглосс в говорах двух языков, имела результатом нестабильность письменного узуса чешского литературного языка в текстах, создававшихся поляками. По нашему мнению, высокая степень нестабильности письменного узуса, осложнение системы чешского литературного языка различными элементами гетерогенного происхождения, приводившее к ее перегрузке, а, следовательно, меньшей устойчивости, наряду с внелингвистическими факторами определило дальнейшую судьбу чешского языка в Польше. С течением времени, приблизительно к концу XVI в., он окончательно сдает свои позиции и уступает место польскому литературному языку, путь которого во все разнообразие жанров письменности был облегчен достаточно долговременным бытованием в текстах, создававшихся на территории Польши, близкородственного – чешского – литературного языка.

ГЛАВА 3. ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV – XVII ВВ.)

3.1. Специфика исследования культурно-языковой истории Силезии и презентация источников

Реконструкция культурно-языковой карты Силезии предшествующих эпох представляет собой исключительно трудную задачу для историков и лингвистов. Это связано, во-первых, с давней мультиэтничностью этой исторической области, и, во-вторых, с исключительно трудной политической историей силезских земель, которые никогда не составляли единого политического образования, государства в полном смысле этого слова [Žáček 2005: 9-10]. Политическая раздробленность Силезии обусловила пестроту культурно-языковой истории этого региона, в своем историческом прошлом состоявшего из многих княжеств, в разное время входивших в состав различных государственных образований, существовавших на территории современной Германии, Польши и Чехии. Проблема этнического и культурного самосознания в Силезии всегда являлась достаточно острой, что отражалось как в политическом, так и в общегуманитарном дискурсе, а также приводило к этническим и культурным конфликтам (см. подробнее об этом [Pallas 1970: 9-73]). В связи с этим проблема культурной и языковой идентичности в Силезии остается одной из наиболее активно разрабатываемых областей в современной полонистике и богемистике, о чем свидетельствует традиционно большое количество посвященных этой теме публикаций и квалификационных работ (ср. лишь некоторые [Mazur 1969, Siwek, Kanok 2000; Hannan 1996, Cymorek 2012; Tożsamość 2011]).

В силу географической близости силезские земли попали под сильное воздействие чешской культуры уже в древнейший период. Археологические находки на территории Силезии подтверждают значительное чешское культурное влияние как в Верхней, так и в Нижней Силезии уже в X в. Об этом же свидетельствует отмеченное еще В. Нерингом большое количество чешских имен в древнейших дошедших до нас силезских некрологах [Nehring 1876: 63]. Со второй половины XIII в. Силезия начинает испытывать прямое политическое, юридическое, культурное влияние со стороны Чешского королевства, а в XIV в. становится частью Чешской короны [Žáček 2005: 39, 55-63]. Несмотря на то, что первые записи на чешском языке в Силезии датируются еще XIII в., чешское языковое присутствие в Силезии, судя по всему, в полной мере начинает ощущаться лишь с середины XV в. [Первольф 1893: 224, Malicki 2007: 307]. Так, например, первая сохранившаяся грамота на чешском литературном языке, происходящая из Тешинского княжества, относится к 1434 г. [Małysz 2009: 16]. Чешский литературный язык уже в тот период обладал высоким культурным статусом, что открывало ему пути также и в проповедническую сферу и в духовные песни, бытовавшие в Силезии [Malicki 2007: 307], а также в область литературного творчества, где могла происходить гибридизация двух кодов. В свое время Р. Якобсон обратил внимание на интереснейший силезский памятник начала XV в. – «Срамную кантилену Микулаша из Козли», в гибридном языке которого («gmatwanina dwujęzykowa», «mieszanina polskiego i czeskiego») исследователь увидел симбиоз чешского литературного языка и местных говоров, обусловленный осознанным стремлением следовать ряду норм *литературного чешского языка* – язык, направленный «ad usum bohemicum», подражающий считавшемуся более аристократичным польскому произношению в чешских устах. Согласно Якобсону, от попыток овладения чешским языком, более или менее удачных, но так или иначе направленных на приближение литературного языка широким слоям населения, удаленным от самой Чехии, произошел естественный переход

к попыткам сознательно неполного подражания чешскому образцу, попыткам формирования местного варианта культурного языка. В качестве свидетельств подобных попыток Якобсон рассматривает язык многочисленных переводов, сделанных в Силезии в конце XIV-XV вв.: «...целью силезско-польских писателей было как раз гибридное языковое образование, [...] систематическое стремление к сочетанию польских и чешских элементов». Отмечается, что такого рода “гибридный” язык встречается и в иных образцах польской лирики XV-XVI вв., а уподобление польского произношения чешскому у людей, знакомых с чешским языком, встречается в некоторых приграничных польских говорах [Jakobson 1934: 72-74].

Естественно, что чешский язык начал свое продвижение на северо-восток с Верхней Силезии, в меньшей степени, нежели Нижняя Силезия, поддавшейся германизации. Проводниками чешского литературного языка на восток, судя по всему, стали Керновское и Опавское княжества, где он получил официальный статус уже в 30-х гг. XV в. Со временем чешский литературный язык наряду с немецким начинает употребляться в адресованных в Силезию грамотах чешских королей, в переписке князей, шляхты, духовенства и даже некоторых силезских городов, а также в судопроизводстве. В Северском, Осветимском и Заторском княжествах чешский язык употреблялся в судебном делопроизводстве и после присоединения их к Польше. Необходимо также отметить, что и после 1620 г., в то время как в Чехии и Моравии чешский язык постепенно вытеснялся из делопроизводства, в Силезии он продолжал обслуживать сферу официально-деловой письменности вплоть до первой половины XVIII в. [Первольф 1874: 189-193].

Итак, в XVI в. чешский язык занимает место единственного официального языка Верхней Силезии, что закрепляется в ряде официальных документов. В тешинском княжестве Статус официального языка (*oficjalny język*) чешский получил после присоединения тешинских земель к землям чешской короны, т.е. после 1439 года, а в 1573 г. чешский язык был объявлен

князем Вацлавом Адамом официальным языком делопроизводства (*język urzędowy*) [Greń 2000: 97]. Как замечает по поводу языковой ситуации в тешинских землях Б. Полочкова, «необходимо признать, что основным, повсеместно применявшимся – как в княжеской канцелярии, так и в городах и в деревнях – письменным языком был до конца XVIII в. чешский язык» [Poloczkowa 2003: 39]¹⁰.

Практика создания официальной документации в Тешинском княжестве вплоть до конца XVIII в. отражала существующие отношения в многоязычном латинско-чешско-немецком пространстве земель Чешской короны [Kubok 2011: 72]. Так, в деловой письменности Тешинского княжества на протяжении XIII-XVII вв. присутствовали различные языки – латинский, немецкий, чешский и в некоторой степени также польский язык. Как отмечает Б. Полочкова, использование в силезской деловой корреспонденции XV-XVII вв. того или иного языка в целом никак не санкционировалось и зависело лишь от языковой компетенции адресата, адресанта и писца грамоты (если адресант и создатель грамоты не являлись одним лицом, как, например, в случае князя Фридриха Казимира, создававшего грамоты собственноручно [Jež 2007: 130]). Писцы в княжеской канцелярии были способны создавать грамоты на всех четырех языках, а также по необходимости осуществлять переводы с одного на другой язык [Poloczkowa 2003: 35-37]. Впрочем, в отношении чешского и польского это вряд ли требовалось – так, известны случаи “чешско-польской” переписки, когда княжеская канцелярия отправляла адресату грамоту на чешском, а ответ получала на польском [Greń 2008: 253]. Однако подобное языковое разнообразие характеризовало лишь язык княжеской канцелярии, в то время как на более низких ступенях социальной иерархии грамоты создавались преимущественно по-чешски, причем со значительным привнесением полонизмов [Poloczkowa 2003: 36]. Очевидно, что из-под пера человека, хотя и

¹⁰ Долговременное сосуществование на территории Верхней Силезии различных языковых кодов (употреблявшихся, естественно, в различных функциях) приводило к их взаимным контактам, что, в свою очередь, отражалось на характере местных диалектов, проблема смешанного характера которых неоднократно обсуждалась как в богемистике, так и в полонистике. Ср. [Dejna 1955; Bělič 1975].

находившегося в контакте с чешским языком как с языком администрации, однако в обиходе использовавшего свой местный силезский говор, не мог выйти чистый с точки зрения чешского узуса текст. Я. Малицкий полагает, что благодаря высокому уровню своего развития, сознательному использованию в функции официального, «государственного» языка (а также, добавим, относительной близости к местным говорам), чешский литературный язык в Силезии становился контактным языком, обеспечивавшим успешную коммуникацию в сфере общественной жизни, чем поддерживался его высокий статус в глазах местного населения, постоянно находившегося в контакте с этим престижным кодом и прекрасно осознававшего его структурные и функциональные отличия от местного диалекта [Malicki 2007: 308].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о характере местного диалекта (диалектов), непосредственно связанный со спецификой культурной истории такой мультиэтнической области, как Силезия. В свое время Я. Белич справедливо указывал на то, что вопрос о границах польского и чешского диалектных континуумов в тешинской области непосредственно связан с проблемой этнического самосознания местного населения, поскольку зачастую в силезских диалектах большинство изоглосс польского и чешского типа наслаивается друг на друга. В своем «Очерке чешской диалектологии» Я. Белич однозначно характеризует диалекты, область распространения которых примерно совпадает с границами бывшего Тешинского княжества, как «говоры польско-чешского переходного пояса» [Bělič 1972: карта №1]. В свою очередь, этническое самосознание современного типа, довольно четко разделившее силезское население по национальному признаку, по-видимому, сформировалось не ранее чем в последних десятилетиях XVIII в., в эпоху складывания национальных литературных языков – польского и чешского. Осознание связи между собственным говором и польским либо чешским литературным языком становилось в ту эпоху сильнейшим фактором этнического самосознания [Bělič 1975]. Таким образом, характеризовать

говоры, распространенные в XV-XVII вв. на территории Верхней Силезии, как говоры польского либо чешского языка, не представляется возможным. В связи с этим в данной работе будут использоваться обозначения «ляшский диалект», «местный силезский диалект», «местные силезские говоры» без обязательного отнесения их к диалектному континууму чешского либо польского языков.

Каким же был родной язык *образованных слоев* силезского населения, группировавшихся вокруг княжеского двора, тех людей, которые могли назвать себя полномочными представителями Чешской короны в Силезии? Вопрос о стандарте устной формы языка образованных слоев населения Тешинского княжества также остается открытым [Kubok 2011: 75-76]. На протяжении трех с половиной веков (1290-1653) эти земли управлялись представителями польской династии Пястов, уже со второй половины XIV в. вступившей в тесные политические контакты с чешскими землями и чешской короной [Žáček 2005: 54, 93-94; Kubok 2011: 62]. Пясты в той или иной мере владели несколькими языками либо даже были билингвильны [Jež 2007: 130]. Так, Б. Кубок предполагает, что для первых Пястов «силезский вариант польского языка» (местный силезский диалект) был первичным кодом (*język prymarny*), в то время как для последних Пястов (конец XVI – первая половина XVII в.) этот идиом становится кодом вторичным (*język sekundarny*), а место первичного языка занимают другие идиомы [Kubok 2011: 64]. В зависимости от судьбы и воспитания отдельных представителей династии это могли быть чешский либо немецкий языки. Аналогичным образом дело, по-видимому, обстояло и с языковой компетенцией представителей шляхты, многие из которых постоянно контактировали с чешскими и немецкими феодалами, очень часто будучи с ними связаны семейными узами.

В какой мере описанная специфика влияла на языковой облик документов, создававшихся в Тешинском княжестве на чешском литературном языке, и каким образом местное население воспринимало язык администрации

(чешский язык) – вопросы, которые только предстоит разрешить. Вопрос о роли и функции чешского литературного языка в Силезии ставился в славистике неоднократно [Rospond 1962, 1975; Dziewulski 1974; Greń 2000; Malicki 2006, 2009, Kubok 2011]. Несмотря на значительное число работ о силезской письменности, среди которых присутствуют и монографические исследования, языковой облик документов силезского происхождения до сегодняшнего дня систематически не сопоставлялся с узусом текстов на чешском литературном языке, происходящих из иных регионов. Подавляющее большинство работ, посвященных языковой ситуации в Силезии в исторической перспективе, создавалось и создается польскими исследователями, которых закономерным образом интересует история польского языка в Силезии. Исследовались и исследуются преимущественно польские тексты силезского происхождения, число которых до XVIII в. очень невелико (ср. в этой связи хотя бы [Małysz 2009]). При характеристике языковой ситуации в Силезии польские лингвисты упоминают и о чешском языковом присутствии в этом регионе, однако в отношении особенностей чешских текстов, естественно, ограничиваются лишь отдельными замечаниями либо общими наблюдениями (ср. [Poloczkowa 2003: 35-44; Machej 2004: 99-102]).

В свою очередь, как мы уже отмечали во введении к диссертации, богемистику проблематика регионализма в истории чешского литературного языка традиционно интересует лишь в очень незначительной мере. Как справедливо замечает Я. Малицкий, исследование связей между формированием национального чешского языка и историей чешского языка в отдельных регионах либо историей иных языков на территории чешского государства до сих пор не получило достойного места в чешском историческом языкознании [Malicki 2007: 295]. К сожалению, в рамках богемистики как таковой мы располагаем лишь небольшим количеством работ, посвященных исследованию следов чешского языкового присутствия в Силезии. Среди них

необходимо отметить обзорный труд А. Кнопа, А. Лампрехта и Л. Палласа «История чешского языка в Силезии и остравском регионе» [Кноп, Lamprecht, Pallas 1967], а также упомянутую ранее монографию А. Кнопа «Литературный чешский язык в Силезии в XVI веке», один из редких опытов систематического описания языка целого корпуса силезских памятников [Кноп 1965].

На основании проведенного исследования А. Кноп утверждает, что уровень практического владения чешским литературным языком в Силезии был достаточно высок, что проявилось в том, что диалектизмы представлены в силезских текстах в довольно малой мере и очень непоследовательно. Чешский язык в Силезии, по мнению исследователя, представлял собой стабильное языковое образование (*jazykový útvar*), в общих чертах соответствующее нормам и законам развития литературного чешского языка, употреблявшегося в соответствующую эпоху в Чехии и Моравии. С другой стороны, по мнению автора, структурное различие между системами литературного наддиалектного языка и местных силезских диалектов, приводило в Силезии к формированию «разговорного стиля», эквивалентного «разговорному языку», формировавшемуся в ту эпоху в чешских и моравских землях (язык, на котором общались священники, учителя, писцы, дворяне и образованные горожане). Согласно А. Кнопу, этот «разговорный стиль» чешского литературного языка в Силезии заимствовал из системы литературного языка некоторые сниженные, разговорные варианты, соединяя их с чертами местных диалектов – так, в частности, в нем отражался ряд явлений диалектного происхождения (краткость гласных, ударение на предпоследнем слоге, некоторые отступления в области морфологии имени) [Кноп 1965: 137, 142-143]. Интересно происхождение последней идеи А. Кнопа. Очевидно, она опирается на высказанные еще в 1955 г. идеи Б. Гавранека: «по моему мнению [...] чешский литературный язык, использовавшийся на польской территории [...] приобретал определенный локальный характер, и этот полонизированный (*polsky zabarvený*) культурный чешский язык, в свою очередь, оказывал

влияние на всю территорию ляшского диалекта. Этот литературный чешский язык, звучавший на польской территории иначе, не имел, в частности, долгот. Люди, говорившие на этом необычном чешском языке на ляшской территории не были оторваны от чешской целостности, напротив, они со своей стороны отождествляли себя как носителей чешского языка, хотя при этом подвергались влиянию того самого полонизированного чешского языка» [Navránek 1955: 155].

Идея, высказанная А. Кнопом, представляется и интересной, и плодотворной. Вместе с тем, вопрос о существовании «полонизированного чешского языка» и о его статусе в Силезии не может быть разрешен в отсутствие дальнейших исследований, которые, основываясь на результатах анализа более или менее репрезентативного корпуса источников, выявили бы наличие систематических отличий текстов силезского происхождения от текстов, создававшихся на чешском языке в пределах его этнической территории, либо доказали бы общность письменных традиций в Силезии и в чешских землях.

В данном разделе работы мы ставим своей задачей исследовать языковой облик доступных нам грамот, создававшихся в пястовской канцелярии, а также представителями крупной силезской аристократии, на чешском литературном языке в хронологической перспективе XV – XVII вв. (1483-1692 гг.). Источником нашего исследования являются грамоты из следующих изданий: грамоты с шифром Kn - Kniezsa 1952, Mac – Macůrek 1958; Mcr – Macůrek 1969. Номер после шифра соответствует номеру грамоты в указанном издании. Кроме того, к исследованию были привлечены различные грамоты верхнесилезского происхождения, в разное время публиковавшиеся в альманахе «Паметник чешински», для которых место публикации в списке грамот приводится отдельно.

Исследованные грамоты хронологически распадаются на две группы (см. список грамот на стр.169). Первую составляют 12 грамот верхнесилезского

происхождения, относящихся к 1447-1541 гг. Эта группа весьма разнообразна по месту создания грамот, как правило созданных в небольших населенных пунктах Верхней Силезии.

В связи с отсутствием доступных нам текстов грамот в период 1542-1569 гг. не представляется возможным проследить постепенное видоизменение узуса силезской деловой корреспонденции. С другой стороны, наличие “зазора” в хронологической последовательности грамот делает еще более наглядными произошедшие в их языковом облике изменения.

Подавляющее большинство исследованных грамот составляет вторую группу, включающую грамоты 1569-1692 гг., создававшиеся по большей части в Тешинском княжестве, зачастую в самом Тешине.

Анализ языка грамот верхнесилезского происхождения в дальнейшем производится в той же последовательности, что и в предшествующей главе относительно малопольского материала. Нас интересует, по-первых, специфика отражения в текстах вариантов, присутствовавших в чешском литературном узусе современной им эпохи, во-вторых, мера отражения и время проникновения в них особенностей «более свободного литературного узуса» (центрально-чешских инноваций), и, в-третьих, присутствие отступлений от нормы чешского литературного языка XV-XVII вв., прямо либо косвенно обусловленных воздействием местных говоров.

3.2. Специфическая вариантность в грамотах верхнесилезского происхождения

3.2.1. Отражение результатов диссимилиации šč>šť

Ляшский диалект чешского языка, подобно восточно-моравскому и центрально-моравскому диалектам, а также диалектам польского языка, сохранил без изменения сочетание šč, которое в собственно чешских диалектах,

включая диалект Центральной Чехии, легший в основу древнечешского литературного языка, в XIV-XV вв. подверглось диссимиляции $\check{s}\check{c} > \check{s}\check{t}'$ [Bělič 1972: 287; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 124].

Исследованные тексты силезского происхождения в отношении реализации рефлекса $\check{s}\check{c}/\check{s}\check{t}'$ дают следующую картину. В грамотах XV – 1 пол. XVI вв. обнаруживается всего несколько случаев реализации этого рефлекса, однако в этих позициях чаще отражается старший вариант ($\check{s}\check{c}$ – 3 примера, $\check{s}\check{t}'$ – 1 пример): PT-1447 *gesscze*, Kn25-1483 *rybnissczamy*, Kn58-1515 *propussczemy*; PT-1457 *zwasstie*. Примечательно, что в совпадающих по времени создания текстах малопольского происхождения очевидно преобладает инновация $\check{s}\check{t}'$, в то время как тексты силезского происхождения 1480-1541 гг. отражают чешскую инновацию лишь единожды.

В текстах 1541-1692 гг. мы наблюдаем вариантность в отражении указанного рефлекса, причем не только в текстах грамот одного времени, но и в тексте одной грамоты: Mc107-1582 *zvláště/neboščíku*, Mc132-1592 *šťastného/puščeno*, Mc194-1615 *zvláště/zvlášč*, Mcr8-1622 *zvláště/ješče*, měščenín, Mcr54-1630 *zvláště/zvlášč*, Mcr60-1632 *dopuštěn/zvlášč*, Mc163-1654 *žilínščí, nepuščejíce/zvláště*. Вместе с тем, количественно преобладает чешская инновация ($\check{s}\check{c}$ – 21, $\check{s}\check{t}'$ – 37 примеров).

Учитывая тот факт, что, согласно наблюдениям исследователей истории чешского литературного языка, в чешском письменном узусе уже в XVI в. явно преобладает инновация $\check{s}\check{t}'$ [Komárek 1962: 140], мы можем говорить о наличии в текстах верхнесилезского происхождения 2-й половины XVI – XVII вв. оригинальной вариантности $\check{s}\check{c}/\check{s}\check{t}'$. Вместе с тем, старший вариант, поддерживаемый местным говором, в текстах отражается реже, нежели чешская инновация, что свидетельствует о стремлении создателей грамот следовать современному им чешскому литературному узусу.

3.2.2. Отражение результата «регрессивной перегласовки» aj/ej

В отношении отражения этого рефлекса в текстах обнаруживается схожая картина. В грамотах, созданных до середины 20-х гг. XVI в., представлен исключительно старший вариант реализации рефлекса aj, совпадающий с реализацией в силезских говорах и в польском языке [Bělič 1972: 287] (aj – 7, ej – 0 примеров): Кн25-1483 *naylepe*, *naupodobniegi*, Кн34-1496 *naylepe*, Кн58-1515 *nauwysy*, Кн61-1517 *naeiasniegssieho*, Кн66-1519 *nauwysseho*, Кн71-1523 *nauwissy*. Отсутствуют даже единичные примеры отражения инновации (как, например, в грамотах малопольского происхождения, где в отдельных случаях уже в первом десятилетии XVI в. зафиксировано ej, см. главу 2). Здесь, как и в случае с отражением консонантного сочетания šč, мы склонны усмотреть консервацию старшего варианта реализации рефлекса под воздействием местного диалекта.

В более поздних грамотах (вторая половина XVI-XVII вв.) рефлекс, напротив, за редкими исключениями фиксируется в виде чешской инновации (aj – 2, ej – 22): Мс66-1569 *na prodeji*, Мс127-1591 *nejmilostivější*, Мс194-1615 *nejvyššímu*, Мсr19-1623 *tejna*, Мсr54-1630 *nejmilejším*, Мсr98-1639 *nejdéle*, Мсr169-1661 *nejmilostivějšího*, *nejvěrnější*, Мсr205-1680 *nejvyššího*. Грамоты с вариантной реализацией практически отсутствуют, что полностью соответствует ситуации в собственно чешских памятниках – как известно, фонетический процесс перегласовки aj>ej, протекавший в чешском языке XV-XVI вв., начинает последовательно отражаться в текстах в XVII в. [Komárek 1960: 175]. Таким образом, в данном пункте грамоты силезского происхождения второй половины XVI-XVII вв. полностью соответствуют чешскому письменному узусу XVI-XVII вв.

3.2.3. Рефлексы долгого ó>uo>ú (ů) в основах

Грамоты силезского происхождения XV – 1 пол. XVI вв. в отражении данного рефлекса характеризуются вариантностью ь – приблизительно в равной степени представлен и монофтонг *ó* (о), и дифтонг *uo* (*ó* – 7, *uo* – 8 примеров). Новый монофтонг */ú/* отразился в текстах первого периода лишь единожды. Вероятно, старшая реализация рефлекса, которая, согласно Я. Пораку, в XV-XVI вв., хотя и несистематически, встречается в чешских текстах, в данном случае поддерживалась ситуацией в местных силезских говорах [Porák 1983: 60].

Тексты второго периода (1541-1592), в свою очередь, по преимуществу отражают чешскую инновацию – новый монофтонг */ú/* (*ů*), который, согласно наблюдениям Я. Порака, в чешских памятниках начинает конкурировать с дифтонгом как раз со второй половины XVI в. [Porák 1983: 59, 63-64]. В эту эпоху вариант */ó/* представлен в текстах уже в очень незначительной мере (4 примера) – Mc84-1577 *moу*, Mc144-1597 *zrosti*, Mc110-1641 *nemožeme*, Mc130-1645 *nemože*. Вероятно, данные примеры из текстов 2-й половины XVI – XVII вв. уже не могут интерпретироваться как отражение наиболее старшего варианта реализации рефлекса долгого *ó>uo>ů*. Я. Порак предлагает искать причину для подобных написаний в аналогии (*moуu* → *može*) либо в различиях в долготе гласного в диалектах и литературном чешском языке (*zóstáviti* vs. *zostáviti*) [Porák 1983: 60]. В любом случае, малое количество подобных реализаций не позволяет говорить о данных написаниях как о характерной черте силезских текстов – несмотря на то, в доступных нам грамотах чешского происхождения XVII в. подобные формы уже не фиксируются.

Принципиальный интерес в отношении текстов 2-й половины XVI – XVII вв. представляет рассмотрение соотношения вариантов *uo/ů* – (22/38). Следовательно, дифтонг все еще достаточно последовательно фиксируется в текстах. Примечательно, что вариантность *uo/ů* сохраняется и в текстах XVII в. (*uo* – 15, *ů* – 24): Mcr9-1541 *pozuostal*, Mc115-1586 *pruotah*, Mc144-1597 *pozuostaval*, Mc205-1617 *muoj*, Mc61-1632 *svuoj*, Mc136-1646 *zuostávám* // Mc65-

1569 můžem, Mc96-1580 způsobem, Mc132-1592 způsobem, Mc157-1606 důvěrný, zůstáváme, Mc194-1615 zrůsti, důvěrně, Mcr14-1622 vůbec, Mcr52-1629 můj, Mcr62-1632 vůle, Mc76-1635 pozůstavovati, Mc136-1646 způsobem, Mcr159-1653 může, Mcr205-1680 důvěrně.

Возникает вопрос, присутствует ли подобное соотношение старшего и младшего вариантов реализации рефлекса *ó* в текстах, создававшихся в соответствующий период на территории Чехии, либо в текстах верхнесилезского происхождения мы имеем дело с сохранением следов предшествующего состояния системы, которое поддерживалось ситуацией в силезских говорах, где в ряде позиций присутствует дифтонг *uo<ó* [Ананьева 2009: 85]. Работы по истории чешского языка не дают ответа на этот вопрос. Выборочный анализ доступных нам текстов чешского происхождения убеждает, что в чешских текстах второй половины XVI в. старший вариант *uo* еще присутствует, однако тексты XVII в. характеризует исключительно присутствие инновации:

вторая половина XVI в.	XVII в.
Mc10-1541 (Pardubice) nemůže, vůle, Mc16-1545 (Praha) pozuostaná, puol druhého, puol druhého, Mc36-1557 (Jindřichův Hradec) pruochoď, svuoj, zuostati, Mc90-1578 (Lanškroun) svůj, chůzi, bůh Mc99-1581 (Hradec nad Labem) Buoh, Mc123-1589 (Broumov) muoj, vuole/zůstati, Mc143-1597 (Brno) puojčeného, věřitelium	Mc161-1606 (Litomyšl) Bůh, Mc179-1610 (Brno) důvěrně, důležité, Mc208-1619 (Praha) nemůže, Mc222-1620 (Vysoké Mejtо) zůstalé, důvěření, Mc41-1628 (Praha) zůstává, Mc44-1628 (Praha) můj, bůh, pozůstalého, Mc55-1629 (Prostějov) nemůžem, půjčené, Mc83-1636 (Sušice) způsob, nepozůstavujíc, Mc84-1636 (Jihlava) způsobem, nemůžeme, Mc123-1644 zůstalej, způsobem, bůh, Mc188-1675 (Brumov) zůstávám

Следовательно, в текстах силезского происхождения XVII в. мы встречаемся с оригинальной вариантностью в реализации рефлекса *uo>ů*. В данном случае возможно говорить о консервации чешского литературного узуса в текстах из Силезии.

Рассматривая узус текстов польского происхождения, мы отмечали многочисленные случаи неэтимологического отражения дифтонга /uo/ на месте краткого /o/. Подобные написания встречаются и в чешских памятниках, создававшихся на этнической территории [Gebauer 1963: 245-6, 607, Komárek 1962: 119]. Также мы обнаруживаем их в текстах силезского происхождения, ср. PT-1457 *buozie*, *puolskeho*, Kn34-1496 *huorny*, *buozieho*, Kn54-1513 *dulnie*, *suobie* Kn58-1515 *huornie*, *duolnie*, *yakuoz*, *protuoz*, Kn66-1519 *zbuozy*, *buozieho*, Mc9-1541 *buožíe*, Mc79-1575 *duolní*, Mc205-1617 *všelikuo*. Подобная реализация краткого /o/ известна ряду силезских говоров [Ананьева 2009: 85]. Примечательно, что в грамотах силезского происхождения насчитывается гораздо меньше случаев подобной дифтонгизации, что, по-видимому, свидетельствует меньшей проницаемости чешского литературного языка, употреблявшегося в Силезии, для периферийных, маргинальных форм.

3.2.4. Реализация рефлекса *ó>uo>ů* во флексиях род. п. мн. ч. сущ. муж. рода

Как указывалось выше, динамика проникновения в тексты инноваций *uo*, *ů* в основах и во флексиях в чешском литературном языке XV-XVI вв. различалась. Существовали различия и в отражении монофтонга/дифтонга между флексиями род. и дат. падежей.

Существует ряд текстов XV-XVI вв., где довольно активно употребляется флексия *-ov*, однако уже в древнейших чешских печатных текстах и соответствующих им по времени рукописях представлен дифтонгизированный

вариант окончания –uov (иногда с монофтонгизацией uo>ů). Тексты XV – XVI вв. характеризуются преобладанием флексий ouv/ův (после 20-х гг. XVI вв. – почти полным) [Pogák 1983: 62]. Ситуация в грамотах верхнесилезского происхождения в общем соответствует описанной выше динамике чешского узуса. Вообще, в данном случае мы имеем дело с совпадением тенденций развития литературного языка, с одной стороны, и местного диалекта, с другой, поскольку общей чертой силезских говоров, согласно Я. Беличу, является генетивная флексия –uv во мн. ч. – как и в современном чешском литературном языке [Bělič 1972: 283].

В грамотах XV – начала XVI вв. абсолютно преобладает вариант -ov (-ov – 11 примеров, -uov – 1, -ův – 1): PT-1457 czasow, Kn34-1496 darow, przedkow, Kn48-1508 zemyenow, Kn54-1513 erbow, Kn58-1515 zamkow, Kn61-1517 erbow, Kn66-1519 wozow, lesow, rokow, Mc9-1541 nákladov. В грамотах второй половины XVI в. – XVII вв. преобладают флексии -ův/-ů (16 примеров): Mc66-1569 tolarů, herynků, Mc79-1575 bez odtahů, Mc124-1589 centnarův, Mc157-1606 předkův, Mc194-1615 z panů, Mc221-1620 stavův, Mc40-1627 od kupcův, Mc54-1630 dobytkův, předkův, Mc98-1639 tolarů. Спорадически представлен дифтонг uo (3 примера): Mc130-1591 rapuov, Mc139-1595 sirotkuov, Mc205-1617 kuosuov, а старший вариант –ov отсутствует вообще. Примечательно, что и А. Кноп в своем исследовании вообще не отмечает в силезских текстах XVI в. флексии –ow [Кноп 1965: 63-64].

3.2.5. Отражение рефлекса долгого ó во флексии дат. пад. мн. ч. сущ. муж. и ср. рода

В форме дат. пад. флексия –om у существительных муж. и ср. родов в печатных текстах и рукописях XV-первой половины XVI вв. преобладала, однако в последующий период начинает более активно проникать в тексты дифтонгизированный вариант флексии (-uom), довольно быстро, судя по всему,

вытесненный новым монофтонгом (-*ŭm*). Появление флексии -*om* в текстах, создававшихся в конце XVI-XVII вв. рассматривается как диалектизм: Я. Порак отмечает сравнительную редкость появления этой флексии в этот период даже в текстах, создававшихся на территории распространения говоров, где эта флексия сохранилась [Porák 1983: 61]. Материал исследованных грамот позволяет скорректировать последний тезис в отношении Силезии.

Флексия -*om* является обычной в текстах силезского происхождения как в XV – начале XVI вв. (-*om* – 16 примеров), так и в последующий период, вплоть до 30-х гг. XVII в (7 примеров – в текстах этого периода представлено всего 9 форм существительных муж. и ср. род. в дат. пад. мн. ч.): РТ-1447 *potomkom*, Kn25-1483 *prodali...erbom* у *potomkom*, Kn34-1496 *dal...erbom* а *potomkom*, Kn48-1508 *herbom*, Kn54-1513 *potomkom*, Kn61-1517 *kralom*, Kn66-1519 *potomkom*, Mc86-1577 *kupcom*, Mc127-1591 *k...letom*, Mc139-1595 *sirotkom*, Mc103-1640 *našim valachom*, Mc62-1632 *sousedom*, Mc34-1626 *jiným dlužníkom*, Mc76-1635 *nám a předkom našim*. Дифтонгический вариант флексии (-*uom*) вообще не фиксируется в текстах из Верхней Силезии, вариант с новым монофтонгом -*ŭm* представлен во всем корпусе всего лишь трижды.

Таким образом, в данном случае мы можем говорить о специфической черте текстов силезского происхождения, проявившейся в консервации предшествующего состояния системы – возможно, под воздействием местного диалекта.

В современных силезских диалектах, согласно Я. Беличу, в дат. пад. мн. ч. у сущ. муж. и ср. родов фиксируется флексия -*um*. Однако необходимо отметить, что в говорах польского языка в XV-XVI вв. в этом падеже у сущ. муж. и ср. родов уже господствовала флексия -*om*, которая проникала даже в парадигму жен. рода [Ананьева 2009: 156, 176-178]. Аналогичным образом диалекты восточной части Моравии, как правило, имеют флексию -*om* [Lamprecht-Šlosar-Bauer 1986: 143]. Исследованные А. Кнопом силезские

рукописные памятники также очень часто отражают вариант –om [Кнор 1965: 33]. Высказанные факты позволяют предположить, что в силезских говорах XV-XVII вв. также присутствовала флексия -om, наличие которой в говорах поддерживало вариант -om в рукописных текстах, который в памятниках чешского литературного языка к XVII в. почти полностью исчез.

Таким образом, в отношении отражения рефлекса во флексиях генетива и датива мн. ч. можно утверждать, что создатели текстов 2 пол. XVI – XVII вв. из нескольких возможностей, присутствовавших в древнечешском языке, избирали вариант, в большей степени соответствующий родному силезскому говору.

3.2.6. Флексия род., дат. и мест. пад. адъективалий жен. рода

При анализе распределения вариантов реализации данного рефлекса мы прибегаем к методике, сформулированной нами в предыдущей главе. В отношении распределения вариантов флексий в формах род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода грамоты силезского происхождения разбиваются на группы, и далее указывается число грамот, которые характеризует то или иное распределение флексий в первом/втором периоде:

1) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. пад. – ej (либо дат., мест. пад. не фиксируются) – 4 грамоты/2 грамоты

2) грамоты, в которых форма род. пад. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. пад. с ej – 0 грамот/8 грамот

3) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется é (либо форма род.п. не зафиксирована), в дат. и мест. пад. – é: 1 грамота/2 грамоты

4) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется ej, в дат. и мест. пад. – ej (либо формы дат. и мест. не зафиксированы): 5 грамот/12 грамот;

5) грамоты, в которых в род. пад. фиксируется –ej, в дат. либо мест. пад. – é. Подобное распределение флексий, не встреченное нами при исследовании

узуса грамот польского происхождения, свидетельствует об искусственности литературного узуса, поскольку отражает ситуацию, не встречающуюся в естественных языках (0 грамот/1 грамота);

6) вариантность в род. пад. *é/ej*: 0 грамот/9 грамот;

7) вариантность в дат., мест. пад. *é/ej* (0 грамот/2 грамоты).

В предыдущей главе мы отмечали, что наиболее репрезентативным соотношением флексий, указывающим на отражение в текстах инновации по образцу чешских диалектов, легших в основу чешского литературного языка, является ситуация, когда в форме род. пад. адъективалий жен. рода фиксируется *é* (либо форма род. пад. не зафиксирована), в дат. и мест. пад. – *é* (3 группа). Как видно, к этой группе относится незначительное количество грамот.

Напротив, наиболее значительная часть текстов верхнесилезского происхождения (в общей сложности 17 грамот, 5/12), относится к группе, распределение флексий в которой свидетельствует об ориентации местные силезские говоры, где, как и в польском языке, во всех трех падежах функционирует синкретическая флексия *–ej* (4 группа) [Bělič 1972: 170].

Таким образом, и в данном случае мы встречаемся с влиянием местного диалекта, причем это влияние сохраняется на всем протяжении исследуемого периода (как и в случае флексии дат. падежа *-om*) – в отличие от реализаций рефлексов *šč>št'*, *aj>ej*.

Особое внимание обращает на себя ряд грамот, где флексия *–ej* в форме род. падежа *в составе одного словосочетания* отражается у притяжательных либо указательных местоимений, однако отсутствует в сопутствующих формах прилагательных: Mc126-1590 *jsme tej jisté naděje*, Mc139-1595 *tej naděje nepochybné*, Mcr79-1575 *jsme...tej jisté naděje*¹¹. Наличие в текстах подобного соположения различных реализаций рефлекса в грамотах из Силезии, по нашему мнению, связано с сохранением вариантности реализации рефлекса на

¹¹ Я. Белич пишет о наличии подобной линии развития (po kerí tej neděli и т.д.) на некоторых небольших по площади территориях, в частности в северо-западночешских говорах [Bělič 1972: 179].

протяжении всего исследуемого периода и находит свое объяснение в том, что оба варианта реализации рефлекса создателями грамот в функциональном плане противопоставлялись нечетко.

Воздействие местного говора также проявилось в присутствии флексии -ej у адъективалий мягкой разновидности (напр. *našej, vašej*), для которых основным вариантом флексии во всех трех падежах является -í. Согласно Я. Гебауэру, флексия адъективалий -ej после конечного мягкого согласного основы чешских памятниках встречается очень редко [Gebauer 1896: 487-488]; в доступных нам текстах XVII в. с территории Чехии и Моравии подобные написания вообще не фиксируются. В свою очередь, в говорах Силезии у адъективалий мягкой разновидности и местоимений *páš, váš* в род., дат. и мест. падежах повсеместно фиксируется вариантность -e/-ej [Bělič 1972: 177]. Формы с флексией -ej присутствуют в исследованных текстах, пусть и в очень незначительной мере, что также может свидетельствовать об определенном воздействии на язык текста родного говора создателя грамоты: Kn58-1515 *peczetj swe podle nasseg...przitisknuly*, Mc72-1572 *pod správú vašej náleželo*, Mc62-1632 *našej milostivej*, Mc72-1635 *od strany našej*, Mc169-1661 *od našej strany*.

3.2.7. Отражение в текстах рефлекса долгого *ú* (*ú > ou*)

В грамотах XV – 1-й половины XVI вв. преобладающим вариантом реализации рефлекса данного рефлекса является монофтонг *ú* (15 примеров), что вполне понятно, т.к., согласно Я. Пораку, и в памятниках чешской письменности дифтонг /ou/ начинает постепенно завоевывать позиции лишь только 20-х гг. XVI в. [Porák 1983: 69-70]: PT-1447 *čtuce, mohu* (форма 3 л. мн. ч.), Kn25-1483 *budu* (форма 3 л. мн. ч.), gsu, Kn31-1488 *spusstiely*, Kn34-1496 *sprawedlnosti kteruz ma*, Kn48-1508 *czuczy*, Kn54-1513 *czucze*, Kn58-1515 *czucze*, Kn61-1517 *czucze*, dawame swu plnu...wuoly, Kn66-1519 *czucze*,

buduczych. Исключение здесь составляет древнейшая грамота, где наряду с монофтонгом представлен и дифтонг: PT-1447 gsau, w budaucech, budau rożywati (3 примера). Отметим, что в текстах малопольского происхождения дифтонг начинает фиксироваться с 20-х гг. XVI в., однако мы также располагаем единственной и значительно более ранней фиксацией дифтонга (1474 г.).

В последующий период, начиная со второй половины XVI в., в тексты активно проникает инновация – дифтонг ou<ú, однако этот вариант никогда не становится преобладающим (ú – 83, ou – 66 примеров). В большинстве случаев в тексте обнаруживаются обе реализации рефлекса, распределение которых, по-видимому, не подчиняется никаким правилам. Нередко два различных варианта реализации рефлекса представлены в составе одного текста в одном и том же корне либо в одной и той же грамматической форме. Ср.: Mc126-1590 súsedé/spolusoused, Mc127-1591 za paní Sarú Unverzagt kou, Mc144-1597 přijdouce/kladúc, dadúc, Mc34-1626 budúce/propadouce, za tú a nejínú příčinu/skerzevá takovou věc, Mc57-1631 čtouce/přijedúc. Тексты, в которых бы отражался только один вариант реализации рефлекса ú>ou, вообще немногочисленны.

Наблюдения Я. Порака над узусом рукописных текстов XVI – XVII вв. [Porák 1983:70], а также узус чешской и моравской деловой корреспонденции, привлекавшейся нами для сопоставления с силезским материалом, свидетельствуют о том, что в грамотах, создававшихся на территории Чехии и Моравии и не имеющих иных ярких диалектных черт, -u- в XVII в. фиксируется лишь спорадически (так, из 9 грамот чешского и моравского происхождения 1605-1675 гг. – Mc156-1605, Mc161-1606, Mc170-1609, Mc199-1616, Mc30-1625, Mc44-1628, Mc82-1636, Mc123-1644, Mc188-1675 недифтонгизированный вариант рефлекса встретился лишь в одной в единственном случае – Mc44-1628 všemohúcí. Следовательно, сохранение вариантности, как и в случае с отражением рефлекса ú>ou, может быть названо характерной чертой текстов

верхнесилезского происхождения. Вариантность здесь обусловлена тем, что в ляшских говорах, так же, как и в польском языке, изменения $\acute{u} > uo$ не произошло, а долгое $\acute{u}$ сократилось $\acute{u} > u$ [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 111]. Ситуация в местном диалекте, по-видимому, стала причиной консервации состояния, характерного для чешского литературного языка XV – XVI вв., в последующую эпоху – в XVII в.

Таким образом, в текстах силезского происхождения у различных рефлексов, имевших вариантную реализацию в чешском литературном языке XVI – XVII вв., мы обнаруживаем различное распределение вариантов. Так, в случае рефлексов $\check{s} > \acute{s}t'$ и $aj > ej$ в грамотах XV – 1-й пол. XVI в. обнаруживается почти исключительное отражение старшего варианта, что отличает тексты из Силезии от текстов, создававшихся в Малопольше, в которые инновации проникали в несколько большей мере.

В отношении распределения иных вариантов в текстах можно говорить об определенном воздействии местных говоров. Так, широкое распространение синкретической флексии $-ej$ в формах род., дат. и мест. пад. адъективалий жен. рода, а также проникновение этой флексии в парадигму склонения адъективалий мягкого типа и местоимений $na\acute{s}e$, $va\acute{s}e$, по нашему мнению, объясняется распространенностью обоих явлений в силезских говорах [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 189]. Аналогичным образом сохранение в верхнесилезских текстах флексии $-om$ в дат. пад. сущ. муж. рода в XVII в., когда подобная флексия уже практически не встречается в чешской письменности, объясняется воздействием на язык грамот местного говора.

Воздействие местного диалекта могло проявляться и в сохранении вариантности “старшей” и “младшей” реализации рефлекса в том случае, если старшая реализация рефлекса находила поддержку в ляшском диалекте. Речь идет о вариантной реализации рефлексов $uo/\acute{u}$ и $\acute{u}/ou$, отражающейся в грамотах

XVII в., в эпоху, когда в чешской письменности подобная вариантность уже практически не встречается.

Таким образом, в текстах верхнесилезского происхождения XVII в. присутствует определенная степень консервации чешского литературного узуса, обусловленная сохранением старших реализаций ряда рефлексов, которые, по-видимому, отождествлялись с реализацией этих рефлексов в местном говоре. Однако эти отклонения лишь незначительно видоизменяли сам чешский литературный язык, употреблявшийся в письменности Верхней Силезии.

3.3. Черты более свободного литературного узуса в грамотах верхнесилезского происхождения

Свидетельством соответствия языкового облика текстов верхнесилезского происхождения XV-XVII вв. современному им чешскому литературному узусу является также довольно последовательное отражение в них центрально-чешских фонетических инноваций XV в., постепенно становившихся характерными чертами «более свободного литературного узуса» чешского языка – протетического *v-*, дифтонга *ej<ú*, сужения *é>í*, а также инициального дифтонга *ou<ú*. Речь идет о явлениях, область распространения которых не затронула ляшский диалект; также они отсутствуют в польских говорах [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 108, 110-111, 115].

По данным Я. Порака, данные явления начали более или менее последовательно проникать в тексты на чешском литературном языке с 20-х гг. XVI вв. [Porák 1983: 114, 130, 138, 151]. В исследованных грамотах 1447-1523 гг. практически не обнаруживаются написаний, свидетельствующих об отражении указанных черт. Следующие написания, которые можно было бы

квалифицировать как отражение центрально-чешского по происхождению фонетического процесса сужения, чуждого силезским говорам, свидетельствуют скорее о проникновении в тексты грамот характерной для ляшских говоров, а также для литературного польского языка обобщенной флексии твор. и мест. падежей -um [Bělič 1972: 288], нежели об отражении центрально-чешской инновации: Kn34-1496 w nassem kragy blsstinskym, Kn48-1508 w berymskym poly, Kn54-1513 we blszczinskim kniezetstwy, w tiessinskim kragy. В силу того, что в данном случае мы имеем дело с совпадением результатов двух различных по происхождению процессов, появление фонемы /i/ в данной морфологической позиции на месте фонемы /é/ могло открывать путь ее проникновению в иные позиции. Таким образом, два процесса могли поддерживать друг друга, как это, по-видимому, происходило в грамотах польского происхождения, где указанное явление также отражается заметно чаще, чем другие центрально-чешские инновации XV в. (см. главу 2).

Напротив, со второй половины XVI в. картина принципиальным образом меняется. В более поздних текстах черты более свободного литературного узуса начинают отражаться в очень значительной мере, что, несомненно, свидетельствует о континуальности развития чешского литературного языка в Верхней Силезии.

3.3.1. Дифтонгизация $\acute{y} > ej$

В первую очередь вышесказанное касается дифтонгизации $\acute{y} > ej$, результат которой представлен в трети грамот, созданных в 1569-1692 гг. (23 грамоты, 36 примеров). В большинстве случаев дифтонгизация отражается в корнях (vejš, dotejkat se, smejšlet, vejповѣď, vejsoce, mejto, ostejchat, strejc). Однако в нескольких случаях фиксируется и во флексии род.п. мн. ч. (zlatejch, hejnejh, poddanejch), а также им. пад. ед. ч. муж. рода (muoj poddanej). Заметим, что в собственно чешских текстах начиная с 30-х гг. XVI вв. и особенно в XVII в.

дифтонг отражается в значительной мере, однако обычно не реализуется во всех возможных позициях, всегда конкурируя с монофтонгом.

3.3.2. Отражение дифтонга ou<ú в инициальной позиции

В отличие от реализации дифтонга ou в середине либо на конце слова, достаточно последовательно отражавшейся в памятниках чешской письменности начиная приблизительно с третьего десятилетия XVI в., проникновение дифтонга в позицию начала слова (а также в позицию после приставки) в чешском литературном узусе для большинства слов датируется более поздним временем – 2-й половиной XVI в. Наличие ou в начальной позиции, в отличие от иных позиций, согласно Я. Пораку, было более непоследовательным и нередко было связано со стилистической маркированностью текста либо отдельной лексемы – причем стилистическая нагруженность вариантов ú-/ou- со временем менялась вплоть до противоположной [Porák 1983: 107-113]. В текстах первого периода указанное явление не встречается. В текстах же второй половины XVI – XVII вв. оно оказывается достаточно распространенным (в общей сложности ou- в инициальной позиции встречается в 21 случае в 15 грамотах, что составляет приблизительно одну пятую от общего числа исследованных грамот данного периода): Mc65-1569 moudří, sousedství, Mc79-1575 touž měřú, Mc115-1586 sousedé, Mc144-1597 moudří, přijdouce, ukoupený, Mc157-1606 sousedé, Mc194-1615 jsouc, jdouc, sousedství, Mcr40-1627 moudří, budouce, Mcr72-1635 moudří, Mc136-1646 moudrý, Mcr169-1661 dosáhnouce, Mc205-1680 sousedé, Mc215-1692 spolusouseda.

Заметим, что дифтонгизация фиксируется у достаточно ограниченного числа лексем (ourok, ouřad, oumysl, outrata, oupřímně, zoumyslně) – что, среди прочего, связано с общей ограниченностью лексики исследуемого жанра письменности и его довольно высокой степенью формализации. В ряде случаев

варианты с начальным *ou-* лексикализировались – так, согласно Я. Пораку, подробно исследовавшему вопрос о наличии/отсутствии дифтонга у отдельных слов, у лексем *ouřad*, *ouředník*, *outrata*, *ourok*, *zoumyslný* в памятниках гуманистического чешского языка, как печатных, так и рукописных, обнаруживается почти исключительно дифтонгизированный вариант. Подобная лексикализация фонетического изменения, естественно, облегчала проникновение чуждого местному говору явления в тексты, создававшиеся на чешском литературном языке на территории распространения этого говора. В целом же необходимо отметить, что немалое число примеров отражения чешской фонологической инновации свидетельствует о стремлении силезских писцов 2-й половины XVI – XVII вв. следовать чешскому литературному узусу соответствующей эпохи.

3.3.3. Сужение *é>í*

Приблизительно в той же мере, как и инициальное *ou-* (24 примера, 14 единиц), в верхнесилезских текстах отражается результат сужения *é>í* (орфографически *ý*): Mc66-1569 po svatým Jiří, Mc84-1577 na vánoci už jminulý, Mc115-1586 o tým všem, Mc144-1597 týhož, Mc157-1606 při dobrým zdraví, Mc194-1615 zamordovanýho, Mcr57-1631 takové peníze pohotový, Mcr110-1641 ve vší poddaný uniženosti, Mcr163-1654 po svatým Bartoloměji. Важно, что в грамотах 2-й половины XVI – XVII вв. отражение во флексии мест. пад. ед. ч. адъективалий муж. род. фонемы /í/, которое мы были склонны объяснять влиянием морфологии, дополняется ее отражением в иных морфологических позициях – т.е. в данном случае речь уже идет, по-видимому, о фонологической инновации (флексия род. п. ед. ч. муж. рода –ýho: omluvnýho, флексия дат. и мест. пад. ед. ч. жен. рода *ý* – v...poddaný uniženosti, флексия им. пад. ед. ч. ср. рода – *ý*: pozdravení svý, флексия вин. пад. мн. ч. сущ. муж. и жен. Родов – *ý*: vánoce jminulý, peníze pohotový). Отражение данного типично чешского

процесса, в определенном смысле стилистически маркированного («явление более свободного литературного узуса») в грамотах с периферийной территории распространения чешского литературного языка, несомненно, свидетельствует о единстве чешского литературного узуса во 2-й половине XVI – XVII вв.

3.3.4 Протетическое v-

И, наконец, чуть в меньшей степени в текстах верхнесилезского происхождения представлено протетическое v- перед начальным /o/ (13 примеров, 11 грамот): Mc139-1595 von, Mc221-1620 vodeslati, Mcr34-1626 von, Mcr68-1633 von, Mcr98-1639 voratnú. В большинстве случаев протеза представлена в формах им. пад. личного и указательного местоимения 3-го лица von (on, ona). Очевидно, что присутствие данной типично чешской фонологической инновации случаи в текстах верхнесилезского происхождения нельзя назвать изолированными, и что ее присутствие также может интерпретироваться как черта, объединяющая узус чешских текстов из Силезии с языком пражского центра.

Как мы видели, все явления, характеризовавшие «более свободный узус» чешского литературного языка 2-й пол. XVI-XVII вв., в достаточной мере представлены в текстах верхнесилезского происхождения – притом, что совершенно чужды местным говорам. Этот факт очевидно указывает на близость языка силезских грамот к письменному узусу чешского литературного языка XVI-XVII в.

3.4. Отступления от нормы чешского литературного языка XV-XVI вв.

Примечательно, что в корпусе грамот верхнесилезского происхождения обнаруживается лишь несколько текстов, в значительной степени отражающих местные диалектные особенности либо полонизмы. Так, особенно значительные отступления от чешского узуса, обусловленные, по-видимому, воздействием системы польского языка, вероятно, бывшего первым языком для писца грамоты, обнаруживаются в грамоте князя Казимира 1508 г., созданной в г. Фриштат (Кп48). В ее тексте отражаются такие яркие полонизмы, как мягкие заднеязычные (welykyeho), смешение твердой и мягкой разновидностей склонения адъективаций (z boze mylosty), несколько случаев отражения /o/ на месте /uo/<ó (wobecz, Boh), фонема /ś/ (ssrzedu), вставной гласный /e/ в сочетании *tȳrt, tȳlt (szwerchu), лехитская перегласовка (myanowany) и др.

В большинстве же случаев местные особенности как таковые проникали в тексты в очень незначительной степени, и родной говор создателя грамоты, судя по всему, воздействовал на узус текста лишь опосредованно, замедляя проникновение в тексты инноваций чешского литературного языка, как мы отмечали выше.

3.4.1. Фонологические инновации

3.4.1.1. Различия, обусловленные различием в судьбе палатализованных

Можно утверждать, что наиболее значительные различия между силезскими говорами и чешским литературным языком с его центрально-чешской диалектной базой связаны с различной судьбой палатализованных согласных. Так, в отличие от чешских и большинства моравских диалектов с их сильными диспалатализационными процессами в системе консонантизма, в диалектах Силезии практически повсеместно сохраняется противопоставление /ʎ/-/ʎ/, нередко сохраняются палатализованные /sʎ/, /zʎ/ либо их корреляты, а также корреляты мягких губных. Значительно шире, нежели в чешских и

моравских говорах, представлены палатализованные фонемы /t'/, /d'/ либо их следы – сибиллянты /c'/<t', /z'/<d', в большем количестве позиций по сравнению с чешскими и моравскими говорами представлена фонема /n'/ [Bělič 1972: 285-286]. Естественно, что в той или иной мере различия в рефлексии палатализации в силезских говорах, с одной стороны, и в чешском литературном языке, с другой, отражались в текстах, создававшихся в Верхней Силезии в XV-XVII вв. Так, мы обнаруживаем в них присутствие следующих палатализованных согласных, чуждых чешскому литературному языку:

- /m'/, /b'/, /v'/: PT-1447 *erbowě*, *potomkowě*, PT-1457 *potomkowie*, *odmiezeno*, Kn61-1517 *od siebie*, Kn71-1523 *obmiesskali*, Mc132-1592 *od siebie*, Mc144-1597 *chměle*, Mc68-1633 *chměl*, Mc154-1652 *patronově* (чеш. *od sebe*, *odmezeno*, *příříkáme*, *obmeškali*, *chmele*, *patronové*);

- /s'/, /ś/, /z'/: Kn48-1508 *szwerchu*, *ssrzedu*, Kn34-1496 *zasie*, *sie*, Mc84-1577 *musěl*, Kn71-1523 *skrze* (чеш. *zase*, *se*, *musel*, *skrze*);

- /l'/: Kn25-1483 *na tielie*, Kn48-1508 *lyesy*, Pol-1574 *lieha*, Mc132-1592 *podlie*, PT-1620 *podlie* (чеш. *na těle*, *lesy*, *podle*, *lehat*);

- /k'/: PT-1457 *neprzycziskien*, Kn48-1508 *Thessynkye*, *welykyeho* (чеш. *Těšínské*, *velikého*);

- /c'/<t', /z'/<d' (результат отражения ассимиляции): PT-1447 *līdzmi*, *wisedzeno*, Mc84-1577 *zaplačil*, *nědzeli*, Mc132-1592 *rádzi*, *pondzělí*, *nědzieli*, *zaplacili*, *nadzěje*, Mc169-1661 *lidzi* (чеш. *lidmi*, *vysazeno*, *zaplatil*, *neděli*, *rádi*, *pondělí*, *naděje*);

- мягкие /n'/, /t'/, /d'/ в неэтимологических с точки зрения системы чешского языка позициях: Mc132-1592 *nědzieli*, Mc130-1591 *nědostatek*, Mc40-1627 *týhodně*, *dně 30. Decembris* (чеш. *na těle*, *neděli*, *nedostatek*, *dne*, древнечеш. *téhodne*).

Как можно видеть, ни одна из приведенных выше палатализованных фонем не проникает в тексты систематически, речь идет о единичных ошибках, обусловленных интерференцией двух кодов, литературного языка и родного говора создателя грамоты. Примечательно, что мягкие заднеязычные, неоднократно отражавшиеся в грамотах малопольского происхождения (ср. главу 2), в силезских текстах представлены всего тремя примерами (речь здесь идет о полонизме, т.к. мягкие заднеязычные не представлены в ляшских говорах) [Bělič 1972: 284-287].

Помимо спорадического проникновения палатализованных согласных, в текстах присутствуют и иные явления, чуждые чешскому письменному узусу XV-XVII в. В частности, нередко мы имеем дело с необозначением палатализации фонем /n'/, /t'/, /d'/. Это является наиболее частотным отступлением от системы консонантизма чешского литературного языка в исследованных верхнесилезских текстах. Так, чаще всего в грамотах обнаруживаются ошибки при обозначении палатализации /n'/: Kn71-1523 *penez*, Mc86-1577 *náramne*, Mc124-1589 *nekolko*, Mc144-1597 *nejakého, nekajú, ponevadž*, Mc139-1595 *nadeje, nedelí*, PT-1620 *nekolik, Zuzanne*, Mcr34-1626 *nejakého, nekolikrát*, Mc40-1627 *nejaký*, Mc60-1632 *nejakého*, Mc66-1632 *znející, v příčine*, Mc98-1639 *ústne, nedelí*, Mc215-1692 *od nekajého*. Значительно реже встречаются случаи отсутствия обозначения палатализации у /t'/, /d'/: Kn48-1508 *k delanyu, we Fryssthate*, Mc127-1591 *v meste*, Mc98-1639 *menovite*. Учитывая тот факт, что и в чешском литературном языке, в силезском диалекте, а также в польском языке в указанных позициях присутствовала мягкость, отсутствие ее обозначения, по-видимому, не связано с отражением говора писца и должно объясняться особенностями орфографической системы чешского литературного языка XV-XVI вв., в которой палатализация фонем указанного ряда обозначалась не в 100% случаев. Я. Порак отмечает, что во многих памятниках чешского языка, преимущественно рукописных, и в особенности в текстах моравского происхождения, мы встречаемся с

необозначением палатализации, причем в отсутствие четких данных исторической диалектологии чешского языка зачастую неочевидно, идет ли в данном конкретном случае речь об отражении диалектного произношения либо об ошибке писца [Pořák 1983: 28-29]. В случае появления подобных написаний в текстах из Силезии, в говорах которых зона функционирования фонемы /n'/ по сравнению с чешским литературным языком, напротив, расширена, мы склонны интерпретировать подобные написания как стремление к упрощению графической системы чешского литературного языка, а также как свидетельство определенной искусственности письменного узуса грамот, создававшихся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории.

Аналогичная ситуация наблюдается при отражении йотации губных согласных. В исследованных нами текстах достаточно часто йотация губных согласных обозначается непоследовательно (30 примеров, 19 грамот). Ср.: PT-1447 *swedomi, werne*, Kn25-1483 *wymerzeno*, Kn48-1508 *werne sslussby, przywessythy*, Kn71-1523 *umely*, Mc84-1577 *meščanína*, Mc86-1577 *povetří, hrozlive mřeti mělo, sobe, v Jablunkove*, Mc124-1589 *medí*, Mc127-1591 *vedomosti, veděti*, Mc127-1591 *v meste*, Mc139-1595 *vec*, Mc194-1615 *bedliví*, Mc157-1606 *zrozumení*, PT-1620 *do zeme, w teyz sume*, Mcr14-1622 *práve a spravedlive vyznali*, Mcr53-1630 *z mesta*, Mcr54-1630 *srozumení*, Mcr66-1632 *obe, zameštknání*, Mcr98-1639 *vecí, odpovedi*, Mcr169-1661 *vedomosti, stavejí*. Важно, что в данной позиции в силезских говорах йотация присутствует, а в польском языке отражается мягкий губной (на письме передающийся буквой *i* после губного – см. пол. *wierny, sobie* и т.д.) [Bělič 1973: 285]. Согласно наблюдениям Я. Порака, в связи со значительной степенью последовательности чешского литературного узуса в отношении передачи йотации губных, ее необозначение в тексте в большинстве случаев следует интерпретировать как отражение локального узуса печатника, автора либо писца [Pořák 1983: 34]. Однако, в силу того, что местный говор, напротив, мог поддерживать последовательное

обозначение йотации в текстах, мы склонны рассматривать ошибки при обозначении йотации губных как характерную, однако не восходящую к воздействию родного говора писца, черту письменного узуса грамот, происходящих из силезских земель.

3.4.1.2. Особенности отражения слоговых плавных

Достаточно последовательно реализующимся отступлением от нормы чешского литературного языка XV-XVII вв. в текстах верхнесилезского происхождения является наличие вставного гласного /e/ в сочетаниях *tърt, tьlt, представленного как в говорах чешско-польского пограничья, так и в польском языке, в то время как в литературном чешском языке в данной позиции отражается слоговой сонорный (ср. пол. wierch – чеш. vrch, пол. pełny – чеш. plný) [Bělič 1972: 291, 308, 311; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 76-77]. А. Кноп отмечает, что вставной гласный (преимущественно /e/) в указанных сочетаниях в XVI в. воспринимался как элемент совершенно чуждый чешскому литературному языку, поэтому его появление в тексте можно рассматривать как яркий диалектизм. Согласно его наблюдениям, в XVI в. лишь небольшое число текстов (в отношении отражения иных рефлексов зачастую отступающих от нормы литературного языка) допускает проникновение данной диалектной черты [Кноп 1965: 23-24]. Материал исследованных нами грамот XVI в. подтверждает это наблюдение: в первой группе грамот мы встречаемся с единичными фиксациями указанного рефлекса: РТ-1447 potwerżeni, Кп48-1508 szwerchu, Кп54-1513 derzel. Вместе с тем, с конца XVI в. число подобных написаний начинает стремительно расти, и среди грамот 1620-1692 гг. доля текстов, отражающих данное явление, достигает 40% (45 примеров, 19 грамот). Ср.: Мс126-1590 úplným, Мс130-1591 úplně, Мс157-1606 bratersky, Мс194-1615 braterskou, Мс34-1626 pervo, Мс72-1635 skerze, vyterhel, pelnomocenstvím, Мс110-1641 verch, Мс130-1645 v úplnej radě, Мс132-1645 vterhly, skerze,

tervající, Mc150-1651 verchností, Mc154-1652 verchnost, Mc159-1653 zderžoval, Tyrnavy, Mc173-1661 velnu.

Учитывая количество примеров на вставной гласный в сочетаниях *týt, týt, данное явление может быть названо единственной в полном смысле стабильной чертой узуса грамот верхнесилезского происхождения XVII вв., отличающей его от чешского литературного узуса той эпохи.

3.4.1.3. Иные фонологические особенности

Иные локальные черты в текстах верхнесилезского происхождения отражаются очень непоследовательно: зачастую речь идет о нескольких фиксациях явления на весь корпус грамот. Так, всего в нескольких случаях мы встречаем отражение лехитской перегласовки *ě>ä>'a: Pol-1574 wiadoma wies, Kn48-1508 myanowany, Mc169-1661 mialo. Единственный раз в составе одной из первых грамот отражается польский носовой /ɛ/: PT-1457 k wieczney pamienczy. В единственной грамоте обнаруживается фиксация /ɫ/: Kn66-1519 sem zadau, wrađu. Относительно немногочисленны (в особенности при сопоставлении с ситуацией в текстах из Малопольши) случаи отсутствия результатов чешских перегласовок 'a>e, 'u>i: Kn48-1508 k delany, kluczowe, dwa oharza, thyssuczneho Kn54-1513 w tisczu, Mc93-1638 za moju pečku, Mc150-1651 řetazy. Малая проницаемость верхнесилезских текстов для ярких диалектизмов очевидно свидетельствует о стремлении создателей грамот следовать обычному литературному узусу чешского языка соответствующей эпохи.

3.4.2. Морфологические инновации

Морфология чешского литературного языка сохраняется в исследованных верхнесилезских текстах практически в неизменном виде. В редких случаях мы

встречаемся с гораздо менее регулярной реализацией ряда морфологических явлений, отмеченных нами ранее при анализе узуса грамот малопольского происхождения. Так, в двух случаях фиксируется довольно типичная для польских памятников XVI в. флексия *-och* в местном падеже сущ. муж. рода [Ананьева 2009: 157]: Kn48-1508 *oblaskoch* Mc124-1589 *po...formanoch* (чеш. *v oblacích*, *po formanech*), а также флексия *-ach* в существительном мягкой разновидности склонения Kn25-1483 *mezach* (чеш. *mezích*). Несколько раз в текстах читаются специфические падежные формы прилагательных, указывающие на смешение флексий твердой и мягкой разновидностей склонения, отсутствующих в польском языке (ср. главу 2): Kn48-1508 *z boze mylosty*, Kn54-1513 *pro lepsse swiedomie*, Kn66-1519 *tisiczeho*, Kn58-1515 *tisiczeho*, Mc144-1597 *przimlovče psaní*, Mc53-1630 *přimluvče psaní* (чеш. *boží*, *lepší*, *tisícího*, *přimluvčí*)¹².

Приводимые выше (п. 3.3) примеры образца *po svatým Matěji*, в отношении которых можно было бы предположить отражение синкретической польской флексии *-um*, общей для мест. и твор. пад., в отсутствие обратных замен (какие, например, обнаруживаются в текстах малопольского происхождения – *grávem...duchovném*, ср. главу 2), для грамот 2-й половины XVI – XVII вв. мы склонны объяснять скорее отражением чешского фонетического процесса сужения, нежели отражением флексии *-um* в мест. пад. Единичными примерами ограничивается и отражение флексии твор. падежа мн. ч. *-emí* в форме мест. пад. мн. ч. адъективалий муж. рода: Kn71-1523 *s nassemi*, Mc159-1653 *s dokumenty svémi*.

Характерная для польского языка и для силезских диалектов презентная флексия 1 лица мн. ч. *-my* в текстах из Верхней Силезии, в отличие от текстов малопольского происхождения, отражается очень редко: Kn48-1508 *smu*,

¹² Примечательно, что в текстах грамот, отражающих указанный процесс, фиксируются и иные замены *í* на *é* (е): Kn48-1508 *kneze*, Kn54-1513 *drzewe*, Kn66-1519 *przislusse* (чеш. *kniže*, *dřive*, *přisluší*).

dawamy, wssdawamy, Kn58-1515 propussczemy, Mc53-1630 bychmy, žádámy. Единственный раз фиксируется нетипичная отрицательная форма глагола Mc144-1597 nejest (ср. пол. nie jest).

Единичными примерами ограничиваются отступления от чешского языка в склонении указательного местоимения *ten* и числительного *jeden*, приобретающих под воздействием местного говора либо польского языка адъективальные флексии (ср. [Bělič 1972: 292, 295-296; Ананьева 2009: 194-195]): Kn25-1483 *teho, k temuto, na gednem*, Kn48-1508 *k temu, przy tym*, Kn71-1523 *jednemu* (чеш. *toho, tomuto, tom, k jednomu, o jednom*).

Таким образом, в подавляющем большинстве верхнесилезских грамот и морфологический, и лексический уровень чешского литературного языка сохранялся практически в неизменном виде, а отступления от обычных чешских форм носят крайне несистематический характер.

3.5. Выводы

Исследованные тексты верхнесилезского происхождения XV – XVII вв. достаточно последовательно отражают современный им чешский литературный узус, а местные особенности проникают в них в незначительной мере. Можно утверждать, что тексты силезского происхождения XV – XVI вв. в меньшей мере отражают инновации, в том числе и центрально-чешские, нежели тексты, создававшиеся в Польше. В грамоты XV – 1 пол. XVI вв. практически не проникают черты «более свободного литературного узуса» чешского литературного языка. В текстах XV – 1 пол. XVI вв. мы, как правило, встречаемся с присутствием вариантов, характеризовавших старший узус древнечешского литературного языка до проведения фонологических изменений (сочетания *šš, aj*, достаточное количество примеров */ó/*, флексии род. и дат. пад. мн. ч. сущ. муж. рода *-ov* и *-om* и др.). Старшие варианты

реализаций рефлексов совпадали с отражением их в местном диалекте, что, вероятно, поддерживало их употребление в текстах и приводило к консервации древнечешской системы. Степень проникновения диалектизмов в тексты первой группы, созданных в большинстве своем до 1525 г., также невелика.

Начиная со второй половины XVI в. соотношение характерных черт узуса грамот верхнесилезского происхождения и обычного для той эпохи чешского литературного узуса изменяется. В тексты в довольно большой мере начинают проникать черты «более свободного литературного узуса» (центрально-чешские инновации). Особенно очевидной высокая степень проницаемости текстов силезского происхождения для центрально-чешских фонетических инноваций XV в. становится при сопоставлении с ситуацией в Западной Словакии (см. главу 4), где подобные характерные богемизмы встречаются со 2-й половины XVI в. значительно реже. Соотношение вариантных реализаций в рассматриваемую эпоху в текстах силезского происхождения также меняется в сторону большего сходства с узусом собственно чешских памятников (*št'*, *ej*, генетивная флексия *-ů/ův*).

Тем не менее, в отношении ряда вариантных реализаций рефлексов в текстах верхнесилезского происхождения можно постулировать определенную специфику. Соотношение вариантов, по-видимому, в ряде случаев подвергалось воздействию местного говора, и, таким образом, узус верхнесилезских текстов в определенной мере отмежевывался от собственно чешского письменно-литературного узуса. В особенности это касается текстов XVII в. Характерными особенностями текстов верхнесилезского происхождения являются:

1) консервация в XVII в. старшего дифтонга */uo/</ó/*, уже практически исчезнувшего из чешского литературного узуса, где в эту эпоху уже последовательно фиксируется новый монофтонг */ů/*;

2) сохранение старшего варианта флексии дат. пад. мн. ч. сущ. муж. рода -om, к XVII в. почти полностью вышедшего из употребления в собственно чешских памятниках;

3) достаточно последовательная реализация флексии -ej в род., дат., мест. паде. адъективалий жен. рода твердой разновидности, а также проникновение этой флексии в мягкую разновидность адъективалий;

4) сохранение вариантности *ú/ou* на протяжении XVII в. – в эпоху, когда в чешском литературно-письменном узусе уже практически повсеместно присутствует исключительно дифтонг /ou/.

В данном случае речь идет о консервации соотношения элементов литературного узуса в текстах, создававшихся в Верхней Силезии. Очевидно, что подобное изменение чешской языковой основы имело неосознанный характер. Анализ распределения вариантов реализаций рефлексов не дает возможности предполагать у создателей грамот наличия интенции к адаптации чешской языковой основы, к приближению нормы чешского литературного языка, употреблявшего в Силезии, к особенностям местных говоров.

Что касается отражения в текстах каких-либо местных диалектных особенностей, то они на протяжении всего рассматриваемого периода XV – XVII вв. проникают в тексты в очень ограниченной мере. Нередко мы обнаруживаем в силезских текстах несвойственные чешскому языку палатализованные фонемы /m'/, /b'/, /v'/, /s'/, /z'/, /l'/, /c'/</t'/ и /ž'/</d'/ и расширение позиций присутствия мягких палатализованных /n'/, /t'/, /d'/. Однако число реализаций каждой из указанных фонем либо нетипичных позиций их реализации во всем корпусе грамот обычно не превышает 2-3 примеров. Поэтому они могут рассматриваться как произвольные ошибки писца, а не как сознательные отступления от чешской нормы. Единственным последовательно реализующимся фонетическим диалектизмом в грамотах второй половины XVI – XVII вв. является вставной гласный в праславянских

сочетаниях с редуцированным *tʔrt, *tʔlt (преимущественно /e/). Иные местные особенности отражаются в текстах спорадически, а в области морфологии ограничиваются изолированными примерами.

Все вышесказанное позволяет подтвердить приводимый выше вывод Я. Порака о том, что памятники чешского литературного языка в Силезии в очень значительной мере следовали чешскому литературно-письменному узусу соответствующей эпохи. Динамика появления в текстах инноваций в большинстве случаев соответствует доступным нам сведениям о видоизменении чешского литературного узуса в хронологической перспективе XV – XVII вв. Языковые особенности исследованных текстов верхнесилезского происхождения не дают оснований говорить о формировании в Силезии некоего особого «разговорного стиля», поддерживавшего ряд “польских” черт местного говора, и так или иначе отражавшегося в письменных текстах – в том виде, как о нем писали Б. Гавранек и А. Кноп. Речь идет лишь о некоторой консервации набора характерных черт чешского литературного языка предшествующей эпохи в грамотах XVII в., что вполне естественно для периферийной области распространения любого литературного языка донационального периода, характерной чертой которого является текстовый механизм стабилизации нормы (ориентация на авторитетные тексты). Инновации, обусловленные воздействием местных говоров, на всем протяжении рассматриваемого периода проникают в тексты в крайне ограниченной мере. В силу этого вплоть до XVII в. чешский литературный язык в этом регионе сохранялся в достаточно чистом виде и обладал довольно высокой для периферийной территории распространения литературного языка стабильностью узуса. В свою очередь, достаточная мера стабильности чешского литературного языка, употреблявшегося в силезской письменности, по нашему мнению, являлась одной из причин достаточно длительного сохранения этого идиома на территории Силезии в качестве литературного (ср. [Перфольф 1890: 233-234; Кноп, Lamprecht, Pallas 1967: 46-48]). Разумеется,

судьбы чешского языка в Силезии во многом определялись также политической и этнической историей этого региона (процессы германизации, а также вторичной полонизации различных частей Силезии в XVII-XVIII вв.). Однако высокая степень стабильности чешского литературного языка, функционировавшего в Силезии, обусловленная, в частности, его малой проницаемостью для разнообразных осложняющих его систему диалектизмов (см. ситуацию в Малопольше), а также его соответствием норме пражского центра, по нашему мнению, служила неплохой предпосылкой сохранения чешского языка в сфере письменной коммуникации различных силезских княжеств вплоть до XVIII в.

ГЛАВА 4. ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СЛОВАКИИ (XV – XVII ВВ.)

4.1. Разработка вопроса о функционировании чешского литературного языка в Словакии и языковой ситуации словацкого этноса в докодификационный период и перспективы исследования проблематики

Проблематика истории и теории словацкого литературного языка и истории письменности традиционно является для словакистики одной из самых значимых и проблемных областей¹³. В особенности это касается языка докодификационного периода, т.е. языка словацкой письменности до первой кодификации, осуществленной в 1787 г. А. Бернолаком, а также источников бернолаковской кодификации. Не подлежит сомнению, что культурно-языковая история словацких земель представляет собой исключительно сложный феномен и может служить моделью разнонаправленных языковых контактов в культурном пространстве Центральной Европы Средневековья и Нового Времени.

Трудность исследования словацкой культурно-языковой истории в эпоху Средневековья и раннего Нового времени связана прежде всего со спецификой исторического развития словацких земель, где не создалось условий для формирования литературного языка на местной диалектной базе. Одной из особенностей истории словацкого этноса является отсутствие территориального центра, на базе диалекта которого сформировался бы идиом, впоследствии имевший шансы превратиться в литературный язык. Кроме того, свою роль сыграла довольно быстрая ассимиляция высших слоев словацкого общества, приведшая к продолжительному господству в словацкой

¹³ Ср. в этой связи достаточно емкое название работы Л. Дюровича «Концепции литературного языка – хребет словацкой культурной истории», [Durovič 2004a]).

письменности латинского языка, бывшего официальным языком Венгерской короны [Novák 1938: 166-169]. В XIV в. словацкие земли попадают под значительное влияние Чешского королевства, что проявляется, среди прочего, в проникновении чешского языка в словацкую письменность [Krajčovič, Žigo 2002: 45; Varsík 1972: 420-421]. Как отмечает Э. Паулини, проникновение чешского языка в Словакию не было кратковременным и случайным процессом, оно было обусловлено давними политическими, экономическими, религиозными и культурными связями чешских и словацких земель. Со временем сфера употребления чешского литературного языка в Словакии расширялась, и с конца XIV – нач. XV в. он приобрел функцию «письменной формы литературного языка словацкого этноса» [Paulíny 1983: 66, 73]. Очевидно, что проникновение в Словакию чешского литературного языка, помимо перечисленных выше факторов, облегчалось высокой степенью подобия двух языков – чешского и словацкого. В такой ситуации не вызывает удивления факт, что чешский литературный язык мог функционировать в Словакии как письменная, обработанная форма словацкого языка, а практическое овладение этим языком во многом базировалось на ресурсах родного говора словака-создателя текста. Таким образом, чешский и словацкий языки, судя по всему, могли образовывать в сознании пишущего одну систему [Лифанов 2001: 206-207].

Вместе с тем, нельзя сказать, что роль, функция и масштабы употребления чешского литературного языка в Словакии оценивались исследователями одинаково – в истории словакистики мы встречаемся по этому вопросу с острыми дискуссиями. Диапазон мнений о положении чешского языка в Словакии в трудах различных исследователей был и остается достаточно широким – от утверждений о том, что все памятники словацкого происхождения до первой кодификации 1787 г. были созданы по-чешски (А. Пражак) вплоть до минимизации роли чешского языка до «орфографического

образца» для создававшихся на «культурном словацком языке» памятников (Р. Кухар) [Pražák 1922: 103; Kuchár 2009: 161-162].

Среди исследователей нет единства и в области терминологии при описании словацкой языковой ситуации: в работах по истории словацкой письменности XV – XVIII вв. мы встречаемся с терминами «словакизированный чешский язык», «чешско-словацкий язык», «культурный словацкий язык» и др., зачастую описывающими одну и ту же эмпирическую реальность. В связи с тем, что критерии размежевания перечисленных выше понятий, к сожалению, так и не были выработаны, зачастую язык одного и того же памятника квалифицируется различными исследователями по-разному, и, с другой стороны, содержание приведенных терминов то расширяется, то сужается в соответствии с задачами конкретного исследования.

Одна из наиболее острых дискуссий в истории диахронической словакистики имела место в 30-е гг. XX вв.: речь шла о возможности признания чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Словакии в Средневековье, «этническим» языком (*národný jazyk*, *domáci jazyk*) словаков. В своих истоках эта идея, несомненно, связана со сформировавшейся в Первой Чехословацкой Республике (1918-1938) идеологией чехословакизма, основанной на представлении об этническом единстве чехов и словаков, подразумевающим существование чехословацкой нации, единой по историческим корням, культуре, языку, однако разделяющейся на две ветви – чешскую и словацкую. Наиболее яркими идеологами чехословакизма в 20-е гг. являлись А. Пражак и В. Халоупецкий. Взгляды А. Пражака на словацкую культурную историю становятся очевидны из следующей очень характерной для него цитаты: «до Бернолака в среде католиков и до Штура в среде евангеликов в Словакии никто не сомневался, что говорит на том же языке, что и чехи. Также и памятники письменности, сохранившиеся среди словацких грамот и книг в течение столетий вплоть до Бернолака, написаны по-чешски,

хотя и пронизаны диалектными элементами» [Pražák 1922: 103]. Аналогичный взгляд на историю словацкого литературного языка находим у известного чешского языковеда первой половины XX в. В. Важного, в своей классической обзорной работе «Словацкий литературный язык» утверждавшего, что «ранее, особенно с XV до XIX вв., языком литературы и культуры в Словакии также был чешский» [Vážný 1934: 152].

Несколько сглаженную версию подобной трактовки словацкой языковой истории мы находим в трудах историка В. Халоупецкого, осуществившего два наиболее значительных в 1-й пол. XX вв. издания словацких текстов – Жилинскую городскую книгу, а также «средневековые грамоты словацкого происхождения» [Chaloupecký 1934, 1937]. В. Халоупецкий охарактеризовал Жилинскую книгу как древнейший словацкий памятник, написанный на этническом языке (*národní jazyk*) – в отличие от немецкого и латыни. Очевидно, что автор подразумевал под «этническим языком» чешский литературный язык, хотя в своей работе он, не в пример А. Пражаку и В. Важному не называет язык изданного памятника ни чешским, ни словацким, ни чешско-словацким, старательно избегая его более точной этнической дефиниции. Ср.: «это язык национальный, который привился и ширился по всей языковой области нашего народа»; «и вот нормы языка, которые в то время установились в Праге, как в орфографии, так и в морфологии и синтаксисе, стали обязательными для литературного языка не только в Моравии, но и в Словакии» [Chaloupecký 1934: XIII, XLVII]. Издание Жилинской книги и стало поводом для начала дискуссии о статусе чешского литературного языка в Словакии. Сторонниками идеи В. Халоупецкого о чешском литературном языке как этническом языке словаков выступили чешский лингвист М. Вайнгарт и словацкий историк Б. Варсик [Weingart 1935; Varsik 1935-1936]. Однако подобная трактовка быстро встретила неприятие в рамках словацкой лингвистики. Ярким противником признания чешского

литературного языка этническим языком словаков выступил языковед Л. Новак.

В наиболее значительной работе Л. Новака о чешско-словацких языковых связях – статье «Чешский язык в Словакии и возникновение словацкого литературного языка» [Novák 1938], выдвигается оригинальная концепция словацкой культурно-языковой истории. Для Л. Новака язык, на котором была создана Жилинская книга и другие памятники словацкого происхождения XIV-XV вв., есть древнечешский язык, который, наряду с немецким, латинским и венгерским в ту эпоху употреблялся в словацкой письменности в функции литературного языка. В подходе Л. Новака очевидно стремление размежевать в функциональном плане словацкие диалекты, с одной стороны, и чешский литературный язык – с другой. Исключительное положение чешского литературного языка в среде словаков позволяет автору говорить о возможной аналогии описанной ситуации с историей бытования церковнославянского языка у православных славян. Согласно Л. Новаку, так же, как в церковнославянские памятники светского содержания со временем все в большей мере проникали локальные диалектные элементы, так и в Словакии в памятниках светской письменности постепенно растет число словакизмов. Поначалу эти словакизмы проникали в памятники раз от раза и без всякой системы, однако впоследствии они начинают допускаться в тексты осознанно, причем речь здесь идет о текстах высокой социальной важности, текстах по преимуществу печатных. Подобный смешанный язык оценивался современниками то как чешский, то как словацкий, то как чешско-словацкий, и изменению его статуса в общественном сознании способствовало не увеличение числа словакизмов в памятниках, но изменения в «атмосфере эпохи», причем не в последнюю очередь новые идеологические течения эпохи Йозефа II. Кодификация А. Бернолака, по мнению Л. Новака, не имела революционного характера и явилась закономерным продолжением предыдущего этапа развития словацкой письменности. Таким образом, история

чешского литературного языка, согласно Л. Новаку, является предысторией словацкого литературного языка. Задачей же словацкого языкознания является скрупулезное исследование вопроса о том, каким образом из литературного чешского языка в Словакии в процессе «отталкивания от его норм» образовался словацкий литературный язык, кодифицированный в конце XVIII в. А. Бернолаком. В своей работе Новак упоминает об особой «трнавской формации» чешского литературного языка, представлявшей собой «достойный удивления конгломерат» элементов чешского литературного языка и западнословацких диалектов, который, по его мнению, и лег в основу кодификации Бернолака [Novák 1938: 281-287; 1935: 232-244].

Примечательно, что мысль о «гибридном», «смешанном» характере языка словацкой письменности XV – XVIII вв. высказывалась еще в конце XIX вв. Так, в работах С. Цамбела [Czambel 1887: 1-32, Czambel 1903: 174-179] мы встречаемся с наименованиями «чешско-словацкий» и «чешско-венгерский»¹⁴. Термин «чешско-словацкий язык», генетически связанный с деятельностью словацких евангеликов [Nábělková 2008: 115-120], возникает и в ряде работ исследователей XX в. Так, в частности, как «чешско-словацкий» характеризуют язык Жилинской книги чешские исследователи И. Немец и Э. Михалек [Němes, Michálek 1982: 5].

Изначально идея о смешанном идиоме, ставшем основой для формирования словацкого литературного языка, высказывалась и в трудах Э. Паулини – исследователя, идеям которого предстояло стать определяющими в словацком историческом языкознании второй половины XX в. Так, в ранней работе 1948 г. Э. Паулини называет источником словацкой литературно-письменной традиции постепенно словакизировавшийся чешский язык. Здесь же утверждается, что в XVII в. «процесс словакизации зашел настолько далеко,

¹⁴ Разницу между приведенными наименованиями автор не обсуждает. Можно предположить, что под «чешско-словацким» языком автор подразумевал язык тех памятников, в которых обнаруживаются очевидные словакизмы, а «венгерско-чешским» он называет вариант чешского языка, употреблявшийся в письменности Венгерского королевства и характеризующийся любыми нетипичными для системы стандартного литературного языка чертами.

что в конце первой половины XVIII в. у словацких католиков был уже достаточно строго нормированный национальный литературный язык, который ввиду его расхождения с чешским нельзя назвать лишь словакизированным чешским языком», и именно этот «иезуитский словацкий язык», сложившийся на основе литературного чешского, лег в основу первой кодификации словацкого языка, осуществленной А. Бернолаком в 1787 г. [Pauliny 1948: 57].

Однако в последующих работах Э. Паулини квалифицирует источник кодификации А. Бернолака совершенно иначе. Из итоговой монографии Э. Паулини, изданной в 1983 г., мы узнаем, что А. Бернолак в ходе работы над кодификацией литературного словацкого языка опирался на «язык образованных кругов западнословацкого населения», причем на том основании, что этот язык в наименьшей степени был затронут иностранными, в том числе и чешскими, влияниями. Теперь язык образованных кругов населения, послуживший основой для кодификации А. Бернолака, квалифицируется Паулини как *культурный западнословацкий язык* «в той форме, в какой он сформировался в Трнаве, в том числе в печатной католической литературе». Приняв его за основу, Бернолак последовательно устранял из него чешские элементы, причем опорой для такого шага он находил в разговорном узусе образованных слоев населения Трнавы, также постепенно устранявших из своей речи богемизмы [Pauliny 1983: 164-165].

Появление идеи о культурном западнословацком языке можно объяснить только в контексте новых представлений Э. Паулини об истории словацкой письменности в докодификационный период, а также в связи с трансформацией теоретического инструментария исследователя.

Новая трактовка истории словацкого языка в трудах Э. Паулини основана на представлении о том, что в XVI в. на территории Словакии на основе «скелета» чешского литературного языка формируется культурный словацкий язык в трех своих разновидностях (западнословацкий культурный диалект,

среднесловацкий культурный диалект, восточнословацкий культурный диалект).

Генезис терминов «культурный язык» и «культурный диалект» в славистике исключительно интересен и заслуживает отдельного описания. Впервые понятие «культурного диалекта» было введено в научный оборот польскими лингвистами в связи с необходимостью описания долитературного периода существования польского языка в письменности. Так, В. Ташицкий характеризует «культурный диалект» следующим образом: «язык, который использовался в среде образованных людей, прежде чем сформировался литературный язык; язык, на котором написаны первые памятники на этническом языке» [Taszycki 1949: 101]. На чешскую почву модель «культурного диалекта» перенес Карел Горалек. В его трактовке «культурный диалект» предстает *устным* наддиалектным идиомом, употреблявшимся в общественно значимой коммуникации в период использования в функции литературных «чужих» языков (*jednací jazyk v ústních projevech*). Согласно К. Горалеку, язык древнейших памятников чешского литературного языка наследует этому культурному диалекту [Horálek 1962: 7]. Интересно, что в работах Горалека «культурный диалект» не является некой облигаторной моделью. Этот термин применяется им к различным культурно-языковым феноменам, а его дефиниция то сужается, то расширяется в зависимости от специфики рассматриваемого объекта. В своем классическом труде «Введение в изучение славянских языков» в обзоре истории чешского литературного языка Горалек вообще не пользуется указанным термином – при том, что термин вновь возникает при описании истории польского литературного языка [Horálek 1962: 321-325, 327; 1 изд. - 1955]. В небольшой статье 1954 г. «К проблематике истории литературного языка» К. Горалек говорит о существовании центрально-словацкого культурного диалекта (языка), употреблявшегося в сфере устного народного творчества. Описывая историю формирования современного словацкого языка, К. Горалек замечает, что

«новое движение за независимость литературного словацкого языка начинается в сороковые годы 19 в. [...] В эту эпоху [...] в культурной сфере начинает доминировать центральная Словакия, где в кругах интеллигенции и мещанства закрепляется культурный центрально-словацкий язык» [Hogálek 1954: 371]. Очевидно, что Горалек относит формирование этого «культурного диалекта» к позднему новому времени, к XIX в. Тем не менее, идея Горалека о центрально-словацком культурном диалекте как базе для формирования словацкого литературного языка вскоре была воспринята и основательно модифицирована словацкой лингвистикой в связи с необходимостью описания докодификационного периода существования словацкого литературного языка.

Так, уже в работе 1956 г. Э. Паулини вводит понятие культурного западнословацкого языка: «[...] очевидно, что словацкий язык уже в 17-18 вв. начал употребляться – пусть спонтанно и стихийно – как общественно значимое средство высказывания в культурной области. Здесь мы можем заимствовать у проф. Карела Горалека понятие культурного центрально-словацкого языка и расширить его необходимым понятием культурного западно-словацкого языка» [Pauliny 1956: 110]. Согласно Паулини, «культурный западнословацкий язык – это общее название для наддиалектной языковой формации, которая складывалась начиная с XVI в. в ходе использования средств литературного чешского языка, включала некоторые западно-словацкие (юго-западно-словацкие) элементы, и, помимо этого, содержала и центрально-словацкие языковые элементы, более всего в морфологии, и в отдельных чертах приспособлялась к диалекту той области, из которой отдельный памятник письменности происходит» [Pauliny 1983: 124].

Итак, согласно Э. Паулини, культурный словацкий язык сформировался на основании того наддиалектного варианта словацкого языка, который использовался в коммуникации между выходцами из различных областей в том или ином регионе Словакии. Чешский язык, по мысли исследователя, снабжал «культурный словацкий язык» устоявшимися формулами, синтаксическими

средствами, терминологией (в большей степени существительными с абстрактным значением), в то время как словацкие диалекты обеспечивали этот идиом фонетическими, морфологическими и лексическими особенностями. Первой из трех региональных разновидностей культурного языка сформировался, согласно Э. Паулини, «культурный среднесловацкий язык», т.к. среднесловацкие диалекты уже с древнейших времен оказывали влияние на западнословацкие и восточнословацкие. Однако в XVII в. в связи с непростой судьбой Средней Словакии (турецкие набеги, сословные восстания) система общесловацкого культурного диалекта начинает все больше ориентироваться на западнословацкий узус. В свою очередь, основой для формирования культурного западнословацкого языка стал язык образованных слоев г. Трнавы, в основу которого лег модифицированный чешский литературный язык – лучше в нем сохранялись те чешские рефлексy, что находили себе соответствие в диалектах Западной и Южной Словакии. Не вполне четко у Э. Паулини определяется языковая основа этого идиома: с одной стороны, речь идет о том, что наддиалектные варианты словацкого языка формировались на основе «скелета» чешского литературного языка, с другой стороны, автор пишет о «влиянии» чешского языка на эти варианты. Более того, в работе 1983 г. мы читаем, что «традиционные чешские элементы, которые давали всем словацким памятникам некий единый образ, функционируют здесь не как элементы чешского языка, но как элементы местного словацкого языка, ядро которого было в юго-западной Словакии», а в дефиниции культурного западнословацкого языка ныне подчеркивается, что этот идиом «сформировался начиная с XVI в. в ходе использования средств чешского литературного языка», постепенно включая в себя западнословацкие и среднесловацкие элементы, однако в отдельных своих чертах это языковое образование приспособлялось под диалект той области, где оно использовалось.

Несмотря на то, что автор в своей работе неоднократно пытается более точно определить специфику «словацкого культурного языка» и его

функциональное наполнение, критерий, на основании которого возможно отличить этот язык от «словакизированного» чешского или от «иезуитского словацкого языка» из работы 1948 г., остается неясным, как остается неясной и языковая основа этого идиома [Pauliny 1983: 118, 124, 130]. По большому счету, схема, предложенная автором в работе 1948 г. (чешский язык как язык-основа для языка словацкой католической литературы), в позднейших работах сохраняется, однако осложняется и затемняется попыткой соединить данную трактовку с высказанной К. Горалек идеей о существовании среднесловацкого культурного языка, а также подчеркнуть *национальный*, независимый от иных письменных традиций, путь развития словацкого литературного языка. Таким образом, в поздних работах Паулини становится очевидной неоднозначность толкования фактов истории словацкой письменности в докодификационный период, а также попытка доказать меньшую зависимость идиома, легшего в основу кодификации Бернолака, от чешского литературного языка.

В дальнейшем – и до сих пор – словацкая историческая лингвистика опирается исключительно на идею о подобных «долитературных культурных формациях» (*kultúrny predpisovný útvar*, термин Р. Крайчовича). Мысль о культурном среднесловацком языке принимает даже Л. Новак, в 30-е гг. придерживавшийся совсем иного мнения о словацкой языковой истории. Так, в поздней работе он пишет: «я имею в виду ту формулировку культурного центрально-словацкого языка, проблематику которого у нас, вероятно, с привлечением польской теории культурного языка, убедительно обозначил К. Горалек, и которую успешно развивают Э. Паулини, Э. Йона, Ш. Тобик и др.» [Novák 1962: 128]. Согласно наиболее авторитетному определению культурного языка в словацкой лингвистике, под культурными языками понимаются «культивированные, наддиалектные, в достаточной степени стилистически дифференцированные, однако некодифицированные,

общественно необлигаторные формы словацкого языка в долитературный период его развития» [Krajčovič, Žigo 1998: 87; Žigo 2000: 118].

Несмотря на немалое количество работ, посвященным как теоретической, так и практической разработке модели культурных языков [Kotulič 1968, 1971-1972, 1988; Krajčovič 1962, 1964; Pauliny 1956, 1961; среди новых работ Žigo 2000], словацким лингвистам так и не удалось прийти к компромиссу ни по вопросу о количестве «культурных языков», функционировавших на территории Словакии (культурный словацкий язык с тремя региональными разновидностями vs. три культурных языка – западно-словацкий, центрально-словацкий, восточно-словацкий), ни о сферах их (его?) функционирования (устная/письменная), ни об эпохе формирования этих идиомов (ср. обзор мнений по указанным вопросам в [Лифанов 2001: 9-11]). Как отмечает К. В. Лифанов, появление и разработка теории о культурном языке словацкого этноса, с одной стороны, усилили интерес лингвистов к исследованию конкретных памятников словацкой письменности, с другой – стали препятствием для всестороннего и объективного освещения данной проблематики [Лифанов 2001: 10].

Очевидно, что сам костяк теории «культурных языков» словацкого этноса с 60-х гг. XX в. практически не изменился, разве что центр тяжести был окончательно перенесен с попыток исследования результатов взаимодействия чешской языковой основы со словацкими диалектами (ср. формулировку Паулини и осуществлявшиеся в рамках подобного подхода исследования К. Габовштьяковой, В. Бланара и др.) на исследование «культурного словацкого языка» *in sui generis*. С одной стороны, это предполагало поиск все новых и новых словакизмов в памятниках письменности различных жанров и различного территориального происхождения во 2 пол. XV – XVIII вв. (работы Я. Складаной, Р. Кухара и др.), с другой – подробное описание лексики словацких памятников (а также чешских памятников словацкого

происхождения), осуществлявшееся в рамках проекта составления Исторического словаря словацкого языка, который реализовывался в Институте языкознания им. Л. Штура (Братислава) более 40 лет и успешно завершился в 2008 г. Отдельной областью исследования в этом контексте стало исследование заимствований (как правило лексических – германизмов, мадьяризов, богемизмов, латинизмов) в «культурном словацком языке» (ср. сб. «Старшая словацкая лексика в истории языковых отношений», [Staršia 2011]), продолжающее линию разработок Я. Дорули [Doruľa 1977; см. рецензию на данную работу Kotulič 1979, 1981]. К этому можно добавить, что “неоспоримость” и общепризнанность данной теории в рамках словацкой лингвистики спровоцировала ряд исследователей, не придерживавшихся ее, вообще отказаться от попыток описания механизмов формирования литературного языка донациональной эпохи как “смешанного” кода. В качестве примера здесь возможно привести мнение Я. Дорули о принципиальной невозможности сосуществования генетически чешских и словацких элементов в составе одного памятника [Doruľa 1969: 219-220]. Также примечателен полный отказ Л. Дюровича от исследования памятников, созданных до появления первых грамматик – свидетелей языковой рефлексии, без которых, по его мнению, невозможна этническая квалификация памятника – отказ, мотивируемый опасностью появления в лингвистике «“патриотической мифологии”, а точнее сказать бессмыслицы» [Durovič 2004a: 251].

В работах словацких ученых последнего времени наблюдается сужение контекста употребления чешского литературного языка в Словакии до пределов богослужебной сферы словацких евангеликов, все же остальные области его функционирования оттесняются на периферию культурно-языковой ситуации фактом признания исходно чешских текстов с тем или иным количеством словакизмов памятниками «культурного словацкого языка».

В связи с этим представляется очевидным, что сознательный (или скорее подсознательный) отказ большинства современных словацких лингвистов от исследования чешского языка, употреблявшегося на территории Словакии в XIV-XVIII в., не только закрывает возможность разработки идеи о «словацкой линии развития литературного чешского языка» (ср. [Ďurovič 2004b]), но и обедняет наши представления о языковой ситуации в Словакии в указанный период.

Вместе с тем, в трудах “отцов” теории словацких культурных языков Э. Паулини и Р. Крайчовича, по нашему мнению, намечена возможность исследования истории чешского языка в Словакии в контексте *сосуществования* чешского и культурного словацкого языков как в «старшую» (XIV – XVI вв.), так и в «младшую» (XVIII – XVIII вв.) долитературные эпохи. В работах данных исследователей языковая ситуация в Словакии в докодификационный период описывается как сосуществование словацких культурных языков, а также определенных разновидностей чешского литературного языка. Среди них выделяются «древний несловакизированный чешский язык», «древний словакизированный чешский язык в XV в.», «древний несловакизированный чешский язык в XVI в.», «древний словакизированный чешский язык в XVI в.», «официальный – церковный, библейский – чешский язык», «словакизованный нормированный чешский язык», «словакизованный ненормированный чешский язык» [Pauliny 1983: 76-100, 104-117, Krajčovič 1991: 5-12]. Разобраться в подобном разнообразии языковых манифестаций возможно лишь на основании новых и обширных эмпирических исследований, на необходимость которых указывают современные исследователи, зачастую критически оценивающие сложившуюся в современной словакистике ситуацию [Лифанов 2001: 220; Lauersdorf 1998: 176-177, Giger 2006: 107].

Как уже отмечалось нами ранее, выделение критерия, который позволил бы отделить «культурный западнословацкий язык» от «словакизированного

древнечешского», представляет значительную трудность. Здесь мы встречаемся с трудноразрешимой проблемой квалификации текста, содержащего определенное количество «иностраных» элементов, в нашем случае словакизмов. Подобная проблема вставала перед составителями Исторического словаря словацкого языка при выборе источников для эксерпции, в связи с чем ими было предложено определение «памятника словацкого языка» - «такого рукописного либо печатного текста, который можно считать словацким не только в соответствии с происхождением автора, местом возникновения, характеристикой памятника и др., но и в соответствии с языком памятника». Однако кроме памятников, в которых словацкие языковые элементы обнаруживаются систематически и на всех языковых уровнях, в картотеку словаря были включены и данные текстов, в которых словакизмы встречаются спорадически, правда, из подобных памятников черпались лишь отдельные словакизмы, а методика сплошной выборки не применялась. Получается, что памятники, послужившие базой для составления словаря, являются в различной степени «словацкими» (характеризуются разной степенью так называемой «slovakity», 'словацкости') [HSSJ-1: 17]. Ранее все тот же Э. Паулини, характеризуя особенности изучения памятников словацкой письменности, указывал на то, что «в наибольшей опасности находятся акты, авторами либо писцами которых были не чехи. [...] Во всех подобных случаях, если речь идет лишь об отдельных отклонениях, более приемлемым представляется исходить из предположения, что речь идет о чешском тексте. Словацкие особенности необходимо выделить. С другой стороны, существуют тексты, которые очевидно показывают, что писец не владеет чешской нормой, исходит из словацкого черновика, только “переписывая” его в литературной форме изложения. При этом он вносит в текст гиперкорректные богемизмы [...] и в то же время невольные словакизмы [...] В каждом случае, однако, возможно использовать и верно интерпретировать в качестве лингвистических

аргументов отдельные слова, формы и сочетания из отдельных памятников» [Pauliny 1983: 98-99].

С последним тезисом невозможно не согласиться. «Степень словакизации» на данном этапе развития словакистики возможно определить лишь для отдельного текста либо группы текстов, однако «степень словакизации» всей словацкой письменности старшего долитературного периода пока что остается неясной – тем более что сравнительный анализ памятников письменности из различных регионов Словакии вплоть до работ К. В. Лифанова не проводился.

Подобный анализ позволил К. В. Лифанову предложить новую концепцию истории словацкого литературного языка. По мнению исследователя, кодификация А. Бернолака опиралась на так называемый «словацкий литературный язык старого типа», источником которого была «словацкая редакция чешского литературного языка, сложившаяся в ходе “гибридизации” древнечешского литературного языка и систем словацких диалектов. Появление словацкой редакции чешского литературного языка в работах К. В. Лифанова объясняется действием механизма пересчета (так, как понимал его В. М. Живов), т.е. наложения системы литературного языка на речевые навыки говорящих на близкородственном языке. На основании анализа языкового материала, почерпнутого из различных памятников словацкой письменности XIV-XVII вв., К. В. Лифанов доказывает тезис о том, что истоки общесловацкой письменной традиции следует искать в древнечешском литературном языке. В ходе построения периодизации истории словацкого литературного языка в его работах определена хронологическая граница существования словацкой редакции чешского литературного языка. Временем ее превращения в самостоятельный идиом, уже не отражающий изменений, происходящих в языке-источнике – словацкий литературный язык старого типа – называется конец XV – 40-е гг. XVI в. [Лифанов 2001: 207].

Достоинством работ К. В. Лифанова является не только привлечение к исследованию большого объема материала, рассматриваемого в сопоставительном плане, но и большая теоретическая ясность предлагаемой модели генезиса словацкого литературного языка. Вместе с тем, в заключении своей работы К. В. Лифанов пишет о том, что его труд представляет собой лишь самое начало изучения истории словацкого литературного языка на основе новых принципов, а данные о процессах «видоизменения древнечешской языковой базы на уровне конкретных языковых элементов» нуждаются в уточнении и корректировке – что возможно лишь при условии привлечения к исследованию новых и новых источников и тщательного исследования их языкового облика [Лифанов 2001: 220].

В связи с обозначенной выше ситуацией нам представляется необходимым вернуться к исследованию памятников старшего долитературного периода. Подобный возврат может быть осуществлен в концептуальных рамках комплексного исследования проблематики чешской культурно-языковой экспансии за пределы чешской этнической территории. Так, в частности, на то, что специфичность истории чешского литературного языка в Словакии может быть выявлена только при сопоставлении процессов, в нем происходивших, с процессами, имевшими место в чешском литературном языке в иных регионах, в последнее время указывал М. Гигер [Giger 2006: 100, 102].

Далее мы анализируем язык грамот западнословацкого происхождения, пользуясь методикой, применявшейся в двух предыдущих главах.

Материалом исследования послужили грамоты (136 единиц), опубликованные в следующих изданиях: грамоты с шифром Kn – Knieszsa 1952; Var – Varsik 1956, Mc – Macůrek 1958; Mcr – Macůrek 1969, Pram – Prameny 2002 (с.11-12). Полный список грамот см. на стр. 169.

4.2. Специфическая вариантность в грамотах западнословацкого происхождения

4.2.1. Отражение результатов диссимиляции šč>št'

Консонантное сочетание šč в западнословацком диалекте осталось без изменения – западнословацкие говоры характеризовала та же самая реализация рефлекса, что присутствовала в чешском литературном языке вплоть до XVI в., когда чешская инновация št'<šč становится нормой для чешских текстов (ср. чеш. ještě, зпсл. ešče, чеш. šťastný, зпсл. šťastný) [Krajčovič 1988: 75; Komárek 1969: 140; Lamprecht-Šlosar-Bauer 1986: 124].

В грамотах западнословацкого происхождения в XV – 1 пол. XVI вв. (до 1550 г.) реализации данного рефлекса представлены приблизительно в равной степени с небольшим преобладанием чешской инновации (šč – 32, št' – 39 примеров): Kn1-1432 giesscze, Kn16-1479 lide Brumowssczі y Lednitssczі, Kn24-1483 zassczy, przyssczіeho, Kn47-1507 przіessczіe, Var24-1519 panі skalіczczy, Var57-1531 essczіe, Var100-1538 jessczіe, Var215-1546 przіssczі // Kn26-1484 zwlasstie, wypustem, Kn49-1508 sluzebniczy biskupssty, Kn63-1519 nebosstiku, krzesstianssty, gesstie, Var63-1532 vzlasstie, Var174-1544 sstiestі, Var192-1545 przypusstieny, jesstie, nebosstika, Var209-1546 nebosstika, jesstie, Var223-1548 przіssstі[h]o, Var231-1549 zsstiestі, puosstieno, Var236-1549 sstiestі, Var243-1550 sstiestі, sstiasstnie. Наличие достаточно большого количества написаний šč в текстах 1-й половины XVI в., в период вытеснения этого варианта из чешского литературного узуса, по-видимому, поддерживалось состоянием западнословацкого диалекта, сохранившего консонантное сочетание šč без изменения.

Вместе с тем, во 2-й половине XVI в. – XVII вв. в текстах западнословацкого происхождения, как и в текстах из Верхней Силезии, начинает очевидно преобладать вариант št' (šč – 6, št' – 26 примеров): Mc28-

1552 stěstí, Potv1576 stiaſtne, Záp-1599 gesste, pansstj, Mc169-1608 zvláſtě, Mcr197-1615 zvláſtě, ſťaſtného, opúſtějí, Mcr25-1624 obzvláſtě, Mcr99-1639 ſťaſtného, Mac100-1640 ſťaſtného, Mcr143-1648 ſtiaſtného, nekrestianským, nepúſtěli, Mcr153-1651 jeſtě, Mcr216-1693 ſtražnianſtí. Интерпретировать данную ситуацию возможно следующим образом. На значительной территории распространения западнословацкого диалекта также представлен вариант реализации рефлекса *stj>šť, совпадающий с чешским литературным языком [Atlas 1968: 301]. По-видимому, именно факт присутствия в западнословацких говорах варианта, совпадающего реализацией рефлекса в чешском литературном языке XVI-XVII вв., объясняет большую склонность писцов словацких грамот к чешской инновации, которая становится очевидной при рассмотрении соотношения количества примеров в текстах западнословацкого происхождения (6/26) и верхнесилезского происхождения (21/37).

4.2.2. Отражение результата регрессивной перегласовки aj/ej

Регрессивная перегласовка aj>ej, прошедшая в чешском языке в XV-XVI вв. и последовательно фиксируемая в памятниках чешской письменности с XVII вв., не имела места в истории словацкого языка (чеш. najlepší>nejlepší, слов. najlepší, чеш. volaj>volej, слов. volaj). Результаты перегласовки, однако, начинают последовательно фиксироваться в памятниках чешской письменности со значительным опозданием – с XVII в., в то время как в текстах XV-XVI в. как правило сосуществуют и перегласованные, и неперегласованные формы [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 116].

На протяжении XV – 1-й половины XVI вв. подавляющее большинство текстов западнословацкого происхождения отражает старший вариант aj, который находил поддержку в западнословацком диалекте (aj – 51, ej – 12): Kn1-1432 nepomahaite, najjasnejssieho, Kn4-1459 naiprw, Kn14-1478 nagprwe, wagcze, Kn29-1485 naywiecze, Kn47-1507 nauprw, Kn59-1515 najjasnieyssie,

nejmilostiwieyssie, Var41-1529 *tayno*, Var72-1535 *taynie*, podajte, Var174-1544 *nayvyssy[m]u*, Var231-1549 *dayz*, Var236-1549 *day*, Var243-1550 *day*. Вероятно, значительно большее количество реализаций старшего варианта можно объяснить его совпадением с реализацией рефлекса в словацком языке, однако в отсутствие статистических данных о соотношении вариантов в чешском литературном узусе той эпохи это можно утверждать лишь предположительно.

Напротив, в текстах западнословацкого происхождения в XVII в. более распространенным вариантом становится чешская инновация, хотя отражение старшего варианта реализации рефлекса также не выглядит изолированным (*aj* - 10, *ej* - 14): Mc189-1615 *nejmilostivějšího*, *nejspravedlivějšího*, *nejvyšší*, *tejna*, Mcr1-1621 *dej*, Mcr3-1621 *nejvíc*, Mcr25-1624 *nejprv*, Mcr75-1635 *nejprve*, *nejvíce*, Mcr86-1637 *nejmilostivejšího*, Mac100-1640 *nejmilostivejšího*, Mcr106-1641 *nejpervy*, Mcr121-1621-1642 *uchovej*, Mcr121-1621-1642 *nejprvnější* // Mc61-1567 *najmilostivějšího*, Potv1576 *day*, Mc92-1578 *najmilostivějšího*, Mc109-1583 *najprve*, Mcr1-1621 *noci včerašej*, Mcr65-1632 *najspíše*, Mcr106-1641 *najprvej*, Mcr143-1648 *najprve*, Mcr146-1649 *najlepej*, Mcr206-1680 *onechdajšího*.

Вместе с тем, то, что чешские тексты XVII в. уже практически не отражают старшего варианта *aj*, подтверждается как исследованиями по истории чешского литературного языка [Komárek 1962: 175], так и нашими наблюдениями над узусом доступных нам текстов чешского происхождения указанной эпохи. Учитывая достаточное количество реализаций в текстах 2-й половины XVI – XVII вв. варианта *aj*, можно утверждать, что их узус в отношении передачи данного явления характеризуется оригинальной вариантностью *aj/ej*, причиной появления которой являлась поддержка старшего варианта состоянием в местном диалекте.

4.2.3. Рефлексы долгого *ó>uo>ú* (*ů*) в основах

Дифтонгизация долгого *ó* осуществилась в диалектах чешского языка в XIV в., однако в памятниках XV в. еще преобладает написание *uo*; долгое *ó*, согласно Гебауэру, встречается в памятниках вплоть до середины XV в., что, по мнению Комарека, можно рассматривать как чисто орфографическое явление [; Gebauer 1963: 243; Komárek 1962: 120]. Я. Порак, в свою очередь, отмечает, что литера *-o-* для передачи долгого *ó* встречается в ряде печатных текстов еще в начале XVI в. В свою очередь, последующая монофтонгизация дифтонга *uo* > *ú* (*ů*) проходит в диалектах в XV в., однако на письме дифтонг преобладает вплоть до 2-й половины XVI в., лишь медленно и постепенно уступая монофтонгу */ů/* [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 113-114; Porák 1983: 65].

В различных говорах западнословацкого диалекта судьба долгого */ó/* была различной. Так, в северо-западных западнословацких говорах (в тренчинской области) *ó* подверглось дифтонгизации */ó/ > /uo/* (*kuoň*, *stuol*). На крайнем западе словацкой этнической территории, в области распространения загорских говоров, долгое */ó/* также дифтонгизировалось */ó/ > /uo/*, однако впоследствии дифтонг */uo/* исчез в ходе новой монофтонгизации */uo/ > /ú/*, т.е. фонологическое развитие происходило схожим образом с чешским языком (зпсл. *kůň*, *stůl* – чеш. *kůň*, *stůl*). Во всех остальных говорах западнословацкого диалекта дифтонгизации не происходило (*kóň*, *stól*) [Krajčovič 1988: 50-51].

Отражение рассматриваемого рефлекса в текстах западнословацкого происхождения свидетельствует довольно значительной близости грамот из Западной Словакии чешскому литературному узусу. Среди реализаций рефлекса до сер. XVI в. преобладает дифтонг *-uo-* (74 примера), т.е. обычная для чешского литературного узуса XV – первой половины XVI вв. реализация рефлекса долгого */ó/*, поддерживаемая частью говоров западнословацкого диалекта: Kn1-1432 *buohda*, Kn11-1472 *wuole*, Var2-1483 *duom*, *zpuosobte*, Kn24-1483 *wuoly*, Kn49-1508 *zuostal*, *puogdu*, Kn59-1515 *spuosob*, *swuoy*, Var29-1526 *duom muoy*, *puol*, Var79-1536 *vuoly*, *pozuostal*, Var192-1545 *duom*, Var198-1545

buoh, Var216-1547 muoy, nemuoz, Var231-1549 muoy, Buoh, Var236-1549 muoy, Var236-1549 vuoz, Var247-1550 Buoh.

В свою очередь, в текстах западнословацкого происхождения уже в XV – 1 пол. XVI вв. достаточно часто фиксируется монофтонг /ú/ (40 примеров): Kn11-1472 wubecz, Kn14-1478 wubecz, zhury, pugde, swug, Kn47-1507 puyczeneho, w pul pieti, Kn63-1519 pozustalem, Var32-1527 vule, Var172-1543 dukladu, Var191-1545 zustal, Var192-1545 dum, pozustale, Var227-1549 svuj, spusobem, nemuz, Var253-1550 muu. Этот факт представляется весьма примечательным в связи с тем, что время окончательного закрепления этой реализации рефлекса в чешском литературном узусе обычно относят только ко 2-й половине XVI вв., а случаи отражения нового монофтонга в текстах польского и силезского происхождения соответствующей эпохи единичны [Porák 1983: 63-64].

Монофтонг /ó/ (o) в текстах XV – 1 пол. XVI вв. фиксируется в 20 случаях: Kn1-1432 mozete, zostati, Kn14-1478 zostal, pol, Kn15-1479 wobecz, Kn26-1484 wobecz, Kn27-1484 wobecz, Kn33-1491 wobecz, Kn49-1508 zostal, Kn50-1508 poyczeneho, Var69-1535 vobecz, Var95-1538 dotklivu, Var192-1545 Boh, Var207-1546 po nassy voli. Регулярно он встречается в словоформе vobec (ср. совр. чеш. vůbec), что, по-видимому, свидетельствует о лексикализации звукового вида этой лексемы.

В свою очередь, примечательно практически полное отсутствие монофтонга /ó/ (o), находившего поддержку в большинстве западнословацких говоров, в текстах второй половины XVI – XVII вв. В этот период преобладающим вариантом отражения рефлекса становится новый монофтонг /ů/, нередко также в текстах отражается дифтонг (ů – 38, uo – 18 примеров): Mc61-1567 svůj, Bůh, Potv1576 spusob, Mc95-1580 můj, Mc169-1608 zůstává, průchod, Mcr25-1624 vůlí, Mcr75-1635 může, důvody, Mcr124-1644 různé, nemůže, Mcr164-1654 vůlí, Mcr167-1660 můj, Mcr207-1681 při vůlí, zůstává, Mcr208-1682 můj, vůlí, spůsob // Mc63-1568 muoj, vuolí, Potv1576 spusob, Buoh,

Mc95-1580 *muoj*, *vuole*, Mc189-1615, *nemuožeme*, Mcr75-1635 *spuosobu*, Mcr106-1641 *vuolí*, *luožku*.

По наблюдениям Я. Порака, дифтонг /uo/ в чешских памятниках конца XVI отражается достаточно редко, а спорадические случаи его отражения в текстах XVII вв. обычно свидетельствуют о периферийном происхождении текста и могут объясняться локальными фонетическими особенностями [Pogák 1983: 65]. Именно таким образом, по-видимому, следует интерпретировать отражение дифтонга /uo/ в текстах западнословацкого происхождения. Дело в том, что большинство грамот (9 из 10), фиксирующих дифтонг /uo/, было создано на севере Западной Словакии – в области распространения верхнетренчинского говора (г. Жилина, г. Битча, г. Тренчин), в вокалической системе которого присутствуют дифтонги /uo/, /ia/, /ie/. В связи с этим написания *uo*, встречающиеся в текстах исследованных грамот, следует трактовать как консервацию варианта, широко распространенного в чешском литературном узусе предшествующего периода, поддерживаемую системой местного диалекта (о других случаях отражения дифтонгов в северо-западнословацких грамотах см. ниже). Заметим, что в предшествующий период, в текстах XV – 1 пол. XVI вв. дифтонг фиксируется в текстах западнословацкого происхождения вне зависимости от их территориальной принадлежности. С другой стороны, трактовка соотношения вариантов реализации рефлекса долгого /ó/ в текстах северо-западнословацкого происхождения как вариантности исторической, а не региональной, обоснована тем, что в позициях, нетипичных для чешского литературного языка, дифтонг /uo/ в тексты практически не проникает (ср. единственный пример в форме род. пад. мн. ч. сущ. жен. рода Mcr74-1635 *huor* – чеш. *hor*).

Таким образом, тексты западнословацкого происхождения в большинстве своем отражают варианты реализации рефлекса долгого /ó/ в соответствии с динамикой чешского литературного узуса XV – XVII вв. Исключение составляет группа текстов 2 пол. XVI – XVII вв., созданных в северо-западной

Словакии, где под влиянием верхнетренчинского говора в грамотах сохранялся дифтонг /uo/, достаточно редкий для чешских памятников соответствующего периода.

4.2.4. Реализация рефлекса $\acute{o} > uo > \ddot{u}$ во флексиях род. пад. мн. ч. сущ. муж. рода

В чешском литературном узусе дифтонг /uo/ практически полностью вытеснил исходный вариант реализации рефлекса / $\acute{o}$ / к 20-м гг. XVI в., и, в свою очередь, к концу XVI в. сам был вытеснен новым монофтонгом / $\acute{u}$ / (графически $\ddot{u}$) [Pogák 1983: 62, 65]. В свою очередь, большинство говоров словацкого языка характеризует флексия –ov [Лифанов 2001: 55].

В текстах XV – 1 пол. XVI в. варианты флексии представлены приблизительно в равной степени – с небольшим преобладанием инновации (ov – 26 примеров, ouv – 31): Kn1-1432 panow, dworow, Kn29-1485 nakladow, Kn33-1491 hradow, Kn49-1508 panow, Var23-1516 panov, Var38-1528 susedov, Var94-1538 panov, Var215-1546 susedov, Var243-1550 listov // Kn4-1459 statkuow, Kn17-1479 panuow, lesuow, Kn27-1484 suduow, zmatkuow, Kn49-1508 domuow, Kn63-1519 sedlakuow, Var40-1529 kraluov, Var41-1529 panuov, Var77-1536 kraluov, klenotuov, Var79-1536 domuov, Var88-1537 kraluov, Var174-1544 lottuov, Var192-1545 kraluov? Var209-1546 lupeznikuov, Var231-1549 trhuov, Var236-1549 sauseduov. Новый монофтонг / $\acute{u}$ / в генетивной флексии представлен в этот период значительно реже (9 примеров). В отличие от текстов силезского происхождения, где в XV – 1 пол. XVI вв. мы встречаемся с преобладанием варианта -ov, распространявшегося, по-видимому, под влиянием местных говоров, тексты, созданные в этот же период Западной Словакии, отражают вариант, соответствующий реализации рефлекса в большинстве словацких говоров, за исключением загорского (ср. [Atlas 1978: 78-79; Krajčovič 1991: 60-61]), в несколько меньшей мере, нежели чешскую инновацию – флексию -uov.

Вместе с тем флексия -ov присутствует в западнословацких текстах XV – XVII вв. достаточно стабильно. Так, в период 2 пол. XVI в. – XVII в. вариант -uov значительно уступает (всего 4 примера) и начинает преобладать флексия с новым монофтонгом (-ův/-ů – 16 примеров): Mc28-1552 šuldpriefů, Mc63-1568 mejch...pánů, Mc95-1580 apoštolův, Mc197-1615 odtahův, Mcr25-1624 rybníkův, krejcarů, Mcr75-1635 od commisarův, Mcr138-1646 domův, Mcr164-1654 pánův, Mcr216-1693 od vrchův. Несмотря на это, ряд текстов этого времени по-прежнему характеризуется присутствием варианта -ov (15 примеров): Mc109-1583 časov, Záp-1599 konssalow, obywatelov, Mc169-1608 spoluobyvatelov, susedov, Mcr1-1621 spolusausedov, Mcr74-1635 chotárov, stavov, Mcr86-1637 panov bratrov, Mcr118-1643 pánov, postavov.

Сохранение в текстах второго периода флексии -ov может быть названо характерной чертой западнословацких текстов, поскольку флексия -ov в памятниках чешского литературного языка в этот период уже практически не встречается [Porák 1983: 62], также ее уже не отражают тексты верхнесилезского происхождения.

4.2.5. Флексия дат. пад. мн. ч. сущ. муж. рода

В западнословацком диалекте за исключением загорского говора представлена флексия дат. пад. мн. ч. сущ. муж. и ср. род. -om [Atlas 1978: 81; Krajčovič 1991: 61], в то время как в чешском литературном языке поначалу преобладавшая флексия -om с конца 30-х гг. XVI в. встречается все реже [Porák 1983: 61].

В подавляющем большинстве случаев в исследованных грамотах XV – 1 пол. XVI вв. присутствует именно флексия -om (83 примера): Kn1-1432 towarzissom, Kn11-1472 przatelom, Kn24-1483 k panom ysspanom, vrednykom, Kn47-1507 erbom, wierzitelom, Kn63-1519 stawom, Var40-1529 przatelom, Var79-1536 przatelom, susedom, Var119-1540 przytelom, Var174-1544 Thurkom, Var220-

1548 susedom, Var243-1550 panom. Значительно реже отражаются в текстах иные варианты, (-uom – 9, -um – 2 примера), представляющие собой чешские инновации, начавшие проникать в чешские памятники в 30-х гг. (ср. [Porák 1983: 61]). Преобладание варианта -om сохраняется и в последующую эпоху – несмотря на то, что общее количество отражений грамматической формы дат. пад. мн. ч. в текстах 2-й половины XVI – XVII вв. невелико, можно утверждать преобладание старшего рефлекса (-om – 9; -ũm – 3 примера), находившего поддержку в западнословацком диалекте: Var247-1550 przatelom, sausedom, Var253-1550 pano[m], Mc28-1552 meščanom, Mc109-1583 dekretom, právom, kramárom, Záp-1599 panom, Mcr207-1681 novoosadníkom.

Таким образом, на всем протяжении рассматриваемого периода в текстах значительно преобладает вариант флексии -om. Его отражение в текстах XV – 1 пол. XVI вв. вполне соответствует чешскому литературному узусу, однако в последующий период должно рассматриваться как отклонение от нормы, как диалектизм [Porák 1983: 61]. Сохранение варианта, поддерживаемого местным диалектом, в текстах западнословацкого происхождения 2-й пол. XVI – XVII вв., таким образом, является характерной чертой их узуса (ср. подобную ситуацию в текстах из Силезии).

4.2.6. Флексия род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода

В отличие от чешского литературного языка, в котором функционирует синкретическая флексия *é*, в словацком языке формы род., дат., мест. падежей обобщились по образцу дат. и мест. падежа и приобрели флексию *ej* [Krajčovič 1971: 120-121]. Как отмечалось в предыдущих главах, не все случаи отражения данных рефлексов в грамотах одинаково показательны, тем более что в этой позиции, как и во многих других, мы часто встречаемся с вариантностью в тексте одной и той же грамоты (ср. ниже группы 6 и 7), а также с отражением в

тексте такого распределения флексий, которое не было свойственно ни одному из живых языков, функционирующих в регионе (ср. группу 5).

Итак, все исследованные грамоты распадаются на следующие группы (далее указывается число грамот, отражающих то или иное соотношение флексий в первом/втором периоде):

- 1) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется флексия -*é*, в дат. и мест. пад. – *ej* (либо дат., мест. пад. не фиксируются) – 11 грамот/4 грамоты;
- 2) грамоты, в которых форма род. пад. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. пад. с *ej* – 12 грамот/4 грамоты;
- 3) грамоты, в которых в форме род. пад. фиксируется *é* (либо форма род.п. не зафиксирована), в дат. и мест. пад. – *é* – 11 грамот/3 грамоты;
- 4) грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется *ej*, в дат. и мест. пад. – *ej* (либо формы дат. и мест. пад. не зафиксированы) – 25 грамот/19 грамот;
- 5) грамоты, в которых в род. пад. фиксируется –*ej*, в дат. либо мест. пад. – *é* – 2 грамоты/1 грамота;
- 6) вариантность в род. пад. *é/ej* – 10 грамот/4 грамоты;
- 7) вариантность в дат., мест. пад. *é/ej* – 3 грамоты/0 грамот.

Как можно видеть, относительное большинство грамот как в первом, так и во втором периоде (25/19) отражает инновацию по образцу местного западнословацкого диалекта, в котором все три падежные формы обслуживает флексия -*ej*. Во 2-й пол. XVI – XVII вв. примечателен рост количества грамот, отражающих соотношение флексий, соответствующее морфологии местного диалекта: доля подобных грамот от общего числа составляет почти половину (49%), в то время как в первый период составляет чуть больше четверти (26%).

В свою очередь, грамоты, отражающие чешскую инновацию – синкретическую флексию *é* – представлены в корпусе в гораздо меньшей степени (11/3). Заметим, что и общее количество фиксаций варианта флексии -*ej* значительно превосходит число фиксаций “чешского” варианта -*é* и в род. пад. (70/44), и в дат. и мест. пад. (47/28). Исходя из этого, характерной чертой

исследованных текстов, отличающих их от текстов, создававшихся на чешском литературном языке в чешских землях, можно назвать синкретическую флексию -ej, появлявшуюся в текстах под воздействием местного западнословацкого диалекта.

Кроме того, на всем протяжении рассматриваемого периода в грамотах из Западной Словакии представлена, пусть и несистематически, нетипичная для чешского литературного языка флексия -ej у адъективалий мягкой разновидности. Формы адъективалий мягкой разновидности с флексией -ej известны и ряду чешских памятников, однако их фиксации очень немногочисленны [Gebauer 1896: 487-488]; в доступных нам текстах XVII в. с территории Чехии и Моравии подобные написания также практически не фиксируются. Ср.: Kn1-1432 nassey czti, Kn67-1520 z wyssey strany...z niznie, Var29-1526 v nassey cztney stolyczy, Var107a-1539 vsej rade, Mc109-1583 do božej vuole, vsej pospolitosti; Mcr1-1621 noci včerajšej; Mcr86-1637 z našej strany; Mcr106-1641 od obecnej matky našej zeme; Mcr143-1648 našej velikomožnej milosti...vinšujeme; Mcr153-1651 v našej strane, vašej milosti, poddaní jej opatrnosti knížeckej; Mcr207-1681 našej dědiny; Mcr208-1682 dali...našej nebožtickej, od...paní kmotry našej. Подобные формы никогда не становятся преобладающими, однако их наличие, а также рост их количества в текстах второго периода (9 грамот – 23% от общего количества грамот 2 пол. XV – XVII вв.; в первый период – 6 грамот, 6%), в определенной степени специфично для текстов западнословацкого происхождения.

4.2.7. Отражение в текстах рефлекса долгого ú (ú>ou)

Словацкий язык, в отличие от чешского, в говорах которого еще в конце XIII – начале XIV вв. начался процесс дифтонгизации старого /ú/, сохраняет данную фонему без изменения [Komárek 1962: 165; Atlas 1968: 68]. Как

отмечалось выше, результат дифтонгизации начинает отражаться в чешских памятниках только с 20-х гг. XVI в. [Porák 1983: 69-70].

В грамотах западнословацкого происхождения XV – 1 пол. XVI вв. значительно преобладает недифтонгизированный вариант реализации рефлекса *ú* (*ú* – 152, *ou* – 4 примера): Kn1-1432 *prziesen swu, gsu*, Kn4-1459 *przed sebu, slibugem...dobru wieru*, Kn11-1472 *czucz, przed plnu radu, gsu*, Kn14-1478 *buduczim, mudremu*, Kn33-1491 *czucze*, Kn47-1507 *czucz, slibugeme...swu...wieru, przytisknuti*, Kn63-1519 *neysu*, Var39-1529 *mudrzy, susede*, Var91-1537 *sluzbu svu, sused*, Var215-1546 *susedom, mudry[m], przed svathu katherinu*, Var253-1550 *lasku svu, susede, kupyme, mezy sebu*.

Дифтонг /ou/ впервые фиксируется в тексте 1512 г.; большинство его реализаций, однако, относится к 30-40 гг. XVI в. Такая ситуация соответствует динамике проникновения инновации в чешские тексты. В этот период дифтонг представлен в текстах исключительно в основах слов и не затрагивает флексии. Наиболее последовательно дифтонг отражается в частотной лексеме *soused*, в которой он, по-видимому, лексикализуется; к концу периода /ou/ также начинает довольно последовательно фиксироваться в лексеме *moudrý* и форме 3 л. мн. ч. глагола *být* – *jsou*.

В текстах 2 пол. XVI в. – XVII вв. дифтонг -ou- начинает активно конкурировать со старым монофтонгом, и общее количество их реализаций становится приблизительно равным (*ú* – 38, *ou* – 35). Дифтонг *ou* в грамотах второго периода обнаруживается уже не только в основах, но и во флексиях – так, в частности, в формах вин. и твор. пад. ед. ч. у адъективалий жен. рода: Mc189-1615 *službu svou, jasnost císařskou a královskou...pohledati*, Mcr75-1635 *na dobrou míli*, Mcr141-1647 *mezi...šlechtnou poctivou paní*, у местоимений – Mcr118-1643 *mezi sebou*, а также в суффиксах деепричастий и причастий – Mcr75-1635 *jedouce*, Mcr118-1643 *jsouce, mezi sebou*, Mcr164-1654 *budoucími*. И все же число реализаций дифтонга во флексиях и суффиксах, как можно видеть, невелико.

Вариативность реализации данного рефлекса в текстах XVII в. становится значимой при учете того факта, что в текстах XVII в., происходящих из Чехии и Моравии, написания *ú* уже выглядят исключением из правила [Porák 1983: 70]. Таким образом, аналогично текстам силезского происхождения, тексты, созданные в XVII в. в Западной Словакии, характеризуются оригинальной вариантностью, при которой на равных правах присутствуют и чешская инновация, и старый вариант реализации рефлекса, поддерживаемый ситуацией в западнословацком диалекте.

4.3. Отражение в текстах центрально-чешских инноваций XIV – XV вв.

4.3.1. Дифтонгизация *ú>ej*

В литературе отмечалось почти полное отсутствие отражения данного процесса в текстах словацкого происхождения [Porák 1983: 138; Лифанов 2001: 140]. Действительно, в исследованных нами грамотах до 1539 г. дифтонгизация *ú>ej* не отражается. Вместе с тем, в последующий период ситуация меняется. Материал исследования позднейших грамот позволяет утверждать, что дифтонг все же проникал в грамоты западнословацкого происхождения – пусть и в ограниченной мере. Дифтонг начинает фиксироваться в текстах приблизительно с 40-х гг. XVI в., однако отражается он действительно довольно редко (12 примеров на весь корпус текстов; 5/7). Ср.: Var107b-1539 *dotejczce*, Var129-1541 *pano[m]...millaym*¹⁵, Var133-1542 *przateluom...millaym*, Var157-1543 *vayss*, Var157-1543 *susedom...millaym*, Mc63-1568 *tejden minulej*, *na mejtě*, *na...danejm*, *mejtnej*, Mc197-1615 *bejti*, Mac100-1640 *vejš psané*, Mcr167-1660 *vejš*. Малое количество реализаций свидетельствует о том, что дифтонг *ej<ú* оставался чуждым для узуса текстов западнословацкого происхождения (в отличие от узуса текстов из Силезии).

¹⁵ О причинах появления в текстах написаний *aj*, отражающих процесс дифтонгизации *ú>ej* ср. Komárek 1963: 163-164.

4.3.2. Отражение дифтонга ou<ú в инициальной позиции

В несколько большей степени в текстах западнословацкого происхождения отражается иная черта «более свободного узуса» чешского литературного языка – дифтонг ou<ú в инициальной позиции. Дифтонг представлен в текстах с 40-х гг. XVI в. вплоть до конца XVII в. (15 примеров, 7/8): Var63-1532 aurzednika, Var113-1540 autery, Var174-1544 aurzad, autheri, Var192-1545 aurzadu, Var231-1549 aurzidu, Var243-1550 aurzadu, Mc63-1568 ouředníku, Mc95-1580 z ouřadu, Mc189-1615 na ouředníka, Mcr118-1643 podle ousudku, Mcr146-1649 pred ourad, Mcr167-1660 ouroky a útraty, Mcr207-1681 v ouníženosti, Mcr216-1693 ouřad, oustně. В большинстве случаев дифтонг отражается в лексеме úřad – ouřad: в данном случае возможно предположить лексикализацию фонетического изменения.

4.3.3. Сужение é>í

Гораздо более распространенным в исследованных текстах западнословацкого происхождения оказывается сужение é>í (орфографически ý). Первая фиксация указанного явления относится к 1507 г. Большинство примеров на реализацию данного рефлекса в форме инновации присутствует в текстах первой половины XVI в.: Kn47-1507 wywoda, Kn63-1519 sie...plysti, Var31-1527 visti, Var77-1536 v druhy[m]...bili, Var107b-1539 czloveka chudyho z horniho dwbowyho, postihat svyho, na dobry wodie, Var192-1545 v psani svym, Var223-1548 vsseho dobry[h]o, Var243-1550 po svatym dusse (всего 27 примеров). В XVII в. их количество резко снижается (5 примеров). В основном указанный фонетический процесс встречается во флексиях адъективаций: в род. пад. ед. ч. жен. рода (Var100-1538 s kiery pruczyny), в род. пад. ед. ч. муж. и ср. родов

(Var97-1538 *czoz bude moznyho*), в мест. пад. ед. ч. муж. и ср. родов (Var192-1545 *v psani svym*), им. пад. ед. ч. ср. рода (Kn59-1515 *w pondiely hodny*).

4.3.4. Протетическое v-

В свою очередь, протетическое v- оказывается наиболее ранним явлением рассматриваемой группы, отразившимся в текстах западнословацкого происхождения. Впервые это явление зафиксировано в тексте 1479 г. – Kn15-1479 *wopolny rychtarzy*. Протетическое v- достаточно последовательно отражается в текстах 1 пол. XVI в. (43 примера), однако в последующий период практически не встречается (1 пример): Kn15-1479 *wopolny rychtarzy*, Kn33-1491 *wodlowany*, Var13-1512 *vokazan bude*, *vod zieny mej*, *vseczka vobec miesta Trnawy*, *aby vony vladly*, Var26-1522 *voni Zyde*, Var70-1535 *von*, Var174-1544 *vonych...sedmi lottuov*, *voznamiti*, *voznamujeme*, *vokolni*, *vokolo*, *voznameni*, Var236-1549 *vony*, Var247-1550 *vo to*, *vony*, Mcr124-1644 *nevokážete*. Очевидно, что, в отличие текстов силезского происхождения, где протеза отражается в большей степени, данное явление так и не стало стабильной чертой языка текстов, создававшихся в XVI – XVII вв. в Западной Словакии.

Отдельного внимания заслуживают случаи гиперкорректной передачи рассмотренных выше явлений, ср. Mc167-1660 *bejl*, Mac124-1644 *Holejče* (чеш. *byl*, *Holíče*), Mc164-1654 *přitisknoul*, *spolou*, *bejl* (чеш. *přitisknul*, *spolu*, *byl*). Данные написания, несомненно, свидетельствуют о неудачной попытке создателя грамоты маркировать ее “чешский” характер.

Проведенное исследование приводит нас к выводу о том, что тексты западнословацкого происхождения при отражении явлений «более свободного литературного узуса» чешского языка, являвшимися по происхождению инновациями центрально-чешского диалекта конца XIV вв., демонстрируют определенную специфику. Рассмотренные явления проникают в тексты

западнословацкого происхождения в 1 пол. XVI в. – то есть в ту же эпоху, что и в тексты, создававшиеся в Чехии, а также в Силезии и Польше (см. главы 2, 3). Однако в дальнейшем судьба центрально-чешских инноваций в письменности Западной Словакии оказалась иной, нежели в иных регионах распространения чешского литературного языка. В то время как в чешских и силезских текстах количество реализаций явлений «более свободного литературного узуса» к XVII в. возрастает, в текстах западнословацкого происхождения мы, напротив, фиксируем сокращение количества их реализаций (протетическое *v-*, сужение *ě>ý*) либо проникновение их в тексты приблизительно в той же мере, что и ранее (дифтонг *ej<ý*, дифтонг *ou* в инициальной позиции). Таким образом, узус текстов западнословацкого происхождения постепенно устраняет центрально-чешские инновации, чуждые словацкому языку, и тем самым упрощает фонологическую систему языка письменности.

4.4. Отступления от нормы чешского литературного языка XV-XVI вв.

4.4.1. Фонологические инновации

4.4.1.1. Утрата /ř/

Возникновение фонемы /ř/</r'/ в чешских диалектах относится к XIII в. Чешские памятники отражают эту фонему очень последовательно. Впрочем, даже в самых “строгих” в отношении графики печатных текстах встречаются ошибки при ее передаче, которые Я. Порак склонен интерпретировать исходя из несовершенства книгоиздательской практики. Помимо этого, в работе Порака указываются спорадические ошибки при отражении /ř/ в составе письменных памятников с территории чешско-словацкого пограничья, однако количество подобных отклонений от нормы в памятниках минимально [Porák 1983: 24-27]. В словацком языке, как известно, мягкое /r'/ отвердело;

наличие/отсутствие фонемы /ř/ является характерной чертой, решительно разделившей чешский и словацкий диалектные континуумы [Krajčovič 1991: 68; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 85]. В грамотах, происходящих с территории Словакии, в течение всего рассматриваемого периода мы довольно регулярно встречаемся с заменой фонемы /ř/ фонемой /r/ (37 примеров/46 примеров): Kn14-1478 *prytomny, dobri lyde, richtar, prysažnymi*, Kn29-1485 *lide dobry, hospodar*, Var17-1513 *dobry lide*, Var25b-1522 *vieryme*, Var38-1528 *mudry...przieteele*, Var100-1538 *s kiery pryczyny, dobre varovaly, uredniczy*, Var191-1545 *v stredu*, Mc61-1567 *při...velebnosti císařské*, Potv1576 *rychtar, predkem, pred, rekne*, Mc109-1583 *krivdu, kramárom, úradu*, Záp-1599 *rychtar, predkom, cysarskeho*, Mc169-1608 *veríme*, Mc197-1615 *cedulí rezanú*, Mcr3-1621 *nepriešel*, Mcr65-1632 *neprestávám, prijala, prečtla, temer*, Mcr74-1635 *príteli, pri*, Mcr138-1646 *prijal*, Mcr153-1651 *predopsaného, přátelsky*, Mcr208-1682 *kmotre, pripovídáme, pri sobe*.

Кроме того, многочисленны случаи гиперкорректного обозначения фонемы /ř/ (30 примеров/6 примеров): Kn15-1479 *kterzak, dom kterziz gest, na swu wierzu*, Kn33-1491 *dobrzich lidy, na dobrze lidi, peczety kerzimy*, Var23-1516 *na dobrze lidy*, Var29-1526 *na dobrzem kvasy, dobrzych lidj, dobrzymi lidmy*, Var139-1542 *uterzy*, Var215-1546 *przaly...vssetko dobrze, rzichtaru*, Var220-1548 *przejeme...vsseczko dobrze, o nekterzy statek*, Mc92-1578 *dobřého, veřne, dobřú vedomost*, Mc109-1583 *dobřého, dobřím...přitelem*, Mcr75-1635 *patně*.

Обращает на себя внимание значительный рост процента грамот, в которых обнаруживается отсутствие обозначения /ř/, к XVII в.: если среди грамот XV – 1 пол. XVI вв. грамот с ошибками всего 22%, то в последующий период процент подобных текстов возрастает до 63%, причем почти треть текстов 2-й половины XVI – XVII вв. (11 грамот) демонстрирует вообще полное отсутствие фонемы /ř/.

Иным свидетельством тенденции к устранению фонемы /ř/ из узуса текстов западнословацкого происхождения во 2-й пол. XVI – XVII вв. является

резкое сокращение количества гиперкорректных написаний, которые были характерны для предшествующего периода и свидетельствовали, по-видимому, о стремлении создателей грамот следовать норме чешского литературного языка. Меньшее число гиперкорректных написаний может быть объяснено тенденцией к упрощению системы чешского литературного языка в Западной Словакии под воздействием местного диалекта.

Итак, постепенная утрата фонемы /ř/, начавшаяся еще в древнейший период словацкой письменности (ср. [Лифанов 2001: 26]), может быть названа ярчайшей отличительной чертой разновидности чешского литературного языка, функционировавшего в Словакии. Наиболее полную реализацию эта тенденция находит в текстах XVII в.

4.4.1.2. Утрата йотации губных согласных перед е<*ě

В ходе общего процесса диспалатализации согласных в древнечешском языке мягкие губные /p'/, /b'/, /v'/, /f'/, /m'/частично утратили мягкость, частично разложилась (pj, bj, vj, fj, mj) – в слогах pe, be, ve, fe, me перед е<*ě, *ę возникла йотация (pje, bje, vje, fje; в слове me впоследствии возникла назальная артикуляция [mn'e]). [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 90]. В большинстве говоров словацкого языка процесс депалатализации проходил иначе – в частности, йотация губных в этой позиции представлена в словацком языке лишь в окраинном загорском говоре на чешско-словацком пограничье [Krajčovič 1988: 210].

В грамотах западнословацкого происхождения XV – XVII вв. мы встречаемся с многочисленными случаями необозначения йотации губных (75 примеров/48 примеров): Kn1-1432 tobe, Kn14-1478 namestek, ssest mericz, sobe, weczy, zawesyť, Kn29-1485 laskawie a milostiwe oppatrziti, Kn33-1491 dwema, k weczney rucze, Var23-1516 porozumely, Var29-1526 zbehly, mestie, k przatskey smľuve, Var94-1538 mely, veczi, verzim, Var180-1544 radne a pocztive zachovaval,

Var253-1550 dvema, nedoverzilj, Potv1576 swedomi, sobe, petisteho, Mc109-1583 příznive laskavá, vyrozumel, sobe, veky, Záp-1599 mesta, clowek, wec, dowedel se, Mc169-1608 v dobrej pameti, Mc197-1615 mesíce, vyrozumeli, Mcr3-1621 svetlých, sobe, mesto, Mcr74-1635 vzkazujem verne rád, vyrozumel, Mcr138-1646 sobe, vyrozumel, Mcr153-1651 mel, Mcr208-1682 vyrozumeli, Mcr209-1682 mejte, Mcr209-1682 vedomost, meste.

В гораздо меньшей степени в текстах представлены ошибочное (гиперкорректное) обозначение йотации (4 примера/1 пример): Kn26-1484 upiewnienie, Var32-1527 biez, Var49-1530 nevviesly, Var157-1543 jenz slovie Zlodiegiowecz, M25-1624 zaměšknání.

Примечательно, что процент грамот, отражающих ошибки при передаче йотации, со временем значительно возрастает (первый период – 37%, второй период – 68%). При этом среди текстов 2-й половины XVI – XVII вв. присутствуют такие, где йотация не обозначается вообще (напр. Mc92-1578, Mcr74-1635).

Необозначение йотации в текстах словацкого происхождения на начальном этапе, по-видимому, поддерживалось спорадической утратой обозначения йотации чешском литературном узусе (ср. [Porák 1983: 35]), однако со временем рост количества ошибок при обозначении йотированных форм приводит к тому, что утрата йотации станет одной из характерных черт узуса грамот 2 пол. XVI – XVII вв.

4.4.1.3. Ошибки при обозначении мягкости согласных палатализованного ряда /n'/, /t'/, /d'/ перед ě

Одним из характерных процессов развития чешского консонантизма является утрата корреляции согласных по твердости/мягкости; перестройка

консонантной системы привела к выделению в отдельный палатализованный ряд фонем /n'/, /t'/, /d'/ [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 89, 96].

В памятниках чешской письменности палатализация данных фонем обозначалась не всегда последовательно. Непоследовательность в обозначении палатализованных фонем проявлялась как в ошибочном обозначении палатализации, так и в ее необозначении. Я. Порак отмечает большее количество примеров на необозначение мягкости в памятниках моравского происхождения, на территории создания которых, возможно, рефлекс в ряде позиций реализовывался иначе, нежели в литературном языке [Porák 1983: 28-29].

Ошибки при обозначении фонем палатализованного ряда, присутствовавшие в собственно чешских памятниках, возможно, на начальном этапе способствовали проникновению в тексты, создававшиеся в Западной Словакии, очередной диалектной черты. Как известно, в западнословацких говорах противопоставление твердых и мягких фонем t'/t и d'/d разрушилось в ходе процесса ассибиляции t' > c', d' > z' и последующего отвердения c' > c, z' > z либо процесса отвердения t' > t, d' > d. Оставшаяся изолированной фонема /ň/ в большинстве западнословацких говоров также отвердела [Krajčovič 1991: 58; Лифанов 2012: 34]. Таким образом, различие чешских палатализованных и велярных фонем указанного ряда представляло для словацких писцов определенную трудность. В связи с этим в грамотах словацкого происхождения на всем протяжении исследуемого периода мы достаточно часто встречаемся со случаями отсутствия отражения палатализации /d'/, /t'/, /n'/ (74 примера/34 примера): Kn1-1432 na Hodonyne, zraditi...falessne a zradne, ponewadz, tej zrade...pomohati, Kn14-1478 sedenym na Budethyne, nynecssim, w lane, gaki penes, stenamy, nektera, Kn33-1491 bez dety, Var17-1513 knezne, Var31-1527 ke mne, v thech, vsse rade...dan, Var72-1535 neiakym, Var124-1541 jedyne, nekde, neczo, Var216-1547 nekery[m], neyakeho, svobodne jezdyt, bezpeczne jezdyt, Mc28-1552 nejaké, Potv1576 dediny, na hospode, se...stiasne gmiti, Mc109-1583

přítelkyne, techto časov, chtel, Záp-1599 nahanel, Mc169-1608 v nem, nepochybne veríme, Mc197-1615 nejakého, Mcr1-1621 nejakový, pilne sem se vyzvedoval, Mcr65-1632 knežno, tech, učiněného, Mcr143-1648 pokorne žádající, Mcr146-1649 ponevadž, Mcr208-1682 velmi vdečně sme prijali, Mcr209-1682 na nedelu, Mcr209-1682 v Žiline.

В значительно меньшей степени представлено в текстах отражение мягкости в позиции, несвойственной чешскому литературному языку (13 примеров/3 примера): Kn1-1432 niedieli, Var29-1526 seditie, Var31-1527 nieuczynite, Var32-1527 stie raczyly, Var49-1530 panie kmotre, Var57-1531 panie richtarzi, nebudie, stie, Var60-1532 mylostiem, Var70-1535 ode mnie, Var142-1542 susedie, dwbovenie , Var180-1544 panie rzichtaru, Var198-1545 panie rzichtarzi, Var227-1549 przede mnie, Potv1576 pocznie, Mcr3-1621 něch, Mcr207-1681 dněm.

Как и в случае рассмотренных ранее явлений, доля текстов, содержащих ошибки в отражении мягкости, во втором периоде возрастает (XV – 1 пол. XVI вв. – 43%, 2 пол. XVI – XVII вв. – 55%), однако возрастает она не столь значительно, как в случае рассмотренных ранее явлений (утрата /ř/, йотация).

4.4.1.4. Ошибки при отражении чешских перегласовок а>е, u>і

В чешских памятниках XV – XVII вв. результаты перегласовок 'а>ě (конец XII-XIII вв.) и 'u>і (2-я четверть – 4-я четверть XIV в.) отражались очень последовательно. Присутствие в текстах неперегласованных фонем /a/ и /u/ (либо их долгих эквивалентов) в позиции после мягкого обычно рассматривается как свидетельство периферийного происхождения текста (в восточноморавском и ляхском диалектах чешского языка перегласовки не имели места, также более древняя перегласовка 'а>ě непоследовательно фиксируется в иных говорах Моравии) [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 65, 70-71]. В свою очередь, в говорах словацкого языка подобных звуковых изменений также не происходило. Как отмечает К. В. Лифанов, наличие/отсутствие

перегласовок является одним из наиболее ярких различий между чешским и словацким языками, пронизывающим всю морфологическую систему обоих языков и обуславливающим значительные типологические расхождения между ними [Лифанов 1995].

Вместе с тем, нельзя сказать, чтобы отсутствие перегласовок характеризовало значительное количество грамот из Западной Словакии. Отсутствие результата изменения $a > e$ обнаруживается всего лишь в 12% текстов, созданных до 2-й пол. XVI в., причем по большей части в тексте встречается всего лишь одна неперегласованная форма (в общей сложности 15 примеров): Kn4-1459 panossa, Kn14-1478 gaczmena, pol korcza, semencza, ulowil zwira welike, Kn29-1485 desati, Var10-1509 perega, Var32-1527 haja toho, Var70-1535 ruznicza, Var209-1546 tehoz...masarza, Var215-1546 zastrayal, Var216-1547 za...Janossa. Перегласовка $u > i$ отражается в текстах еще реже – отступления обнаруживаются только в 7% грамот (8 примеров): Kn15-1479 drziel...moczu, Var49-1530 vassu milost odbivath, z obczu mluvil, Var215-1546 na nedielyu, Var220-1548 neyaku praczu, Var247-1550 vassu mylost, Mc92-1578 za prácu, Záp-1599 gednu piwnicu. Со временем тексты начинают отражать перегласовку $a > e$ несколько чаще, и после 1551 г. процент грамот, имеющих отступления от чешской нормы, составит 22% (9 примеров); в свою очередь, перегласовка $u > i$ в текстах 2-й половины XVI – XVII вв. отражается очень последовательно (фиксируется лишь одна неперегласованная форма).

4.4.1.5. Ассибиляция $t > c$, $d > z > z$

На территории чешского диалектного континуума результаты ассибиляции ($t > c$, $d > dz > z$) отражаются только в периферийных говорах – в ляшском и, в меньшей степени, в восточноморавском диалектах [Bělič 1972: 262, 285], хотя ранее, судя по всему, область распространения этого явления была несколько шире [Gebauer 1963: 391, 405]. Ассибиляция в определенной

степени отразилась в памятниках древнечешской письменности (ср. [Gebauer 1963: 388-391, 404-405]; примеры весьма многочисленны, в особенности на $c < t'$), хотя написания c , z на месте t' , d' интерпретировалось исследователями по-разному (в частности, М. Комарек видел в них лишь символы для передачи палатализованных t' и d'). Так или иначе, ассимилированные формы хоть и отражаются в чешских памятниках письменности XIII-XVI вв., однако, судя по всему, они находятся на абсолютной периферии литературного языка [Komárek 1969: 107; Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 84, Лифанов 2001: 50].

В словацком языке процесс ассимиляции палатализованных ($t' > c$, $d' > dz$) осуществлялся в некоторых говорах западнословацкой и восточнословацкой диалектных групп; начало процесса, согласно Р. Крайчовичу, можно отнести к первой половине XIII в. [Krajčovič 1971: 84]. Ассимиляция нередко отражается в древнейших текстах, происходящих с территории Словакии, однако со временем ее результаты практически перестают проникать в памятники. В особенности это касается памятников, создававшихся в Западной Словакии [Krajčovič 1964: 174; Лифанов 2001: 49, 144].

В исследованном нами корпусе грамот западнословацкого происхождения ассимиляция также отражается в очень ограниченной мере. Ее результаты присутствуют всего лишь в 5 грамотах, причем 4 из них относятся к XV – 1 пол. XVI вв. Ср.: Kn14-1478 *medze, medza, scenamy, sstwrcz*, Var13-1512 *toczyss, vienovaczy any tez prodati nemajy, v miescze Tmawie*, Var49-1530 *v mescze, pez vassij vessczy*, Var57-1531 *milosschi, doschi, kratkosschi, yszczinnika*, Var220-1548 *meczy*, Mcr206-1680 *tejže hodziny*. Небольшое количество примеров подтверждает наблюдения Р. Крайчовича и К. В. Лифанова о постепенном вытеснении этой черты из письменного узуса памятников, создававшихся в Словакии.

Особое внимание следует обратить на отсутствие в текстах словацкой фонемы $/z/ < *dj$. В отличие от текстов польского происхождения, отражающих, хотя и очень непоследовательно, польский коррелят указанного рефлекса (ср.

главу 2), в текстах, созданных на чешском литературном языке в Западной Словакии, несмотря на наличие в западнословацком диалекте фонемы /dz/, мы встречаемся исключительно с реализацией рефлекса по чешскому образцу (упрощение *dj>ž>z). Проникновение в тексты западнословацкой фонемы /z/, очевидно, привело бы к усложнению системы чешского литературного языка. По-видимому, чешский язык, употреблявшийся в Западной Словакии, в отличие от аналогичной ситуации в Малопольше, как мы отмечали ранее, был в меньшей степени проницаем для инноваций, ведущих к усложнению фонологической системы.

4.4.1.6. Дифтонги /ie/, /ia/, /uo/

Задача квалификации дифтонгических написаний в памятниках западнословацкого происхождения как местных диалектных особенностей достаточно трудна. Дифтонги являются характерной особенностью среднесловацкого диалекта, из области распространения которого они проникали также на ограниченную территорию западнословацкого диалекта, в верхнетренчинский говор [Krajčovič 1988: 48-51, 229]. Вместе с тем, в чешской графике в XV – XVI вв. еще присутствовал старший диграфический способ обозначения слогов že, ža как zie, zia, а также нередко встречалось избыточное обозначение палатализации – žie, žia [Porák 1983: 20-21]. Кроме того, как известно, фонологическая система древнечешского языка на определенном этапе развития также характеризовалась наличием дифтонгов /ie/, /uo/ [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 110-113]. Таким образом, далеко не каждое дифтонгическое написание в грамотах, происходящих с территории распространения верхнетренчинского говора, может быть признано диалектизмом.

Тем не менее, в ряде исследованных текстов из северо-западной Словакии действительно представлены дифтонги *ou*<*ó*, *ie*<*é*, *ia*<*ä* в позициях, несвойственных древнечешскому литературному языку:

/ia/ - Kn67-1520 *sedliaky*, *wissnia strana*, Var29-1526 *žyalujicze*, *žyadnemu*, *žyadame*, Mc109-1583 *v jiných...veciach*, Mcr106-1641 *poručiam*, *ziadám*, *pol piata sta*, Mcr138-1646 *činia*, Mcr216-1693 *nespuštiam*;

/ie/ - Kn14-1478 *rjeki*, *rieku*, Mcr3-1621 *bielých postavuov*, *s vymienkú tú*, *miesto*, *nepriešiel*, Mcr106-1641 *tye aby...vyplatila* Mcr146-1649 *vie*, *odbieral*, *dalšieho*, Mcr216-1693 *nižie*, *naše pastýrie*;

/uo/ - Mcr74-1635 *huor*.

Количество примеров на дифтонги со 2-й половины XVI в. постепенно возрастает (XV – 1 пол. XVI вв. – 8 примеров, 2 пол. XVI – XVII вв. - 17 примеров), однако все же их наличие не становятся чертой, последовательно характеризовавшей язык чешских грамот, создававшихся в северо-западной Словакии.

4.4.1.7. Окказиональные явления

Иные диалектные явления представлены в грамотах западнословацкого происхождения значительно реже вышеперечисленных. Среди них выделяются:

1) отсутствие инициального *ji-*: Var57-1531 *ysczinnika*, Var94-1538 *yne[m]u*, Var100-1538 *ynnych*, Var142-1542 *yste mi verte*, *ych*, Var172-1543 *ysteho*, *ynssiho*, Záp-1599 *yssel*, Mcr65-1632 *istí*;

2) слоговое */l/* в сочетаниях **ьl*: Kn24-1483 *slpy*, Var94-1538 *vyltkajy*;

3) вставной гласный в сочетаниях **ьг*, **ьl*.¹⁶ – **ьг*: Kn14-1478 *potwerzeny*, Kn33-1491 *zwerchupsaneho*, Var59-1532 *skerze*, Var73-1535 *oppaterny*, Var96-1538 *oppaterny*, Mcr106-1641 *nejprevy (!)*, **ьl*: Mcr206-1680 *pelno*, Mcr209-1682 *pelno*;

¹⁶ Ныне отсутствие слоговых характеризует лишь загорские говоры словацкого языка, однако в XV – XVII вв. это явление, как можно заключить из приводимых примеров, было представлено шире.

4) форма причастия на -l муж. рода с вставным гласным, причем как в западнословацком (Var29-1526 rzekel), так и в среднесловацком варианте (Var172-1543 mohol);

Также в текстах западнословацкого происхождения присутствуют иные нетипичные явления для чешского литературного узуса XV-XVII явления, которые не могут быть прямо выведены из воздействия местного западнословацкого диалекта:

1) отражение ch в позиции h: Kn14-1478 twaruoch, Kn27-1484 tisiczecho, Var37-1528 buch, Var79-1536 lechkosti, Var209-1546 buch, Mc109-1583 Buoch, Mcr121-1621-1642 pan buch, Mcr146-1649 dluch;

2) передача древнечешской формы возвратной частицы как sie и неэтимологические написания слога se как sie в иных случаях: Kn33-1491 sie...postavowaty, Kn49-1508 wzali...sie, Var23-1516 sie postavitj, Kn63-1519 sie...poddawagicz, Kn63-1519 sie...plysti, Var24-1519 sie...staly, byl siem, Var32-1527 divy[m] sie, Var49-1530 sie...ozstalo (!), Var57-1531 susiedom, susiedu, sie...neustavil, sie stavie, Var60-1532 zasie, Var70-1535 sie nestala, Var96-1538 sie...nestalo, Var124-1541 sie...przihodilo, mezie, Var191-1545 sie libilo, Var207-1546 jsie...zbehnuti, Var227-1549 sie...nestalo, Var231-1549 sie...dieje;

3) иные написания с ie: Kn49-1508 lyeznic, Var29-1526 naliely, Var100-1538 alie, Var107b-1539 alie; Var32-1527 kieru, Var49-1530 damie, mamie, Var57-1531 nieyakovie czinieni, nieyakovie statczoky, Var57-1531 smie, vierzimie, Var100-1538 kierym, Var223-1548 uznavamie.

4.2.2. Морфологические инновации

Морфология чешского литературного языка, употреблявшегося на территории Западной Словакии, также не оставалась неизменной. В текстах мы встречаемся с достаточным количеством морфологических диалектизмов, в первую очередь в системе форм имени.

1) Достаточно распространены в текстах западнословацкого происхождения написания, свидетельствующие о различиях между чешским и словацким языками в распределении флексий твердой и мягкой разновидностей склонения адъективалий. Наличие одного типа склонения для прилагательных твердой и мягкой разновидностей характеризует говоры западнословацкого диалекта, в частности, трнавский говор [Krajčovič 1988: 214-215, 218, 220], в то время как чешский язык имеет особую парадигму для каждого типа. В частности, в текстах встречаются ненормативные с точки зрения чешского литературного языка формы, в которых вместо флексии мягкой разновидности склонения прилагательных (-í, -ího, -ímu, ср. *cizí, cizího, cizímu*) представлена флексия твердой разновидности (é, -ého, -ému ср. *novým nového, novému*): Kn33-1491 *pro lepsse swodomie (!)*, Kn27-1484 *tisiczecho*, Kn50-1508 *tisyczecho*, Var13-1512 *tisyczecho*, Var107a-1539 *popravne[h]o*, Mc109-1583 *všemohúceho, hlavnému, osveceného* Mcr75-1635 *zanepřáznění...domáce*.

2) Кроме того, в грамотах представлены нетипичные для чешского литературного языка флексии существительных ср. рода с суффиксом *ьје: Kn4-1459 *na swa obydle*, Var113-1540 *vobydle*, Var192-1545 *na vobydle*, Kn26-1484 *foytstwe*, Var40-1529 *vobile* (чеш. *obydlí, fojtství*). Судя по всему, в данном случае в текстах отразился тот этап эволюции данного типа склонения перед дифтонгизацией флексии: прсл. *znamenie* > *znameňé* > *znamenie* [Krajčovič 1988: 109].

3) В текстах встречается типичная для значительной части западнословацких говоров, а также для среднесловацкого диалекта флексия твор. пад. ед. ч. существительных муж. и ср. родов -om [Krajčovič 1988: 207, Лифанов 2001: 88]: Kn14-1478 *wrchom*, Var25b-1522 *kderehoss zid dluznikom sobie poczita*, Var111-1540 *z Gregussom cžiniti*, Var191-1545 *timto czasom*, Var216-1547 *z nekery[m] spolususedom*, Var220-1548 *z vassy[m] susedom, uczinily...pravo[m]*, Potv1576 *byl...porucznikom*, Mc109-1583 *panem Sunegom*,

z...nákladom, Záp-1599 s konssalom Martinom, spolu [s] vradom, Mcr3-1631 z Janom.

4) Среди морфологических инноваций, характеризующих исследуемые тексты, обнаруживаются генетически западнословацкие формы указательного местоимения *ten* и числительного *jeden* в косвенных падежах ед. ч., а также общесловацкие формы во мн. ч. (в словацких диалектах они стали склоняться по образцу прилагательных – ср. [Atlas 1978:117, Krajčovič:128]): Kn1-1432 na gednem, Var43-1529 v tem, Var58-1532 tym sedlakom, Var73-1535 k temuz stattku, Var135-1542 temu, v tym, Var243-1550 tych dvu mandatov, Var253-1550 po tem, Mc92-1578 na tem, Záp-1599 tich lydj, tjch, Mcr106-1641 od tych, do tychto, Mcr206-1680 tych...pobili, Mcr209-1682 týmito časy.

5) В нескольких случаях мы встречаем словацкую флексию *-om* в формах существительных *lidé* и *děti*: Var29-1526 dietom, Var72-1535 lidom, Var89-1537 ludum (чеш. *lidem*, *dětem*, слов. *ľud'om*, *diet'om*).

6) Также в грамотах наблюдается типичное для западнословацких говоров (ср. Atlas 1978: 89) расширение области функционирования флексии – *ach* на существительные жен. и муж. рода мягкой разновидности склонения: Var94-1538 v pomoczach, Var119-1540 praczach neb robotach, Mc109-1583 v jiných...veciach, Mcr138-1646 v...znojach (чеш. *pomocích*, *pracích*, *věsech*; зпсл. *pomocách*, *prácách*, *vecách*);

8) Присутствуют в текстах западнословацкого происхождения и генетически словацкие формы местоимений: Kn14-1478 *čo* (чеш. *co*, слов. *čo*) , Var119-1540 *przy nom* (чеш. *při něm*, слов. *pri ňom*), Var215-1546 *v ničom* (чеш. *v ničem*, слов. *v ničom*), Mcr106-1641 *tye aby...vyplatila* (чеш. *ty*, слов. *tie*); кроме того, встречаются ошибки в распределении форм местоимений по падежам: Var29-1526 *od tobie* (чеш. *od tebe*, слов. *od teba*), Var57-1531 *o siebie* (чеш. *o sobě*, слов. *o sebe*); присутствуют также словацкие нестяженные формы притяжательных местоимений (ср. Atlas 1978: 113): Kn14-1478 *na zamku mogim*, Mcr3-1621 *mojím*, *mojich*.

9) В исследованных текстах фиксируются многочисленные случаи склонения притяжательных местоимений *náš*, *váš* в косвенных падежах по образцу прилагательных. Данное явление в целом не характерно для говоров чешского языка, однако не находит и прямого соответствия в западнословацких говорах; по-видимому, его возможно интерпретировать как черту, свидетельствующую об определенной искусственности письменного узуса в целом. Ср.: Var25b-1522 *nassiho*, Var29-1526 *nassymu*, Var49-1530 *vassy[m]u*, *vassy[h]o*, Var58-1532 *nassy[m]u*, Var59-1532 *nassy[h]o*, *vassy[h]o*, Var63-1532 *v miestie vassim*, Var90-1537 *vassy[h]o*, Var94-1538 *nassyho*, Var95-1538 *vassymu*, Var97-1538 *nassyho*, Var100-1538 *vassymu*, Var107b-1539 *nassyho*, Var119-1540 *nassy[m]u*, Var121-1541 *nassy[h]o*, Var164-1543 *nassy[m]u*, *nassy[h]o*, Var180-1544 *v meste vassy[m]*, *nassiho*, Var180-1544 *nassy[m]u*, Var192-1545 *nassy[h]o*, Var198-1545 *vassiho*, Var209-1546 *nassyho*, Var215-1546 *nassiho*, Var231-1549 *przy...vassim*, Mc61-1567 *našimu*, *našiho*.

В области морфологии глагола исследованные тексты стоят ближе к чешской литературной норме соответствующего периода. Вместе с тем, здесь также обнаруживается несколько характерных диалектизмов:

9) В текстах мы встречаем самое начало процесса вытеснения генетически чешской глагольной флексии *-i* (*-u*) в 1 л. ед. ч. глаголов 1, 2 и 3 классов словацкой флексией *-m*: Var49-1530 *ya budem mossy*, Kn26-1484 *wypustem*, Var142-1542 *ya moczy budem yat*, Mc109-1583 *já...napomeněm*, Mcr1-1621 *offerujem*; Mcr65-1632 *budem*; Mcr74-1635 *vzkazujem* (чеш. флексия *-u*, слов. – *em*).

10) В исследованных грамотах присутствуют неперегласованные формы глаголов 3 л. мн. ч. наст. времени: Mcr138-1646 *činia*, Mcr143-1648 *pobijú i nás samých že polapajú*, Mcr216-1693 *pásajú, obsahujú*, Záp-1599 *chtegu* (чеш. *činí, pobijí, pásou, obsahují*).

11) Спорадически представлена в текстах словацкая форма кондициональной частицы 1 л. мн. ч. (чеш. *bychom*, слов. *bysme*): Mcr121-1621-1642 *bysme*, Mcr216-1693 *bysme*, Mcr143-1648 *bysme*, *abysme*.

Таким образом, в грамотах словацкого происхождения мы встречаемся с разнообразными отступлениями от морфологической нормы чешского литературного языка XV – XVII вв., обусловленными воздействием местного диалекта, которые свидетельствуют об определенной степени адаптации чешского литературного языка в письменности Западной Словакии. Вместе с тем, подобные отступления от нормы чешского литературного языка в текстах западнословацкого происхождения представлены достаточно несистематически и не становятся стабильной чертой узуса грамот.

4.5.3. Словообразовательные и лексические инновации

К наиболее распространенным в исследованных грамотах инновациям в области словообразования и лексики относятся:

1) согласный /с/ в форме прош. вр. глагола *chtít*: Kn29-1485 *chczeli*, Var38-1528 *chczely*, Var43-1529 *nechczel*, Var57-1531 *chczeli*, Var216-1547 *chczely*, Mcr74-1635 *chcel* (чеш. *chtěl*, слов. *chcel*);

2) корневой /о/ в модальном глаголе *muset* (чеш. *muset*, зпсл. *mosiet*¹⁷): Kn29-1485 *mosily smy*, Var49-1530 *ya budem mossy*, Var227-1549 *bych...mosel*, Var247-1550 *mosy sprodal*;

3) словацкий вариант реализации прсл. корня **sveboda*, *svěboda* с согласным /л/: Kn14-1478 *slobodyl*, *slobodny*, Var10-1509 *czinim slobodne*, Var45-1529 *oslobosujeme*, *slobodna*, Var49-1530 *slobodu*, Var142-1542 *na slobodney czestie*, Mcr3-1621 *slobodne* (чеш. *svobodný*, *svobodně*; слов. *slobodný*, *slobodne*);

¹⁷ Я. Складана отмечала подобные формы с корневым /о/ в тексте проповедей П. Баяна

4) слов. форма местоимения *všetok*: Kn14-1478 *ode wssetkich, ze wssetkimi*, Kn15-1479 *wsseczy*, Var215-1546 *vssetko*, Záp-1599 *wssetkjm* (чеш. *všichni, všech, všem*; зпсл. *všecí (šeci), všetkich, všetkim* – ср. [Atlas 1978: 118];

5) западнословацкие формы глагола *být* в прошедшем времени с корневым *o/u*: Var49-1530 *daly boly slobodu, ya bola...davala*, Var142-1542 *bol zabył, bol...uczinil, bol...opatrzil*, Záp-1599 *bolj wedelj, bolj neprigalj*, Var180-1544 *jest bul*, Var220-1548 *bull* (‘*byla*’) (чеш. *byl*, зпсл. *bol, bul* – ср. [Atlas 1978: 171]);

6) формы глагола *jít* (слов. *ísť*) с начальным *i-*, характерные для всех говоров словацкого языка [Atlas 1978: 171]: Kn14-1478 *gyde*, Záp-1599 *yssel, nejssel*, Var73-1535 *ziessel* (чеш. *jde, šel*, слов. *ide, išiel/šiel*);

7) в ряде текстов встречаются случаи замены чешского глагольного префикса *s-* словацким вариантом *z-*: Mc74-1635 *zejdú*, Mc75-1635 *zešli*, Mc77-1635 *zjeti*, Mc99-1639 *zjezd*, Mc167-1660 *znáší, zeznali*; Mc216-1693 *zcházejí* (чеш. *sejdou, sešli, sjet, sjezd, snáší, seznali, scházejí*).

Кроме того, в текстах обнаруживается ряд характерных словакизмов:

Примеры из текстов	Соответствия в чешском и словацком языках
Kn14-1478 <i>sedenym na Budethyne</i>	чеш. <i>sezením</i> , слов. <i>sedení</i>
Kn14-1478 <i>započyna...se</i>	чеш. <i>začíná</i> , слов. <i>započína</i>
Kn14-1478 <i>opysany</i>	чеш. <i>opsaný</i> , слов. <i>opísaný</i>
Kn14-1478 <i>zwira welike</i>	чеш. <i>zvíře</i> , слов. <i>zvíera</i>
Kn29-1485 <i>se...dowedowali</i>	чеш. <i>dovídat se</i> , слов. <i>dovedovať sa</i>
Kn67-1520 <i>sprawował ak rukama panskyma wídal</i>	чеш. <i>jestli</i> , слов. <i>Ak</i>
Var29-1526 <i>dokel sobie den vzaly</i> (слов. <i>dokial</i>)	чеш. <i>dokud</i> , слов. <i>dokiaľ</i>
Var29-1526 <i>predal</i>	чеш. <i>prodal</i> , слов. <i>predal</i>
Var84-1537 <i>niekto, kto</i>	чеш. <i>kdo</i> , слов. <i>kto, kto</i>

Var100-1538 vnuter	чеш. vnitro, слов. vnútro
Var94-1538 pamataty	чеш. pamatovat, слов. pamätať
Var107b-1539 vyposzczal	чеш. vypůjčit, слов. vypožičať
Var135-1542 vynimka	чеш. vyjímka, слов. vynimka
Var172-1543 susedstvo	чеш. sousedství, слов. susedstvo
Var94-1538 met, Var172-1543 met	чеш. mít, слов. Mať
Var191-1545 statczek, Var57-1531 statczoky	чеш. statek, слов. statček
Var215-1546 se...dyala,	чеш. díť se, слов. diať sa,
Var215-1546 zastrayal	чеш. strojit se , слов. zastrájať sa
Var253-1550 ponukal	чеш. nabízet, слов. ponukať
Potv1576 ked p[red]stupil	чеш. když, слов. keď
Mc92-1578 robiti	чеш. dělat, слов. robiť
Mcr75-1635 odpovedené	чеш. odpovězené, слов. odpovedené
Mcr106-1641 pet sto	чеш. pět set, слов. päť sto
Mc143-1648 vreco	чеш. pytel, слов. vrece
Mcr146-1649 predával	чеш. prodával, слов. predával
Mcr153-1651 čakajíc	чеш. čekajíc, слов. čakaјíc
Mcr208-1682 teraz	чеш. teď, слов. teraz
Mcr209-1682 vyrabovali, rabovali	чеш. porobit, слов. vyrabovať

Mcr153-1651 predopsaného	чеш. předeřsaného, слов. predopsaného
Mc206-1680 chýři zlé	чеш. sluchy, слов. chýry
Mcr207-1681 jakžto by go sa s tím	чеш. se, слов. Sa

4.6. Выводы

Исследование языка образцов деловой корреспонденции, создававшейся на территории Западной Словакии в XV – XVII вв., приводит нас к следующим выводам.

В целом грамоты западнословацкого происхождения достаточно последовательно отражают генетически чешские реализации как фонетических, так и морфологических рефлексов. Отступления от современного чешского литературного узуса, обнаруживающиеся в текстах, в большинстве случаев реализуются непоследовательно.

При отражении явлений, реализовавшихся в чешском литературном языке вариантно, в том случае если старший вариант совпадал с отражением того или иного рефлекса в западнословацком диалекте, тексты западнословацкого происхождения не демонстрируют преимущественного отражения именно этого варианта. Так, в грамотах XV – 1 пол. XVI вв. мы обнаруживаем конкурентное употребление сочетаний šč/šť, дифтонга и монофтонга /uo/ и /ó/ (также во флексиях -uov/-ov). Преобладание в текстах XV – 1-й пол. XVI вв. старших рефлексов -aj- и /ú/, совпадающих с западнословацким диалектом, находит объяснение исходя из системы самого чешского литературного языка, в котором инновации -ej- и -ou- закрепились только во 2-й пол. XVI – XVII вв.

Исследование соотношения подобных вариантов в текстах 2-й половины XVI – XVII вв., в свою очередь, приводит нас к выводу о том, что, как правило, в узусе текстов словацкого происхождения побеждает не реализация,

совпадающая с западнословацким диалектом, но чешская инновация (ср. преобладание в текстах второго периода *št'*, *ej*, */ů/*, */ou/*). Примечателен, однако, тот факт, что старший вариант из текстов устраняется очень непоследовательно и, таким образом возникает оригинальная вариантность старшего и младшего вариантов реализации рефлексов, которая отличает тексты западнословацкого происхождения от текстов, создававшихся в соответствующий период в чешских землях (ср. *ej/aj*, *ů/uo*, *ův/ov*, *ou/ú*). Таким образом, в текстах западнословацкого происхождения 2 пол. XVI – XVII вв. обнаруживается консервация того состояния, что характеризовало чешский литературный язык в первой половине XVI в.

Кроме того, к специфическим чертам текстов западнословацкого происхождения на всем протяжении рассматриваемого периода относится бóльшая частотность отражения нестяженной синкретической флексии *–ej* в формах род., дат. и мест. пад. адъективалий жен. рода твердой разновидности, а также проникновение этой флексии в парадигму склонения адъективалий с мягким конечным согласным основы. Иной характерной чертой языка исследованных грамот, отличающей их от текстов чешского происхождения, оказывается флексия дат. пад. мн. ч. сущ. муж и ср. родов *-om*, последовательно представленная в текстах XV – XVII вв. Доля грамот, отражающих указанные явления, с течением времени возрастает.

Далее, тексты западнословацкого происхождения оказываются в определенной степени проницаемы для центрально-чешских инноваций, становившихся в XV-XVI вв. характерными чертами «более свободного литературного узуса» чешского языка. Наибольшее распространение в текстах находят результаты фонетического процесса сужения *ě>ý*, а также протетическое *v-*. Обращает на себя внимание динамика проникновения указанных инноваций в тексты словацкого происхождения. В отличие от текстов, создававшихся в Силезии, где с течением времени мы обнаруживаем рост количества отражений чешских инноваций, тексты словацкого

происхождения, напротив, во 2-й половине XVI – XVII вв. демонстрируют сокращение числа их реализаций либо присутствие данных явлений в той же мере, что и в предшествующий период. Очевидно, что явления «более свободного литературного узуса» чешского языка, достаточно активно проникавшие в тексты, создававшиеся в Западной Словакии в 30-40-х гг. XVI вв., не становятся обязательными элементами местного литературно-письменного узуса. В этом заключается следующее отличие текстов западнословацкого происхождения от текстов, создававшихся на чешском литературном языке в иных регионах его распространения.

Наиболее ярко специфика текстов западнословацкого происхождения проявляется в упрощении фонологической и графической системы чешского литературного языка, обусловленном воздействием местного диалекта. Из текстов с течением времени достаточно последовательно устраняется нетипичная для говоров словацкого языка фонема /ř/, значительно реже начинает обозначаться йотация губных и мягкость палатализованных согласных. Примечательно, что в текстах XV – 1 пол. XVI вв. рассматриваемые явления характеризовали значительную, но все же меньшую часть грамот, в позднейший же период мы встречаемся с последовательным и, надо думать, сознательным отступлением от чешской нормы.

Вместе с тем, диалектизмы проникали в тексты в целом в небольшой мере. Ряд диалектных явлений (отсутствие перегласовок, особенности парадигмы указательного местоимения *ten*, проникновение в тексты дифтонгов, характеризовавших верхнетренчинский говор) в текстах XVII в. встречается чаще, чем в предшествующий период, однако они не могут рассматриваться как дистинктивные признаки идиома, функционировавшего в деловой корреспонденции в Западной Словакии XVII в., поскольку проникают в тексты крайне несистематически. В отношении иных отступлений от нормы говорить о подобной динамике вообще не представляется возможным – спорадически представленные в грамотах XV-XVI вв., они лишь изредка появляются в

текстах XVII в., следовательно, они не могут рассматриваться как постоянные признаки анализируемого идиома.

Можно утверждать, что в целом тексты западнословацкого происхождения характеризует стремление к упрощению системы чешского литературного языка (в первую очередь в области фонологии) и стремление к консервации предшествующего состояния чешского литературно-письменного узуса. Наиболее последовательно данные тенденции проявляются в текстах XVII в. Все вышесказанное, по нашему мнению, позволяет рассматривать совокупность процессов, происходивших в чешском литературном языке в XV-XVII вв. Западной Словакии, как *адаптацию* чешской языковой основы к говорам западнословацкого диалекта. Собственно локальные словацкие явления отражаются в текстах хотя и в достаточной мере, однако достаточно несистематически. Несистематичность отражения в текстах диалектных явлений и особенности изменения системы, обусловленные внутренними потенциями самой системы (упрощение, консервация) не дают оснований для квалификации языка деловой корреспонденции даже в XVII в. как чего-то качественно отличного от чешского литературного языка («культурный словацкий язык»). Вместе с тем, в сравнении с текстами, создававшимися на чешском литературном языке в XV – XVI вв. в Польше и в XV – XVII вв. в Силезии, тексты словацкого происхождения при отражении нетипичных для чешского письменного узуса явлений демонстрируют наибольшую степень последовательности. Указанная тенденция продолжится в последующие периоды словацкой культурно-языковой истории – в XVII-XIX вв. историю словацкого литературного языка будут характеризовать процессы постепенного отмежевания от чешского литературного языка на различных уровнях [Лифанов 2001: 210-209]. Так, в частности, суть кодификации А. Бернолака 1780-х гг. нередко описывается в словакистике как постепенная элиминация из языка западнословацкой письменности богемизмов. В свою очередь, Л. Штур в своей кодификаторской деятельности 1840-х гг. отказывается от словацкого

литературного языка старого типа, сложившегося в ходе взаимодействия чешского литературного языка и говоров западнословацкого диалекта, и кладет в основу новой “версии” словацкого литературного языка среднесловацкое фольклорное койне. Как мы показали выше, предпосылки подобной линии дебогемизации в развитии словацкого литературного языка намечаются уже в процессе видоизменения чешской языковой основы, которую мы можем наблюдать в языке западнословацкой деловой корреспонденции XVI – XVII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были рассмотрены особенности языка деловой корреспонденции, создававшейся на чешском литературном языке за пределами его этнической территории в XV – XVII вв. – в Малопольше, Верхней Силезии и Западной Словакии. Исследование текстов проводилось в рамках единой оригинальной методики. Выполнение поставленных задач предполагало, во-первых, изучение распределения в тексте вариантов, характеризовавших чешский литературный язык соответствующего периода. Во-вторых, необходимо было определить время проникновения в тексты фонетических инноваций центрально-чешского диалекта XIV-XV вв., представленных в чешском литературном узусе XV-XVII вв. пока что непоследовательно, а также частотность их употребления в текстах, создававшихся за пределами чешских земель. В-третьих, изучение чешского литературного языка, функционировавшего за пределами этнической территории, было бы невозможным без рассмотрения вопроса о степени проницаемости текстов для фонетических, морфологических и лексических диалектизмов.

Исследование привело нас к общему выводу о том, что чешский язык, употреблявшийся в XV – XVII вв. за пределами его этнической территории, характеризовался достаточно высокой стабильностью.

В первую очередь это проявляется в характере отражения в текстах вариантов, в той или иной мере характеризовавших чешский литературный язык XV – XVII вв., в тех случаях, когда один из вариантов совпадал с реализацией того же самого рефлекса в диалектах Малопольши, Верхней Силезии либо Западной Словакии. Мы называем такую вариантность *специфической*, т.к. при ее рассмотрении перед нами стоит вопрос, являются ли обнаруживающиеся в текстах “старшие” варианты свидетельством консервации предшествующего состояния системы чешского литературного языка

(историческая вариантность) – либо мы можем рассматривать подобную вариантность как региональную, и в этом случае подобные написания следует интерпретировать как отражение локальных диалектных черт. Проведенное исследование приводит нас к выводу о том, что в отношении сохранения в текстах XV-XVII вв. первичной древнечешской реализации различных рефлексов тексты, создававшиеся за пределами чешской этнической территории, в основном соответствуют текстам, создававшимся в Чехии и Моравии, т.е. данная вариантность во всех случаях может интерпретироваться как историческая. Вместе с тем, достаточно длительное (вплоть до XVII в.) присутствие в текстах старших вариантов реализации отдельных рефлексов может объясняться их соответствием местному говору. Таким образом, воздействие диалекта могло проявляться в появлении в текстах оригинальной вариантности при отражении старшей и младшей реализаций рефлекса – в том случае, если старшая реализация соответствовала варианту, представленному в системе родного говора создателя грамоты. В наиболее отчетливой форме описанный процесс выявляется в текстах XVII вв., когда тексты силезского и западнословацкого происхождения в большинстве своем достаточно последовательно отражают вариантность, уже не свойственную чешскому литературному языку соответствующей эпохи, в котором уже очевидно преобладала инновация.

Иным свидетельством сохранения общей структуры чешского литературного языка в различных областях его надэтнического употребления является отсутствие сколько-нибудь систематического проникновения в тексты диалектизмов, которое могло бы свидетельствовать об осознанном отступлении от норм чешского литературного языка в пользу вариантов, представленных в диалектах соответствующих регионов. Наибольшую степень проникновения локальных элементов мы обнаруживаем в небольшой группе текстов польского происхождения, относящихся к 1473-1492. Тот факт, что в текстах этой группы, тем не менее, отражаются все те диалектные явления, что, пусть и в меньшей

степени, представлены в иных текстах польского происхождения, позволяет нам утверждать, что языковой облик грамот “гибридной” группы отражает потенциал изменения системы чешского литературного языка на территории Польши. Среди грамот силезского и западнословацкого происхождения мы встречаемся со значительным проникновением различных диалектизмов лишь в единичных случаях, хотя разнообразие несистематически фиксируемых диалектизмов достаточно велико.

О континуальности развития чешского литературного языка за пределами его этнической территории также свидетельствует проникновение в тексты центрально-чешских фонетических инноваций XIV-XV вв., которые в рассматриваемую эпоху не были стабильными чертами чешского литературного узуса. Непоследовательность присутствия этих фонетических инноваций в памятниках чешской письменности XV-XVI вв., а также опора на родной говор, не переживший данных изменений, по нашему мнению, позволяли писцу избежать их передачи в тексте. Несмотря на это, подобные явления в достаточной мере представлены в текстах различного территориального происхождения. Данные черты (*ej* < *ý*, *ý* < *é*, *ou*- в инициальной позиции, протетическое *v*- перед /*o*/) начинают проникать в тексты польского, силезского и западнословацкого происхождения приблизительно в то же время, что и в тексты, создававшиеся на чешском литературном языке в чешских землях – в 20-40-х гг. XVI в. В дальнейшем их судьба в текстах различного регионального происхождения складывается различно. В то время как в период 2-й пол. XVI – XVII вв. в текстах силезского происхождения «черты более свободного литературного узуса» чешского языка достаточно обычны, в тексты западнословацкого происхождения с течением времени они проникают все реже, и их почти полное отсутствие становится характерной чертой местной словацкой разновидности чешского литературного языка.

Таким образом, несмотря на высказанный выше тезис об относительной стабильности чешского литературного языка, употреблявшегося в XV-XVII вв.

в различных регионах за пределами чешской территории, нельзя не отметить существенных различий, обнаруживающихся при исследовании языка корпусов грамот, происходящих из отдельных областей. Эти различия реализуются как в особенностях проникновения и закрепления в текстах центрально-чешских фонетических инноваций, так и в характере проникновения в тексты фонетических, морфологических и (в меньшей степени) лексических диалектизмов, а также в процессе систематического видоизменения чешской языковой основы, которую мы наблюдаем в поздних текстах западнословацкого происхождения.

В целом мы можем охарактеризовать языковой облик грамот, происходящих из различных регионов, следующим образом.

Языковой облик чешских текстов, создававшихся на территории Польши, очень пёстр и не позволяет говорить о единстве процессов, происходивших в чешском литературном языке на этой территории. В целом необходимо отметить, что текстам на чешском литературном языке, возникшим на территории Польши в XV – 1 пол. XVI вв., свойственна тенденция к перегрузке системы элементами различного генетического происхождения. При исследовании их языковых особенностей мы встречаемся с присутствием как центрально-чешских фонетических инноваций, так и с разнообразными полонизмами, представленными в текстах в немалом количестве (что в наибольшей степени, как мы указывали выше, касается текстов “гибридной” группы). Подобная перегрузка системы, по нашему мнению, неизбежно вела к меньшей степени стабильности нормы чешского литературного языка, употреблявшегося в деловой письменности на данной территории, и в сочетании с внешелингвистическими факторами определила его дальнейшую судьбу в польской письменности. Несмотря на немалое участие чешского литературного языка в формировании польского литературного языка (которому посвящено огромное количество работ в рамках как полонистики, так и богемистики), сам чешский язык постепенно вытесняется даже из той

ограниченной сферы польской письменности, в которой он был представлен в XV – первой половине XVI вв.

Тексты силезского происхождения, создававшиеся в XV – 1-й половине XVI вв., в меньшей степени, нежели тексты из Польши, допускают проникновение центрально-чешских фонетических инноваций и, в свою очередь, в большей степени склонны передавать “старшие” варианты при отражении специфической вариантности, что, по-видимому, объясняется опорой на ситуацию в местном диалекте. Подобным процессам консервации древнечешской системы, тем не менее, не суждено стать определяющими в силезской письменности 2-й половины XVI – XVII вв. Со 2-й половины XVI в. мы встречаемся с достаточно последовательной передачей как центрально-чешских фонетических инноваций, так и “младших” коррелятов реализации различных рефлексов при отражении специфической вариантности. Тем не менее, в отношении передачи ряда явлений мы все же обнаруживаем в текстах из Верхней Силезии в XVII в. определенную специфику, которая проявляется в систематическом присутствии в них старшего варианта реализации рефлекса, уже окончательно вытесненного из чешского литературного узуса той эпохи. Важным свидетельством ориентации на нормы чешского литературного языка является также очень нерегулярное проникновение в тексты силезского происхождения диалектизмов, причем это касается всего рассматриваемого в нашем исследовании хронологического периода. Направленность процессов, характеризовавших чешский литературный язык в Верхней Силезии в XV-XVII вв. в целом соответствует доступным нам сведениям о его дальнейшей судьбе в данном регионе. Достаточная степень стабильности его норм и постоянная ориентация на языковые изменения, происходившие в письменности Чехии и Моравии, являлись достаточной предпосылкой длительного сохранения чешского литературного языка в системе верхнесилезской письменной коммуникации.

Наибольшую специфику обнаруживает история чешского литературного языка в Западной Словакии. Языковой облик текстов, создававшихся в данной области в XV – первой половине XVI вв., в общем и целом соответствует нормам чешского литературного языка пражского центра. Однако уже в данный период мы наблюдаем процесс некоторого упрощения чешской языковой основы под воздействием местного западнословацкого диалекта, проявлявшийся, в частности, в несистематической утрате фонемы /ř/, а также в непоследовательном обозначении йотации губных согласных и палатализации зубных. Данные процессы определяются нами как *адаптация* чешского литературного языка для его успешного функционирования в системе западнословацкой письменности. В текстах 2-й половины XVI – XVII вв. указанные процессы (пусть и не во всех возможных позициях) только усиливаются. Сопоставление языкового облика текстов XV – 1 пол. XVI вв., с одной стороны, и текстов XVII в. – с другой, позволяет нам сделать вывод о росте числа написаний, свидетельствующих об упрощении системы чешского литературного языка в Западной Словакии. При сопоставлении меры отражения в текстах силезского и словацкого происхождения позднего периода черт «более свободного литературного узуса» становится очевидным, что в текстах из Западной Словакии подобные явления представлены значительно менее последовательно, что также свидетельствует об упрощении и консервации системы чешского литературного языка на данной территории.

Примечательно, что видоизменение чешского литературного языка в Западной Словакии в рассматриваемый период не имеет следствием обильного и последовательного проникновения в тексты диалектизмов. Таким образом, указанный процесс, по крайней мере на данном этапе, правомернее описывать не как процесс постепенной «словакизации» (термин, с которым столь часто приходится сталкиваться в трудах по словакистике), но как процесс частичной дебогемизации языка текстов, в иных позициях достаточно последовательно передающих чешские варианты реализации общеславянских рефлексов,

соответствующие ситуации в чешских текстах, создававшихся в данный период в Чехии и Моравии. Процессы постепенного устранения из текстов характерных чешских языковых особенностей и их замены на генетически словацкие станут характерной чертой истории словацкого литературного языка в последующий период. В связи с этим определение и описание предпосылок для последующего развития словацкого литературного языка, впервые кодифицированного в конце XVIII в., имеет особенную важность.

Всестороннее описание культурно-языковой истории западнославянского ареала Центральной Европы в целом, а также достаточно полное описание истории чешского литературного языка в частности остаются пока что делом будущего. Перспективы дальнейшего изучения проблематики, затронутой в нашей работе, связаны с тщательным анализом языкового облика как можно большего числа текстов на чешском литературном языке различного территориального происхождения, причем изучение языка памятников обязательно должно проводиться в рамках единой методики исследования. Объем и труднодоступность материала, а также сложность интерпретации фактов истории литературного чешского языка, не все разделы которой разработаны в достаточной мере, заставили нас ограничиться исследованием текстов одного жанра – деловой корреспонденции. Привлечение к исследованию текстов иных сфер чешской письменности – литературных памятников, актов городской администрации, а также городских книг позволит значительно обогатить наши знания о бытовании чешского литературного языка за пределами этнической территории. Кроме того, значительный интерес представляет изучение языкового облика чешских текстов, происходящих из Нижней Силезии, а также из Восточной Моравии, которая, хотя и является в историческом смысле частью земель чешской короны, а в настоящее время – регионом проживания чешской нации, в языковом отношении всегда значительно отличалась от иных территорий распространения чешского языка. Исследования такого рода, проводимые с опорой на труды предшествующих

поколений славистов, а также на последние достижения теории литературного языка и контактной лингвистики, значительно обогатят историю славянских литературных языков как современную лингвистическую дисциплину.

СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Отражение в текстах специфической вариантности

	Польша XV – 1 пол. XVI вв.	Верхняя Силезия XV – 1 пол. XVI вв.	Верхняя Силезия 2 пол. XVI – XVII вв.	Западная Словакия XV – 1 пол. XVI вв.	Западная Словакия 2 пол. XVI – XVII вв.
1. šč/šť	4/13	3/1	21/37	32/39	6/26
2. aj/ej	37/3	7/0	2/22	51/12	10/14
3. ó (o)/uo/ů	15/58/1	7/8/1	4/22/38	20/74/40	0/18/38
4. –ov/-uov/- ů(v)	26/18/0	11/1/1	0/3/16	26/31/9	15/4/16
5. –om/-uom/- ům	25/21/1	16/0/1	7/0/2	83/9/2	9/0/3
6. –ej/-é	22%/13%	42%/8%	17%/3%	26%/11%	49%/8%
7. –ej после мягк.				∞/6, 6% гр.	∞/14, 23% гр.
7. ú/ou	∞/15	15/3	83/66	∞/4	38/35

Таблица 2. Отражение в текстах центрально-чешских фонетических инноваций

	Польша XV – 1 пол. XVI вв.	Верхняя Силезия XV – 1 пол. XVI вв.	Верхняя Силезия 2 пол. XVI – XVII вв.	Западная Словакия XV – 1 пол. XVI вв.	Западная Словакия 2 пол. XVI – XVII вв.
Отражение центрально-чешских инноваций					
8. ý/ej	∞/2	∞/-	∞/36	∞/5	∞/7

9. ú/ou-	∞/0	∞/-	∞/21	∞/7	∞/8
10.é/ý	∞/18	∞/-	∞/24	∞/27	∞/5
11.o-/v-	∞/21	∞/-	∞/13	∞/43	∞/1

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ГРАМОТ

(информация о грамотах приводится согласно изданиям, послужившим источниками исследования и указанным в отдельных главах диссертации)

Грамоты польского происхождения

1. Mac8 – Toruň, 6.09.1454. Jan Bażyński, gubernátor země pruské, a purkmistr a rada města Toruň.
2. Mac11 – Brest, 19.01.1455. Kazimír, král polský.
3. Mac13 – Brest, 29.01.1455. Kazimír, král polský. Z vidimusu přepis XIX.st.
4. Mac14 – Piotrkov, 2.07.1455. Kazimír, král polský.
5. Mac15 – Plaveč (Slovensko), 21.12.1455. Petr Komorovský, hravě liptovský a oravský.
6. Mac18 – Golub-Dobrzyń, 25.04.1458. Rachval z Cimberka, hejtman na Holubi.
7. Mac19 – Krakov, 26.06.1465. Hanuš, kníže osvětimský a hlivický.
8. Mac21 – u Malenovic, 11.08.1470. Jakub z Dubna (Dębna) a Stanislav za Šidlovce, poslové polského krále.
9. Mac22 – Nowy Sącz, 18.10.1471. Kazimír, král polský.
10. Mac23 – Krakov, 1.10.1473. Kazimír, král polský.
11. Mac24 – Nowe Miasto Korczyn, 30.07.1474. Kazimír, král polský.
12. Mac25 – Krakov, 14.08.1474. Jakub z Dubna (Dębna), vojvoda sandoměřský a starosta krakovský.
13. Mac30 – Troky, 14.09.[1484]. Kazimír, král polský.
14. Mac31 – Krakov, 5.03.1486. Polští a čeští žoldnéři: Bernard Kalinovský, Jakup Napora, Jan Oražovský a jiní.
15. Mac32 – Piotrkov, 24.04.1488. Kazimír, král polský.
16. Mac33 – Krakov, 7.07.1490. Kazimír, král polský.
17. Mac34 – Krosno, 3.09.1491. Jan Zaltieský spolu se svými žoldnéři.
18. Mac37 – Krakov, 20.10.1492. Jan Albrecht, král polský.

19. Mac39 – Krakov, 7.09.1495. Magdalena, kněžna opolská, Machna, kněžná opavská.
20. Mac44 – Krakov, 5.03.1507. Zikmund, král polský.
21. Mac45 – Krakov, 19.03.1507. Zikmund, král polský.
22. Mac46 – Vilno, 27.07.1507. Zikmund, král polský.
23. Mac47 – Troky, 8.10.1507. Zikmund, král polský.
24. Mac48 – Krakov, 4.01.1508. Zikmund, král polský.
25. Mac50 – Sandoměř, 15.05.1508. Zikmund, král polský.
26. Mac52 – Krakov, 29.06.1512. Zikmund, král polský.
27. Mac53 – Krakov, 3.05.1520. Zikmund, král polský.
28. Mac54 – Toruň, 3.05.1520. Zikmund, král polský.
29. Mac55 – Krakov, 12.05.1521. Zikmund, král polský.
30. Mac56 – Krakov, 8.05.1524. Zikmund, král polský.
31. Mac57 – [Krakov], 13.08.1525. Zikmund, král polský.
32. Mac58 – Olomouc, 5.06.1527. Krzysztof Szydłowiecki, kancléř království polského.
33. Mac59 – Niepołomice, 10.07.1527. Krzysztof Szydłowiecki, kancléř království polského.
34. Mac61 – Krakov, 14.08.1532. Zikmund, král polský.
35. Mac65 – Krakov, 12.03.1540. Zikmund, král polský.
36. Mac66 – Żywiec, 3.03.1551. Jan Komorovský a na Živci, kastelán polanecký.

Грамоты верхнесилезского происхождения

1. PT-1447 – dokument Eufenii, Bolesława a Przemysława książąt cieszyńskich z 1447 r. (Pamiętnik Cieszyński. T.6. 1993. S.125-127).
2. PT-1457 – Dokument księżnej Anny cieszyńskiej z 9 lutego 1457 roku (Pamiętnik Cieszyński. T.17. 2002. S.131-133).
3. Kn25-1483 – Tešín, 4.11.1483. Marta Ogrozenska a jej syn Stanislav.

4. Kn31-1488 – Pszczyna, 28.07.1488. Kazimír, kníže tešínský.
5. Kn34-1496 – Skoczów, 1.03.1496. Kazimír, kníže tešínský.
6. Kn48-1508 – Frýštát, 26.04.1508. Kazimír, kníže tešínský.
7. Kn54-1513 – Rostropice, 17.04.1513. Mikuláš Zwierzina.
8. Kn58-1515 – Opava, 19.01.1515. Kazimír, tešínský kníže.
9. Kn61-1517 – Tešín, 26.09.1517. Kazimír, kníže tešínský.
10. Kn66-1519 – Czechowice, 16.11.1519. Jan Misskowsky z Preciczowa.
11. Kn71-1523 – Opava, 27.07.1523. Jiří Brandenburšký.
12. Mc9-1541 – Těšín, 13.07.1541, адресант Václav, kníže tešínský.
13. Mc65-1569 – Těšín, 21.04.1569. Václav, kníže tešínský.
14. Mc66-1569, Těšín, 27.04.1569. Václav, kníže tešínský.
15. Mc72-1572, Těšín, 16.02.1572. Václav, kníže tešínský.
16. PT-1574 – Poručenství Kedruty Staré, 1574 (Pamiętnik Cieszyński. T.18. 2003. S.41-42.).
17. Mc79-1575, Těšín, 19.11.1575. Václav, kníže tešínský.
18. Mc84-1577, Těšín, 21.07.1577. Václav Mitmeier z Blogočic.
19. Mc86-1577, Těšín, 31.08.1577. Purkmistr a rada města Těšína.
20. Mc96-1580, Těšín, 5.10.1580. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a tešínská.
21. Mc107-1582, Těšín, 24.06.1582. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a tešínská.
22. Mc115-1586, Těšín, 25.01.1586. Sidonie Kateřina, kněžna saská etc. a tešínská.
23. Mc24-1589, Těšín, 2.11.1589. Theofil Bleicher, císařský faktor mědi v Těšíně.
24. Mc126-1590, Těšín, 25.09.1590. fojt a úplné právo města Těšína.
25. Mc127-1591, Jablunkov, 27.02. 1591. Fojt a rada města Jablunkova.
26. Mc130-1591, Těšín, 6.08.1591. Bartoloměj Skočovský, rychtář města Těšína
27. Mc132-1592, Těšín, 4.04.1592. Konrád Bieler a Václav Chudoba, měšťané tešínsští.
28. Mc139-1595, Těšín 28.04.1595,. Jan Lhotský ze Lhoty a na Horním Žukově, úředník na zámku Těšíně.
29. Mc144-1597, Těšín, 9.07.1597. Jan Lhotský ze Lhoty, hejtman na Těšíně.

30. Mc157-1606, Těšín, 27.02. 1606. Adam Václav, kníže těšínský.
31. Mc194-1615, Těšín, 13.08.1615. Adam Václav, kníže těšínský.
32. Mc205-1617, Frýdek, 28.07.1617. Jan st. Bruntálský z Vrbna a na Frýdku.
33. PT-1620 – Testament Jadwigi Jadwigi Trzanowskiej z r. 1620 (Pamiętnik Cieszyński. T.5. 1992. S.85-90).
34. Mc221-1620, Těšín, 21.06.1620. Kašpar Ručko z Rudz a na Kosobendzi, zemský maršálek těšínský.
35. Mc224-1620, 17.09.1620. Jablunkov. Simon Kapša, fojt jablunkovský.
37. Mcr8-1622 – Těšín, 10.01.1622. Pavel Vodička, měšťan těšínský.
38. Mcr9-1622 – Těšín, 8.02.1622. Purkmistr a rada města Těšína.
39. Mcr14-1622 – Jablunkov, 16.08.1622. Purkmistr a rada města Jablunkova.
40. Mcr19-1623 – Těšín, 25.02.1625. Purkmistr a rada města Těšína.
41. Mcr34-1626 – Těšín, 1.09.1626. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
42. Mcr40-1627 – Těšín, 30.12.1627. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
43. Mcr52-1629 – Jablunkov, 3.12.1629. Matys Dachtan, měšťan jablunkovský.
44. Mcr53-1630 – Těšín, 24.02.1630. Fojt a právo města Těšína.
45. Mcr54-1630 – Těšín, 22.06.1630. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
46. Mcr56-1630 – Těšín, 26.03.1630. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
47. Mcr57-1631 – Těšín, 19.03.1631. Fojt a konšelé města Těšína.
48. Mcr58-1631 – Frýdek, 22.06.1631. Purkmistr a rada města Frýdku.
49. Mcr60-1632 – Těšín, 17.02.1632. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
50. Mcr61-1632 – Těšín, 6.03.1632. Václav Kaluža v městě Těšíně.
51. Mcr62-1632 – Těšín, 6.03.1632. Úředníci těšínské kněžny Lukrecie.
52. Mcr64-1632 – Těšín, Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
53. Mcr66-1632 – Těšín, 30.06.1632. Fojt města Těšína.
54. Mcr67-1632 – Těšín, 10.07.1632. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
55. Mcr68-1633 – Těšín, 24.10.1633. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
56. Mcr72-1635 – Těšín, 24.06.1635. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
57. Mcr76-1635 – Těšín, 24.08.1635. Alžběta, kněžna těšínská.

58. Mcr91-1637 – Jablunkov, 26.12.1637. Jurek z Kluzu, vojvoda valašský.
59. Mcr92-2 pol.XVII – Těšín, 2 čtv. XVII st. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
60. Mcr93-1638 – Jablunkov, 8.03.1638. Adam Dyas, purkmistr jablunkovský.
61. Mcr98-1639 – na pasu Jablunkovském, 12.10.1639. Jiřík Lankošů, svobodník na jablunkovských šancích.
62. Mcr103-1640 – Těšín, 10.07.1640. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
63. Mcr104-1640 – Těšín, 11.09.1640. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
64. Mcr110-1641 – Jablunkov, valašský vojvoda.
65. Mcr120-1643 – Skočov, 21.12.1643. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
66. Mcr127-1645 – Těšín, leden 1645, Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
67. Mcr130-1645 – Jablunkov, 12.05.1645. Purkmistr a rada města Jablunkova.
68. Mcr132-1645 – Těšín, 26.07.1645. Alžběta, kněžna těšínská.
69. Mcr133-1645 – Těšín, 4.08.1645. Alžběta, kněžna těšínská.
70. Mcr136-1646 – Jablunkov, 2.06.1646. Helena Jagoška z Jablunkova.
71. Mcr144-1648 – Těšín, 20.08.1648. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
72. Mcr145-1648 – Těšín, 6.09.1648. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
73. Mcr154-1652 – Těšín, 24.05.1652. Obyvatelé města Těšína.
74. Mcr159-1653 – Frýdek, 15.02.1653. Purkmistr a rada města Frýdku.
75. Mcr160-1653 – Těšín, 20.02.1653. Alžběta Lukrecie, kněžna těšínská.
76. Mcr162-1654 – Těšín, 27.01.1654. Esthera Reicsova, vdova v Těšíně.
77. Mcr163-1654 – Těšín, 20.02.1654. Kašpar Borek z Tvorkova.
78. Mcr169-1661 – Těšín, 22.08.1661. J.H. Kozehlovský, úředník těšínský.
79. Mcr170-1662 – Těšín, 26.09.1662. Purkmistr a rada města Těšína.
80. Mcr173-1661 – без места, 1664. Samuel Singer, žid a mýtný těšínský.
81. Mcr205-1680 – Těšín, 12.02.1680. Primátor a rada města Těšína.
82. Mcr215-1692 – Těšín, 7.06.1692. Hejtman Těšína.

Грамоты западнословацкого происхождения

1. Kn1-1432 – Skalica, 14.4.1432. Stibor zo Stiboříc a Beckova (opis XV. st.)
2. Kn4-1459 – Trnava, 2.12.1459. Gróf Ján zo Svätého Jura a Pezinka.
3. Kn11-1472 – Žilina, 26.03.1472. Lukáč Kardoš, majitel Domaníža).
4. Kn14-1478 – Budatín, 6.02.1478. Rafael z Hatného.
5. Kn15-1479 – Varín, 20.04.1479. Fojt a ráda mesta Varína.
6. Kn16-1479 – Vršatec, 9.09.1479. Melichar zo Slopnej.
7. Kn17-1479 – Žilina, 10.09.1479. Ladislav Csicskány z Rudiny.
8. Var2-1483 – Trnava, 1483. Matyáš Korvín, kráľ uhorský a český.
9. Kn24-1483 – Trenčín, 2.02.1483. Ladislav Podmanický, Viliam Tetauer.
10. Kn26-1484 – Žilina, 9.07.1484. Mikuláš Hlimka.
11. Kn27-1484 – Bystrica, 15.08.1484. Ladislav Podmanický.
12. Kn29-1485 – Varín, 4.05.1485. Mesto Varín.
13. Kn33-1491 – Bystrica, 10.11.1491. Teofil Thurzo a jeho spoločníci.
14. Kn47-1507 – Červený Kameň, 26.09.1507. Petr zo Svätého Jura a Pezinka a jeho manželka Žofia.
15. Kn49-1508 – Beckov, 3.05.1508. Rada mesta Beckova.
16. Kn50-1508 – Starý Hrad, 7.05.1508. Žofia z Waldsteina, manželka Petra zo Svätého Jura a Pezinka.
17. Var9-1509 – Starý Hrad, 7.08.1509. Žofia, grófka zo Svätého Jura a z Pezinku.
18. Var10-1509 – Trnava, 11.12.1509. Juraj Belušský z Červeného Kameňa.
19. Var13-1512 – Trnava, 1.05.1512. Pavol Holý z Hradnej, mešťan trnavský.
20. Var14-1512 – Čachtice, 11.11.1512. Žigmund z Očkova.
21. Var15-1512 – Trnava, 6.12.1512. Ladislav z Maršovej, úradník na Červeném Kameni.
22. Var17-1513 – Trnava, 25.04.1513. Ladislav z Maršovej, úradník na Červeném Kameni.

23. Kn59-1515 – Prešporok, 28.05.1515. Gróf Peter zo Svätého Jura a Pezinka a Žigmund Kaffunk.
24. Var23-1516 – Nové Mesto nad Váhom, 22.12.1516. Richtár a rada Nového Mesta nad Váhom.
25. Kn63-1519 – Pezinok, 5.05. alebo 15.09.1519. Gróf František a gróf Vlk zo Svätého Jura a Pezinka.
26. Var24-1519 – Trnava, 30.11.1519. Richtár a rada mesta Trnavy.
27. Kn67-1520 – Trenčianská stolica, 2.05.1520. Slúžní Trenčianskej stolice.
28. Var25b-1522 – Vrbové, 6.06.1522. Fojt a rada mestiečka Vrbového.
29. Var26-1522 – Hrad Branč, 21.08.1522. Peter Korlátsky z Bučian, dvormajster kráľa a komarňánsky župan.
30. Var28-1525 – Trnava, 25.01.1525. Pavol Hrnček, mešťan trnavský.
31. Var29-1526 – Trenčín, 22.01.1526. Richtár a rada mesta Trenčína.
32. Var30-1527 – Trenčín, 24.04.1527. Richtár a rada mesta Trenčína.
33. Var31-1527 – Hrad Ostriez, 21.05.1527. Matej Chorvát, kastelán na hrade Ostriezi.
34. Var32-1527 – Hrad Ostriez, 23.06.1527. Matej Chorvát, kastelán na hrade Ostriezi.
35. Var37-1528 – Skalica, 31.07.1528. Rada mesta Skalice.
36. Var38-1528 – Ilava, 30.11.1528. Rada mestiečka Ilavy.
37. Var39-1529 – Skalica, 25.01.1529. Rada mesta Skalice.
38. Var40-1529 – Skalica, 11.02.1529. Rada mesta Skalice.
39. Var41-1529 – Nové Mesto nad Váhom, 31.05.1529. Rada Nového Mesta nad Váhom.
40. Var43-1529 – Senica, 24.06.1529. Žigmund Korlátsky.
41. Var45-1529 – Trnava, september 1529. Rada mesta Trnavy.
42. Var48-1530 – Senica, 28.03.1530. Fojt a starší mestiečka Senice.
43. Var49-1530 – Zavar, 19.04.1530. Katarína ze Zavaru.
44. Var57-1531 – Chtelnica, 28.12.1531. Fojt a rada mestiečka Chtelnice.

45. Var58-1532 – Skalica, 10.05.1532. Rada mesta Skalice.
46. Var59-1532 – Hlohovec, 6.06.1532. Rada mesta Hlohovce.
47. Var60-1532 – Pezinok, 3.09.1532. Gróf Vlk zo Svätého Jura a z Pezinku.
48. Var63-1532 – Holíč, 12.12.1532. Gašpar Cobor zo Sv. Michala a na Holíči.
49. Var66-1534 – Skalica, 6.10.1534. Rada mesta Skalice.
50. Var68-1534 – Skalica, 7.11.1534. Rada mesta Skalice.
51. Var69-1535 – Beckov, 10.01.1535. Richtár a rada mesta Beckova.
52. Var70-1535 – Beckov, 11.02.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
53. Var71-1535 – Beckov, 22.02.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
54. Var72-1535 – Beckov, 8.04.1535. Štefan Čóka (Czoka) z Kykeházu, úradník na zámku Beckove.
55. Var73-1535 – Stráže nad Myjavou, 2.05.1535. Gašpar Cobor zo Sv. Michala a na Holíči.
56. Var77-1536 – Trnava, 15.01.1536. Rada mesta Trnavy.
57. Var79-1536 – Skalica, 5.05.1536. Rada mesta Skalice.
58. Var84-1537 – Skalica, 23.01.1537. Rada mesta Skalice.
59. Var88-1537 – Skalica, 30.07.1537. Rada mesta Skalice.
60. Var89-1537 – Hrad Korlát, 9.08.1537. Žigmund Korlátsky z Bučian a na Branči.
61. Var90-1537 – Senica, 26.08.1537. Fojt a starší mestečka Senice.
62. Var91-1537 – Trenčín, 30.08.1537. Mikuláš Bobocký, mešťan trenčianský.
63. Var94-1538 – Neštich (dnes Smolenická Nová Ves), 20.01.1538. Fojt, starší a celá obec Nešticha.
64. Var95-1538 – Skalica, 29.01.1538. Rada mesta Skalice.
65. Var96-1538 – Kochanovice, 25.03.1538. Mikuláš Kochanovský z Kochanoviec.
66. Var97-1538 – Dobrá Voda, 9.06.1538. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.

67. Var100-1538 – Dobrá Voda, 3.07.1538. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.
68. Var107a-1539 – Senica, 19.06.1539. Fojt a rada mestečka Senice.
69. Var107b-1539 – Dobrá Voda, asi 23.06.1539. Štefan z Dechtíc a Michal zo Senji, úradníci na Dobrej Vode.
70. Var111-1540 – Rožňové Mitice, 5.02.1540. Ján Rožeň z Rožňových Mitíc.
71. Var113-1540 – Trnava, 23.03.1540. Rada mesta Trnavy.
72. Var119-1540 – Hlohovec, 8.08.1540. Richtár a rada mesta Hlohovca.
73. Var121-1541 – Trnava, 24.03.1541. Rada mesta Trnavy.
74. Var124-1541 – Ilava, 1.06.1541. Ján Lamač.
75. Var129-1541 – Skalica, 18.09.1541. Richtár a rada mesta Skalice.
76. Var133-1542 – Skalica, 6.01.1542. Rada mesta Skalice.
77. Var135-1542 – Trnava, 11.01.1542. Rada mesta Trnavy.
78. Var139-1542 – Ilava, 26.03.1542. Richtár a rada mesta Ilavy.
79. Var142-1542 – Dobrá voda, 3.07.1542. Albert z Močenku, úradník na Dobrej Vode.
80. Var157-1543 – Skalica, 14.06.1543. Rada mesta Skalice.
81. Var164-1543 – Trnava, 3.09.1543. Rada mesta Trnavy.
82. Var172-1543 – Dobrá Voda, 1543. Albert z Močenku, úradník na Dobrej Vode
83. Var174-1544 – Trnava, 29.01.1544. Rada mesta Trnavy.
84. Var180-1544 – Hlohovec, 12.05.1544. Rada mesta Hlohovca.
85. Var188-1544 – Skalica, 28.08.1544. Rada mesta Skalice.
86. Var191-1545 – Vrbové, 14.01.1545. Štefan Šočovič, vrbovský úradník čachtického panstva.
87. Var192-1545 – Trnava, 15.01.1545. Rada mesta Trnavy.
88. Var198-1545 – Hlohovec, 7.04.1545. Rada mesta Hlohovca.
89. Var207-1546 – Nové Mesto nad Váhom, 8.01.1546. Rada Nového Mesta nad Váhom.
90. Var209-1546 – Trnava, 15.03.1546. Rada mesta Trnavy.

91. Var215-1546 – Hlohovec, 21.11.1546. Rada mesta Hlohovca.
92. Var216-1547 – Považská Bystrica, 4.02.1547. Rafael z Podmanina a na Bystrici.
93. Var220-1548 – Hlohovec, 21.05.1548. Rada mesta Hlohovca.
94. Var223-1548 – Skalica, 17.08.1548. Rada mesta Skalice.
95. Var227-1549 – Borský Svätý Mikuláš, 6.03.1549. Michal Ovčarovič, úradník na hrade Ostriéži
96. Var231-1549 – Holíč, 16.10.1549. Peter Bakič z Laku a na Holíči
97. Var236-1549 – Cífer, 9.12.1549. Gregor Apáthi, úradník na panstve v Cíferi
98. Var243-1550 – Trnava, 30.05.1550. Rada mesta Trnavy.
99. Var247-1550 – Vrbové, 24.07.1550. Rada mestečka Vrbového.
100. Var253-1550 – Hlohovec, 5.12.1550. Križan Šemelák, hlohovský hajtman.
101. Mc28-1552 – Trnava, 11.06.1552. Rychtár a rada města Trnavy.
102. Mc61-1567 – Budětín, 20.07.1567. Uředníci panství budětinského.
103. Mc63-1568 – Budětín, 21.01.1568. Rafael Sunek z Jesenice a na Budětíně.
104. Potv1576 – Potvdenie o pôžičke (Budmerice, 1576) / Prameny k dejinám slovenčiny 2. Bratislava: Veda, 2002. S.11.
105. Mc92-1578 – Budětín, 25.11.1578. Rafael a Jan Sunekové z Jesenice a na Budětíně.
106. Mc95-1580 – na Rovni (Trenčín), 1.05.1580. Štefan Telekesy z Debretu a na Lednici.
107. Mc109-1583 – Bytča, 8.11.1583. Emerich Forgách, hlavní župan stolice Trenčínské.
108. Záp-1599 – Zápis o nactiutraní (Cífer, 1599) / Prameny k dejinám slovenčiny 2. Bratislava: Veda, 2002. S.11-12.
109. Mc169-1608 – Trenčín, 8.09.1608. Rychtár a rada města Trenčina.
110. Mc189-1615 – Bytča, 17.03.1615. Jiří Thurzo z Betlenfalvy, uherský palatín.
111. Mc197-1615 – Bytča, 2.10.1615. Jiří Thurzo z Betlenfalvy a na Bytči, uherský palatín.
112. Mcr1-1621 – Žilina, 12.01.1621. Žilinský rychtár Jiří Brezanský.

113. Mcr3-1621 – Trenčín, 28.03.1621. Barta Michal.
114. Mcr25-1624 – Skalica, 20.08.1624. Rychtář, purkmistr a celá obec města Skalice.
115. Mcr65-1632 – Budatín, 2.06.1632. Ostrosith Barbara, paní budatínská.
116. Mcr74-1635 – Žilina, 15.08.1635. Martin Krčner, fojt města Žiliny.
117. Mcr75-1635 – Budatín, 21.08.1635. Kašpar Sunek, majitel panství budatínského.
118. Mcr77-1635 – Budatín, 28.08.1635. Kašpar Sunek.
119. Mc86-1637 – Budatín, b.d. Kašpar Sunek.
120. Mcr99-1639 – Trenčín, 18.12.1639. Hr. Illéshazy.
121. Mcr100-1640 – Bánovce (nad Bebravou), 17.01.1640. Hr. Illéshazy
122. Mcr106-1641 – Trenčín, 12.04.1641. Závěť Václava Vokála, měšťana trenčínského.
123. Mcr118-1643 – Trenčín, 29.04.1643. Radní města Trenčína.
124. Mcr121-1642 – Trenčín, 1641-1642. Zápisy tykající se příchozích z českých zemí.
125. Mcr124-1644 – Holíč, 25.06.1644. Purkmistr a rada města Holíče.
126. Mcr138-1646 – Kysucké Nové město, 24.07.1646. Petr Hrabovský, úředník budatínský.
127. Mcr143-1648 – dedina Čierna (na Čadecku), maň 1648. Poddaní z dědiny Čierné na Čadecku.
128. Mcr146-1649 – Žilina, 21.07.1649. Jeremiáš Fabricius, notář žilinský.
129. Mcr153-1651 – Kysucké Nové Mesto, 8.11.1651. Petr Hrabovský, úředník budatínský.
130. Mcr164-1654 – Trenčín, 18.05.1654. Jiří Illésházy.
131. Mcr167-1660 – Žilina, 5.11.1660. Rychtář a rada města Žiliny.
132. Mcr206-1680 – Turzovka, 14.08.1680. Juro Jantulík, správce hradu a pevnosti Halamoví.

133. Mcr207-1681 – Predmier u Turzovky, 5.10.1681. Jura Šamraj, rychtář predmierský.
134. Mcr208-1682 – Žilina, 12.04.1682. Alžbeta a Barbora ze Žiliny.
135. Mcr209-1682 – Turzovka, 6.08.1682. Juro Jantula, desátník.
136. Mcr216-1693 – Stará Turá, 5.12.1693. Rychtář a úřad městečka Staré Turé.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Ars Philologica, 2013. 476 с.
2. Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка. М.: УРСС, 2009. 304 с.
3. Андерш Й. Українсько-чеські мовні контакти [Электронный ресурс] // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2000. Режим доступа: <http://litopys.org.ua/ukrmova/um134.htm> (Дата обращения: 25.10.2012).
4. Будилович А. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т.2. Варшава: Типографія Марії Зимкевич, 1892. 400 с.
5. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
6. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978.
7. Гудков В. П. Вопросы теории литературного языка в свете истории литературного языка у сербов // Историко-культурные и социоллингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. Ноябрь 1993 г. М.: ИСБ РАН, 1993. С.6-7.
8. Гухман М. М. Литературный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.270-271.
9. Гухман М. М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С.502-548.
10. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка IX-XV вв. М.: Наука, 1983. 200 с.

11. Демина Е. И. К проблеме становления литературных языков славянских народов на преднациональном этапе их историко-культурного развития: типология процесса // Литературные языки в контексте культуры славян. Отв. ред. Г. К. Венедиктов. М.: ИСл РАН, 2008. С.5-23.
12. Дубинин С. И. Немецкий литературный язык позднего Средневековья. Юго-западный ареал. Самара: Издательство «Самарский университет», 2000. 198 с.
13. Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. — М.: Издательство МГУ, 1988. С. 49-98.
14. Живов В.М. Язык Феофана Прокоповича и роль гибридных вариантов церковнославянского в истории славянских литературных языков // Советское славяноведение. М., 1985. №3. С.70-85.
15. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 369 с.
16. Запольская Н. Н. "Общий" славянский литературный язык: Типология лингвистической рефлексии. М.: Издательство «Индрик», 2003. 238 с.
17. Запольская Н. Н. Грамматика общеславянского литературного языка XVII века: к проблеме интерлингвальной гибридности // *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVII secolo*. A cura di M. Ciccarini e K. Żaboklicki, Varsavia-Roma: Accademia Polacca delle Scienze, Biblioteca e Centro di Studi a Roma, 1999. P. 143-151.
18. Запольская Н. Структурно-функциональный статус гибридных вариантов славянских литературных языков. (Библия Ф. Скорины) // Доклады по проблемам языкознания. К XI Международному съезду славистов в Братиславе. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 41–62.
19. Исаченко А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Вопросы языкознания. 1958. № 3. С. 42-45.

20. Каверина В.В. Узуальная норма деловой письменности XVII века: орфография префиксов. Под ред. Л. А. Илюшиной. М.: МАКС Пресс, 2004. 80 с.
21. Копосов Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII-XVIII вв. Москва: МПУ, 2000. 287 с.
22. Лавриненко А. Польское языковое влияние в староукраинской деловой письменности XIV-XV веков. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. 326 s.
23. Лазуткина Е. М. Термин «литературный язык» // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8-10 июня 2012 г.). М.: Издательство «Вест-Консалтинг», 2013. С.375-383.
24. Лифанов К. В. Генезис словацкого литературного языка. Muenchen: LINCOM EUROPA, 2001. 234 с.
25. Нещименко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.
26. Нещименко Г. П. Языковая ситуация в Чехии в XII—XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С.216-232.
27. Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.
28. Первольфъ І. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ III. Славянская идея в политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ Славянъ до конца XVIII вѣка. Часть I. Западныя славяне. Варшава: Типографія К. Ковалевскаго, 1890. 262 с.
29. Райнхарт Й. Межславянские переводы в период позднего Средневековья и раннего Нового времени (до конца XVI в.) // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Выпуск 11. М., 2004.
30. Ремнева М. Л. История русского литературного языка М: Издательство МГУ, 1995. 400 с.

31. Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. Ред. Б. А. Серебренников. Москва: Наука, 1970. С.549-596.
32. Смирнов Л. О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка. Вопросы языкознания. 1969. №6. С.103-113.
33. Тихомирова Т. С. Польский язык // Языки мира: Славянские языки . РАН. Институт языкознания; ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 347-383.
34. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 239 с.
35. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. Избранное. Москва: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.385-438.
36. Широкова А. Г., Нещименко Г. П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 9-85.
37. Atlas slovenského jazyka. 1. Vokalizmus a konsonantizmus. Č.1. Mapa. Vydavateľstvo SAV, 1968. 303 s.
38. Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia. Č.2. Úvod, komentáre. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1978. 188 s.
39. Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 463 s.
40. Bělič J. O jazykové příslušnosti nářečí na Těšínsku // Naše řeč, 58. 1975, Č.4 S.205-210.
41. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. 805 s.
42. Bystroń J. O vlivu češtiny na jazyk polský ve knížectví Těšínském // Slovanský sborník, V. 1886. S. 351-356, 417-421.

43. Středověké listy ze Slovenska. Sbierka listov a listín písaných jazykom národným z rokov 1462-1490. Vyd. Chaloupecký V. Bratislava: Nakl. «Melantricha», 1937. 266 s.
44. Cymorek V. Polská identita na území Těšínského Slezska (bakalářská práce, Masarykova univerzita). Brno, 2012. 59 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://is.muni.cz/th/329073/pedf_b/bakalarska_prace_Cymorek_Vlastimil.pdf (Дата обращения: 4.05.2013).
45. Czambel S. Príspevky k dejinám jazyka slovenského. Budapešť: Nákladem vlastným, 1887. 130 s.
46. Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť: Nákladem vlastným, 1903. 269 s.
47. Décsy Gy. Čeština v středověkých Uhrách // Studia slavica. Tomus I. Budapest, 1955. S.278-286.
48. Dejna J. Z zagadnień polsko-czeskiego pogranicza językowego // Česko-polský sborník vědeckých prací II. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. S.113-131
49. Ďurovič Ľ. Konceptie spisovného jazyka – chrbtová kosť slovenskej kultúrnej histórie // Ďurovič Ľ. O slovenčine a Slovensku. Vybrané štúdie I. Bratislava: Veda, 2004. S.251-265.
50. Dvořáková I. K česko-slovenským jazykovým vztahům v raném novověku // Čeština doma a ve světě. Ročník XII. Red. M. Nábělková, J. Tábořský. №3-4. 2004. S.167-191.
51. Dziwulski W. Rola języka czeskiego na polskich obszarach Górnego Śląska w XV-XVII wieku i proces zastępowania go językiem polskim // Kwartalnik Opolski, 20. 1974. N.1. S.59-78
52. Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. I. Hlaskosloví. 2 vyd. Praha: Nakladatelství československé Akademie věd, 1963. III/1. Tvarosloví – skloňování. 1 vyd. Praha-Vídeň: F. Tempský, 1896.
53. Giger M. Die Sprachsituation in der Slowakei: Diglossie in der Vergangenheit und ihre Spuren in den Gegenwart // Leeuwen-Turnovcová, J. van, Richter N. (Hrsg.)

Entwicklung slawischer Literatursprachen, Diglossie, Gender (Literalität von Frauen und Standardisierungsprozesse im slawischen Areal). Beiträge des Kolloquiums an der FSU-Jena, Dezember 2004, München: Otto Sagner, 2006. S.91-125.

54. Giger M. Otázka aplikace termínu 'diglosie' na předmoderní jazykové situace (na příkladě situace ve starém Rusku a na Slovensku 17./18. stol.) // Acta Slavica et Baltica vol. VI. Sociální aspekty spisovných jazyků slovanských: sborník příspěvků ze zasedání Komise pro spisovné slovanské jazyky při Mezinárodním komitétu slavistů v Praze 16.-17. září 2005. Praha: Euroslavica, 2006. S.73-86.

55. Greń Z. Miejsce języka czeskiego w historii Śląska Cieszyńskiego // Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor Teresie Zofii Orłóš. Red. H. Wróbel. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. S.95-103.

56. Greń Z. Wielojęzyczność w Księstwie Cieszyńskim // Wielojęzyczność. Kontakty językowe w rozwoju kultur słowiańskich. Red. S. Dubisz i I. Stapor. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztora, 2008. S.241-265.

57. Habovštiaková K. O vzťahu slovenčiny a češtiny v slovenských písemnostiach zo XVII.-XVIII. storočia // Slavia, 36. 1968. Č.2. C.235-252.

58. Habovštiaková K. Vplyv nárečí a spisovnej češtiny na formovanie spisovnej slovenčiny // Prednášky XIII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: ALFA, 1977. S.113-123.

59. Hannan K. Borders of Language and Identity in Teschen Silesia. Berkeley Insights in Linguistics and Semiotics. Vol. 28. New York, Bern, Berlin, Frankfurt/M., Paris, Wien: Peter Lang Publishers, 1996. 246 s.

60. Hausenblas K. O jazykové kultuře // O češtině pro Čechy. Praha: Orbis, 1960. S. 5-17.

61. Havránek B. Expanse spisovné češtiny od 14. do 16. století // Co daly naše země Evropě a lidstvu I. Praha: Evropský literární klub, 1998. S.??? (1-е издание – 1939 г.).

62. Havránek B. K historické dialektologii // Slovo a slovesnost, XVI. 1955. S.153-159.

63. Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého // Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S.1-144.
64. Horálek K. K problematice dějin spisovného jazyka // Studie a práce lingvistické. I. Praha: Academia, 1954. S.369-375.
65. Horálek K. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha: Československá akademie věd, 1962. 487 s.
66. Hrabák J. O regionalismu v české literatuře doby předhusitské // Hrabák J. Studie ze starší české literatury. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1956. S.69-79.
67. Jakobson R. Slezskopolská cantilena inhonesta ze začátku XV. století // Národopisný věstník českoslovanský, 27. 1934. S.56-84.
68. Jansen O. Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu. Praha: Evropský literární klub, 1939. S.9-20.
69. Jedlička A. Studium současných spisovných jazyků slovanských a problematika normy // Slovo a Slovesnost, 29. 1968. Č.2. S. 113-125.
70. Jež R. Těšínští Piastovci a Jejich Vztahy s Pernštejný v 16. Století (s edicí korespondence z let 1554-1581). Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Brno, 2007. 231 s. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://is.muni.cz/th/63955/ff_m/ (Дата обращения: 27.12.2013).
71. Király P. Zur Frage der ältesten slowakischen Sprachdenkmäler // Studia slavica. Tomus IV. Fasciculi 1-2. Budapest, 1958. S.113-158.
72. Stredoveké české listiny. Red. Š. Kniezsa. Budapešť: Akadémiai Kiadó, 1952. 207 s.
73. Kniha žilinská. Vyd. V. Chaloupecký. Bratislava: Nákl. Učené společnosti Šafaříkovy, 1934. 239 s.
74. Knop A. Spisovná čeština ve Slezsku v 16. století. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965. 175 s.
75. Komárek M. Historická mluvnice česká, sv. I. Hláskosloví. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1962. 192 s.

76. Kotulič I. K otázke úzu kultúrnej slovenčiny // *Studia linguistica Polono-Slovaca*, I. Red. K. Rymut et al. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich – Wydawnictwo Polskiej akademii Nauk, 1988. S.197-213.
77. Kotulič I. K pojmu „kultúrna slovenčina“ (Príspevok k metodologickej problematike výskumu písomne nedoloženej kultúrnej slovesnosti.) // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*. 23-24. 1971-1972. Red. Š. Ondruš. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974 S. 293-305.
78. Kotulič I. O formování kultúrneho jazyka slovenské národnosti // *Jazykovedný časopis*. 19. 1968. №1-2. S.134-139.
79. Koupil O. *Grammatykáři. Gramatografická a kulturní reflexe češtiny 1533-1672*. Praha: Karolinum, 2007. 330 s.
80. Krajčovič R. Čeština a slovenčina v starších archiváliách v predpisovnom období. *Vysokoškolské skripta FF UK*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 1991. 103 s.
81. Krajčovič R. Hlavné fázy formovania kultúrnej západoslovenčiny // *K počiatkom slovenského národného obrodzenia* . Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. S.171-180.
82. Krajčovič R. K problematike formovania kultúrnej západoslovenčiny // *Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica*, 14. Red. E. Pauliny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1962. S. 67-101.
83. Krajčovič R. Najstaršia perecká kniha mesta Trnavy // *Jazykovedné štúdie*. 6. Štúdie a pramene k dejinám jazyka slovenskej národnosti. Red. E. Pauliny. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 1961. S. 41-65.
84. Krajčovič R. Slovenčina a slovanské jazyky. I. Praslovanská genéza slovenčiny. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974. 324 s.
85. Krajčovič R. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988. 343 s.

86. Krajčovič R., Žigo P. Krajčovič R., Žigo P. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava: Univerzita Komenského, 2002. 249 s.
87. Kubok B. Język na pograniczach. Dawne słownictwo gwar cieszyńskich w świetle kontaktów językowych. Język na Pograniczach. Vol. 39. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2011. 336 s.
88. Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historická mluvnice češtiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1986. 423 s.
89. Lauersdorf M.R. Kultúrna slovenčina administratívno-právnych textov zo 16. storočia „Čo s fonológiou a morfológiou?“ // Varia VII. Zborník materiálov zo VII. kolokvia mladých jazykovedcov (Modra-Piesok 3. – 5. 12. 1997). Zost. M. Nábělková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri SAV, 1998 S.309-313.
90. Lauersdorf, M.R. Slovak Standard Language Development in the 15th-18th Centuries: A Diglossia Approach // Where One's Tongue Rules Well: A Festschrift for Charles E. Townsend. Eds. Janda, L. et al. Bloomington: Indiana University, 2002. P. 245-264.
91. Lauersdorf, M.R. The question of “cultural language” and interdialectal norm in 16th century. München: Verlag Otto Sagner, 1996. 267 s.
92. Lauesdorf M. R. Kultúrna slovenčina administratívno-právnych textov zo 16. storočia “Čo s fonológiou a morfológiou?” // Varia. Zborník materiálov zo VII. kolokvia mladých jazykovedcov (Modrá-Piesok 3.-5.12.1997). Zost. M. Nábělková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť SAV, 1998. S.309-313.
93. Lauesdorf M. R. Protestant Language Use in Century Slovakia in a Diglossia Framework // Život slova v dejinách a jazykových vzťahov (Na sedemdesiatiny profesora Jana Doruľu). Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2003. S.49-60.
94. Lauesdorf M. R. Slovenčina na začiatku mladšieho predpisovného obdobia (15. – 16. storočie): Keď ani viac dát nestačí // Varia XX. Zborník príspevkov z XX. kolokvia mladých jazykovedcov (Častá-Papiernička 24.-26.11.2010). Ed. G.

Múcsková. Bratislava: Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Jazykovednom ústave Ľudovíta Štúra SAV, 2012. S.391-394.

95. Machej A. Uwagi nad językiem kancelarii w księstwie cieszyńskim w czasach nowożytnych // Pamiętnik Cieszyński, 19. 2004. S.99-102.

96. Macůrek J. České země a Slovensko (1620-1750). Studie z dějin politických, hospodářských a interernických vztahů. Brno: Universita J. E. Purkyně, 1969. 339 s.

97. Macůrek J. České země a Slovensko ve století před Bílou horou. Z dějin vztahů v oblasti zemědělství, řemesla, obchodu a vzájemné obrany. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1958. 418 s.

98. Macůrek J., Rejnuš M. K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století // Slovanské historické studie, IV. 1961. S.163-261.

99. Macůrek, J. Po stopách spisovné češtiny v jihozápadní Ukrajině koncem 14. a v 1. polovině 15. století. // Franku Wollmanovi k sedmdesátinám. Ed. Závodský A. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1958. S. 42-63.

100. Malicki J. Język czeski na Śląsku w kontekście śląskich dziejów języka polskiego i niemieckiego. Pytanie o granice historii języka // Podzwonne dla granic. Polsko-czeskie linie podziałów i miejsca kontaktów w języku, literaturze i kulturze. Red. J. Lipowski, D. Żygadło-Czopnik. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2009. S. 375-387.

101. Malicki J. Język polski i język czeski na południowej rubieży Dolnego Śląska w wiekach średnich // Rozprawy Komisji Językowej WTN, XXXIII. 2006. S. 281-287.

102. Malicki, J. Slezsko-česká jazyková pospolitost ve vývoji jazykového vědomí Čechů a Moravanů do konce 18. století // Listy filologické, CXXX. 2007. Seš. 3-4. S. 295-310.

103. Małysz B. Úřední jazyky a jazyk lidu. O těšínské polštině v давných dobách // Poláci na Těšínsku. Studijní materiál. Český Těšín: Kongres Poláků v České republice, 2009. S.16-21.

104. Mayerowa M. R. Problemy i stanowiska w dyskusji o pochodzenie polskiego języka literackiego // Pochodzenie polskiego języka literackiego. Wrocław: Zakład imienia Ossolińskich. Wydawnicwo Polskiej Akademii Nauk, 1956. S.453-471.
105. Mazur A. Národnostní vývoj na území ČSSR se zvláštním zaměřením na Slezsko a ostravskou průmyslovou oblast: vyberova bibliografie. Sv. 1. Ostrava : Profil, 1969. 649 s.
106. Nábělková M. Slovenčina a čeština v kontakte: Pokračovanie príbehu. Bratislava, Praha: Veda, Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2008. 364 s.
107. Nehring W. Ueber den Einfluss der alttscheischen Literatur auf die altpolnische // Archiv für slavische Phlologie, I. 1876. S. 60-81. II. 1877. S. 409-436.
108. Němec I., Michálek E. Žilinská kniha jako pramen slovenské a české historické lexikografie // Jazykovedné štúdie. XVII. Bratislava, 1982. S.5-14.
109. Novák Ľ. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. 1938. Č. 2-5. C.105-111, 159-173, 217-222, 281-287.
110. Novák Ľ. Čeština na Slovensku v predspisovnom období // Studia Academica Slovaca. 11. Prednášky XVII. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Red. J. Mistrik. Bratislava, 1982, S.377-393.
111. Novák Ľ. Essay k diskusii o Žilinskej knihe // Slovenské pohľady. Red. A. Mráz. Roč.51. 1935.
112. Pallas L. Jazyková otázka a podmínky vytváření národního vědomí ve Slezsku. Ostrava: Profil, 1970. 163 s.
113. Pauliny E. Čeština a jej význam pri rozvoji slovenského spisovného jazyka a našej národnej kultúry // O vzajomných vzťahoch Čechov a Slovákov. Sborník materiálov z konferencie Historického ústavu SAV. Bratislava, 1956. S.99-124.
114. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983. 256 s.
115. Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948. 100 s.

116. Pauliny E. Spoločenské funkcie strednej slovenčiny pred Štúrom // Slovenská reč. 1956. 21. №3-4. S.174-186.
117. Pauliny E. Začiatky kultúrneho jazyka slovenskej národnosti // Jazykovedné štúdie. VI. Bratislava, 1961. S. 5-39.
118. Poloczkowa B. Archiwalia cieszyńskie jako źródło do badań historii języków urzędowych na Śląsku Cieszyńskim // Pamiętnik Cieszyński, 18. 2003. S.35-44.
119. Porák J. Humanistická čeština: hláskosloví a pravopis. Praha: Univerzita Karlova, 1983. 171 s.
120. Porák J. Vytváření normy a její vztah ke kodifikaci v humanistické češtině // Slovo a slovesnost, 42. 1981. S. 219-227.
121. Prameny k dejinám slovenčiny 2. Zost. T. Laliková, M. Majtán. Bratislava, 2002. 277 s.
122. Pražák A. Češi a Slováci. Literárně dějepisné poznámky k československému poměru. Praha: Státní nakladatelství, 1929. 188 s.
123. Pražák A. Dějiny spisovné slovenštiny po dobu Štúrovu. Praha: Nakladatel Gustav Voleský, 1922. 476 s.
124. Rejzek J. Ještě k fonetickým vlivům staré němčiny na starou češtinu // Bohemistika, 3. 2003. S. 251-264.
125. Rospond S. Jaka była czeszczyzna śląska? // Kwartalnik Opolski, 21. 1975. N.1. S. 54-56.
126. Rospond S. Język czeski na Śląsku // Kwartalnik opolski, 2. 1962. S.91-96.
127. Siatkowska E. M. Szkice z dziejów literackich języków słowiańskich. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 2004. 282 s.
128. Siatkowski J. Czesko-polskie kontakty językowe. Warszawa: Energeia, 1996. 272 s.
129. Siwek T., Kaňok J. Vědomí slezské národní identity v mentalní mapě. Ostrava: Ostravská univerzita, 2000. 97 s.
130. Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P. Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Praha: HOST, 2009. 180 s.

131. Stanislav J. Zur Frage der Slowazismen in der alttschechischen Denkmälern // Zeitschrift für Slawistik, I. 1956. Heft 4. S.58-70; II. 1957. Heft I. S.37-51. Bd. II. 1957. Heft I. S.37-51.
132. Staršia slovenská lexika v medzijazykových vzťahoch. Autorky M. Kopecká, T. Laliková, R. Ondrejková, J. Skladaná, I. Valentová. Bratislava, 2011. 204 s.
133. Stieber Zd. Głos w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego // Pochodzenie polskiego języka literackiego . Wrocław: Zakład im . Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1956. S.102-116.
134. Stieber Zd. Uwagi o pochodzeniu polskiego języka literackiego. // Język polski, XXX, 1950. S.161-165.
135. Stieber Zd. Wpływ czeszcizny na kształtowanie się polskiego języka literackiego //Česko-polský sborník vědeckých prací II. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. S. 27-37.
136. Taszycki W. Powstanie i pochodzenie polskiego języka literackiego. Kraków – kolebka literackiej polszczyzny // Twórczość. №2. 1949. S.101.
137. Thomason, S.G., Kaufman, T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1988. 411 p.
138. Tożsamość mieszkańców Dolnego Śląska. Raport z badań. Wrocław, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cmsiko.pl/resources/files/raporty/tozsamosc.pdf> (Дата обращения: 30.01.2012).
139. Varsik B . Slovenské listy a listiny z XV . a XVI . storočia. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1956. 437 s.
140. Varsik B. Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava: Vydavateľ'stvo Slovenskej Akadémie Vied, 1956. 437 s.
141. Vážný V. Historická mluvnice česká. Sv. II. Tvarosloví. 1. část. Skloňování. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1970. 202 s.

142. Verkholtantsev J. Ruthenica Bohemica. Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland. (Slavische Sprachgeschichte Bd. 3). Wien-Berlin: Lit-Verlag, 2008, 215 p.
143. Weingart M. O nejstarších jazykových památkách slovenských // Časopis pro moderní filologii 1935. 21. Č.2. C.113-126.
144. Žáček R. Slezsko. Malé dějiny států. Praha: Libri, 2005. 214 s.
145. Žilinská právna kniha. Preklad magdeburského práva. Zápisy právnych úkonov žilinských mešťanov. Na vydanie pripravil, štúdiu, úvod a poznámky vypracoval R. Kuchár. Bratislava, 2009. 208 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводные таблицы реализаций отдельных рефлексов в исследованных текстах

1. Отражение рефлекса šč>št'
2. Отражение рефлекса aj>ej
3. Отражение рефлекса ó>uo>ũ
4. Флексия генетива óv/uov/ũv (ũ)
5. Флексия датива –om/-uom/-um
6. Флексия род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода
7. Отражение рефлекса ú>ou
8. Дифтонгизация ú>ej
9. Дифтонгизация ou<ú в инициальной позиции
10. Сужение é>í
11. Протетическое v-
12. Утрата фонемы /ř/
13. Утрата йотации в слогах bě, řě, vě, fě, mě
14. Ошибки при обозначении палатальности фонем /d'/, /t'/, /n'/
15. Ошибки при отражении перегласовок 'a>e и 'u>i
16. Ассибиляция

1. Отражение рефлекса šč>št'

Малопольша

	šč	št'
XV-1 пол. XVI в.	Mac14-1455 přišče, Mac15-1455 zvlášče, Mac31-1486 propúščiemy, Mac48-1508 zvlášče.	Mac22-1471 zvlášť, Mac24-1474 prišti, prištieho, Mac44-1507 dopúšťejíce, Mac45-1507 zvlášť, Mac46-1507 zvlášť, Mac53-1520 zvlášť, Mac54-1520 zvlášť, Mac55-1521 zvláštně, Mac59-1529 vypouštěti, zvlášť, Mac65-1540 zvlášť, dopouštěno.

Верхняя Силезия

	šč	št'
XV в.-1 пол. XVI в.	PT-1447 gesscze, Kn25-1483 rybnissczamy, Kn58-1515 propussczemy	PT-1457 zwlasstie
2-я пол. XVI в. – XVII в.	Mc72-1572 neboščíku, Mc84-1577 meščanína, Mc86-1577 puščení, Mc107-1582 neboščíku, Mc124-1589 ščavnického, propuštění, Mc130-1591 zvlášče, dopuštění, Mc132-1592 puščeno, Mc144-1597 měščenína, šťastně, Mc194-1615 zvlášč, PT-1620 gesscze, nawssczjwena, Mcr8-1622 ješče, měščenín, Mcr54-1630 zvlášč, Mcr60-1632 zvlášč, Mc163-1654 žilinščí, nespুষেজী, Mc215-1692 šťastně	Mc9-1541 zvlášť, Mc79-1575 neboštíku, Mc107-1582 zvlášť, Mc115-1586 zvlášť, šťastně, Mc126-1590 zvlášť, šťastně, Mc127-1591 šťastného, Mc132-1592 šťastného, Mc139-1595 neboštika, Mc157-1606 zvlášť, šťastně, Mc194-1615 zvlášť, Mc205-1617 zvlášť, Mc224-1620 šťastného, PT-1620 krzesianskym, Mcr9-1622 zvlášť, šťastného, Mcr14-1622 zvlášť, Mcr8-1622 zvlášť, Mcr19-1623 zvlášť, Mcr34-1626 dopuštěno, Mcr40-1627 zvlášť, dopuštění, Mcr52-1629 zvlášť, šťastně, Mcr53-1630 zvlášť, Mcr54-1630 zvlášť, Mcr58-1631 zvlášť, Mcr62-1632 zvlášť, dopouštěl, Mcr60-1632 dopuštěn, Mcr64-1632 zvlášť, Mc72-1635 zvlášť, Mc130-1645 zvlášť, Mc163-1654 zvlášť, Mc169-1661 štiasťlivého

Западная Словакия

	šč	št'
XV в.-1 пол. XVI в.	Kn1-1432 giesscze, Kn16-1479 lide Brumowsscz i y Lednitsscz i, Kn24-1483 zassczy, przyssczieho, Kn47-1507 przyssczie, Var13-1512 miessczyssczemy, Var15-1512	Kn26-1484 zwlasstie, wypustem, Kn27-1484 krzesianskeho, Kn49-1508 sluzebniczy biskupssty, Kn50-1508 prisstieho, zwlasstnie, nepropusstieti, Var13-1512

	zvlaszé, od miessczánov, Var17-1513 pani Trnawsscz, Var24-1519 pani skaliczczy, Var28-1525 spolumiesscszenin, Var29-1526 jesscze, nebossczyky, Var38-1528 jesscze, Var57-1531 esscze, Var69-1535 obzvlaszcz, Var71-1535 dopusscszeni[m], dopussczyte, Var73-1535 nebossczik, Var84-1537 ssczastnie, Var91-1537 ssczesti, Var94-1538 zvlaszcz, pussczany, jesscze, Var95-1538 odpusscszenim, Var100-1538 jesscze, Var124-1541 jesscze, Var191-1545 ssczastne, Var207-1546 szczyastnie, Var215-1546 przisscz, Var253-1550 jesscze	pastvisstiemy, zvlasstnie, Var14-1512 odpusstieni, Var17-1513 zvasstie, Kn59-1515 nebosstik, Kn63-1519 nebosstiku, krzesstianssty, gesstie, Kn67-1520 dworssti, Var28-1525 miesstianee, Var39-1529 przisstich, Var63-1532 vzlasstie, Var88-1537 zvasstie, Var113-1540 propusstieni, Var129-1541 propusstien, Var139-1542 przissty, jesstie, Var164-1543 dopusstiena, Var174-1544 sstiesti, Var188-1544 jiesstie, Var192-1545 przypusstieny, jesstie, nebosstika, Var209-1546 nebosstika, jesstie, Var223-1548 przissti[h]o, Var231-1549 zsstiesti, puosstieno, Var236-1549 sstiesti, Var243-1550 sstiesti, sstiasstnie
2-я пол. XVI в. – XVII в.	Mc28-1552 meščanuov, Mc63-1568 šťastného, propuštění, Mc92-1578 zvlášč, Mac100-1640 propuštění, Mcr138-1646 obzvlášče	Mc28-1552 stěstí, Potv1576 stiasstne, Mc92-1578 šťastného, Mc95-1580 šťastného, propuštěný, Záp-1599 gesste, pansstj, Mc169-1608 zvlášť, Mc189-1615 zvlášť, šťastného, Mcr197-1615 zvlášť, šťastného, opúšťejí, Mcr25-1624 obzvlášť, Mcr65-1632 šťastného, Mcr99-1639 šťastného, Mac100-1640 šťastného, Mcr118-1643 měštěnáina, ujištění, Mcr124-1644 zvlášť, štěstí, Mcr143-1648 štiasstného, nekrestianským, nepúšťeli, Mcr153-1651 ještě, Mcr216-1693 stražnianští

2. Отражение рефлекса aj>ej

Малопольша

	aj	ej
XV-1 пол. XVI в.	Mac8-1454 najprv, Mac13-1455 najprve, uchovaj, Mac14-1455 najprv, najpodobnej, Mac19-1465 najjasnejše, Mac21-1470 najjasnějšieho, najmilostivějšíe, najprve, najslavnějšíeho, Mac23-1473 najprv, nědaj, Mac24-1474 najprv, nedaj, Mac31-1486 najmilostivějšíeho, najjasnějšieho, Mac32-1488 najprv, nědaj, Mac34-1491 najjasnějšého, Mac35-1491 najasnějšého, Mac36-1491 najasnejšého, Mac37-1492 najvyšší, nědaj, Mac39-1495 najprve, Mac40-1499 najjasnější, najmilostivější, Mac41-	Mac44-1507 nejlépe Mac56-1524 nejprv, Mac58-1527 dej.

	1499 najjasnější, najmilostivši, najvyšímu, Mac44-1507 najužitečný, Mac48-1508 najasnějšého, Mac55-1521 najmilejšiemu, Mac56-1524 najvyšímu, Mac57-1525 najprv, Mac58-1527 najprv, Mac59-1527 dajž, nejvyšší	
--	--	--

Верхняя Силезия

XV-1 пол. XVI в.	Kn25-1483 naylepe, naypodobniegi, Kn34-1496 naylepe, Kn58-1515 naywyssy, Kn61-1517 nayiasniegssieho, Kn66-1519 naywysseho, Kn71-1523 naywissy	
2-я пол. XVI – XVII вв.	Mcr136-1646 tajna, Mc221-1620 najspíš	Mc66-1569 na prodej, Mc127-1591 najmilostivější, Mc130-1591 nejpervnějšího, Mc194-1615 nejvyššému, Mc221-1620 tejnosti, Mcr9-1622 tejna, Mcr19-1623 tejna, Mcr34-1626 tejna, Mcr53-1630 tejna, Mcr54-1630 najmilejším, Mcr61-1632 tejna, Mcr67-1632 tejna, Mcr76-1635 nejprve, tejna, Mcr98-1639 nejdéle, Mcr103-1640 najmilostivějšího, Mcr120-1643 najmilostivějšího, Mcr136-1646 nejlepššího, Mcr144-1648 tejna, Mcr169-1661 najmilostivějšího, nejvěrnější, Mcr205-1680 nejvyššího

Западная Словакия

	aj	ej
XV-1 пол. XVI в.	Kn1-1432 nepomahaite, najasniejssieho, Kn4-1459 naiprw, Kn14-1478 nagprwe, wacze, Kn15-1479 nayprwe, obiczagem, Kn24-1483 nayprw, Kn27-1484 nayprwe, Kn29-1485 naywiece, Kn47-1507 nayprw, Kn49-1508 gednostaynie, Kn50-1508 nayprw, Var13-1512 naymenssy[m]u, Kn59-1515 najjasnieyssie, naymilostiwieyssie, Kn67-1520 gednostaynym, Var30-1527 tayno, Var37-1528 dayz, Var40-1529 na prodaj Var41-1529 tayno, Var49-1530 nay[my]leyssy, daythe, Var57-1531 taynio (!), Var58-1532 naymilostiviejssiho Var60-1532 dayž, Var70-1535 hledajte, Var72-1535 taynie, podajte, Var73-1535 tayno, Var88-1537 dayz Var90-1537 tayno, Var94-1538tayno, day, Var96-1538 tayno,	Var28-1525 neymilostivieyssy[h]o, Var68-1534 teyno Var79-1536 teyno, Var100-1538 nejlepssyho, Var107b-1539 nejprv, Var111-1540 pokoy mey, Var207-1546 teyno, dey, Var192-1545 neymilostivieyssy[h]o, Mc61-1567 najmilostivějšího, Var216-1547 meyte, Var247-1550 dey

	Var119-1540 day, Var124-1541 dayte, dayz, Var129-1541 tayno, Var142-1542 day, Var157-1543 najstarssyho, Var172-1543 day, Var174-1544 nayvyssy[m]u, Var180-1544 day, Var191-1545 day Var192-1545 naymilostivieyssy[m]u, p[ro]day, Var198-1545 day, Var207-1546 neday, Var215-1546 day, Var231-1549 dayz, Var236-1549 day, Var243-1550 day	
2-я пол. XVI – XVII вв.	Mc61-1567 najmilostivějšího, Potv1576 day, Mc92-1578 najmilostivějšího, Mc109-1583 najprve, Mcr1-1621 noci včerašej, Mcr65-1632 najspíše, Mcr106-1641 najprvej, Mcr143-1648 najprve, Mcr146-1649 najlepej, Mcr206-1680 onechdajšího	Mc189-1615 najmilostivějšího, nejspravedlivějšího, nejvyzší, tejna, Mcr1-1621 dej, Mcr3-1621 nejvíc, Mcr25-1624 nejprv, Mcr75-1635 nejprve, nejvíce, Mcr86-1637 najmilostivejšího, Mac100-1640 najmilostivejšího, Mcr106-1641 nejpervy, Mcr121-1621-1642 uchovej, Mcr121-1621-1642 nejprvnější

3. Отражение рефлекса ó>uo>ů

Малопольша

	ó	uo	ů
XV-1 пол. XVI в.	Mc19-1465 pójčili, Mc21-1470 může, Mc23-1473 z jich dobrú vólí, zóstali, Mc32-1488 svoj, s dobrú vólí, s dobrú vólú, voběc, Mc33-1490 sposobem, Mc37-1492 svůj, z dobrú vólí, nemóžem, Mc57-1525 róznice, Mc59-1527 prótah, Mc66-1551 moj	Mc11-1455 kuoň, Mc13-1455 kuoň, Mc14-1455 dobrú vuolí, vymyšlití muož, Mc21-1470 ruoznice, vuole, vuoli, zpuosobiti, Mc22-1471 vuobec, puotka, puol, Mc24-1474 s jejich...vuolí, zuostali, Mc25-1474 zuostal, Mc29-1480 svú vuoli, s...vuolí k vuoli, Mc30-1484 z vuolí, zuostavujíce, Mc32-1488 zuostalí, Mc33-1490 vuolí, Mc39-1495 vuobec, ruoznice, s...vuolí, Buoh, Mc41-1499 puol roku, Mc44-1507 vuobec, vuoli, vuolí, Mc45-1507 svuoj, z vuole, Mc48-1508 duochody, Mc50-1508 nepozuostavuje, zuostavili, s...vuolí, Mc52-1512 vuoli, Mc53-1520 muož [muože], Mc54-1520 vuobec, muož, Mc55-1521	Mc66-1551 vůli

		muože, zruosti, muožete, Mc56-1524 pozuostalého, pozuostalých, Mc57-1525 pohruocky(!) činil [pohroužky], vuole, ruoznice, Mc58-1527 Buoh, Mc59-1527 Buoh, muoj, zpuosobiti, vzhuru, Mc61-1532 ruoznice, Mc65-1540 zuostaviti, ruozne, vuoli, pozuostalé, ruoznic	
--	--	--	--

Верхняя Силезия

	ó	uo	ű
XV-1 пол. XVI в.	PT-1457 pozostawugieti, dochody, Kn25-1483 wobecz, Kn48-1508 wobecz, Kn34-1496 Boh, Kn58-1515 wobecz, Kn66-1519 moy	Kn25-1483 pozuostawugicze, Kn34-1496 pozuostawugicze, Kn54-1513 pozuostawugicz, wuoly, Kn61-1517 pozuostawugicz, wuoly, Kn66-1519 wuole, Kn71-1523 wuobec	PT-1447 buh
2-я пол. XVI – XVII вв.	Mc84-1577 moy, Mc144-1597 zrosti, Mc110-1641 nemožeme, Mc130-1645 nemože	Mcr9-1541 pozuostal, Mc115-1586 pruotah, Mc127-1591 svuoj, Mc132-1592 svuoj, puojčený, od buoha, Mc144-1597 pozuostaval, Mc205-1617 muoj, Mc221-1620 buoh, Mcr40-1627 svuoj, puoldruhého, Mc61-1632 svuoj, Mc66-1632 pohrožku, Mc68-1633 zuostává, Mc72-1635 zuostavati, pozuostává, zuostati, Mc76-1635 muože, zuostavajíc, Mcr104-1640 vuole, zuostáváme, Mc136-1646 zuostávám	Mc65-1569 mužem, Mc66-1569 můžete, Mc72-1572 pozústalou, Mc79-1575 pozústavil, dopomůžete, Mc84-1577 Bűh, Mc96-1580 způsobem, Mc107-1582 pozústala, průchod, Mc127-1591 nemůžeme, Mc130-1591 zůstává, Mc132-1592 způsobem, Mc139-1595 zůstaviti, Mc144-1597 pozůstáváte, může, Mc157-1606 důvěrný, zůstáváme, Mc194-1615 zrůsti, důvěrně, Mc205-1617 chůzi, Mc221-1620 důležité, dolů, Mc224-1620 bűh, Mcr14-1622 vůbec, Mcr19-1623 nemůžeme, Mcr40-1627 půl, Mcr52-1629 můj, Mcr53-1630 nemůžem, Mcr54-1630 způsobem, Mcr57-1631 zůstal, Mcr58-1631 vůlí, Mcr62-1632 vůle, Mcr66-1632 zůstavice, Mc72-1635 průchod svůj, Mc76-

			1635 pozůstavovati, Mc136-1646 způsobem, Mcr159-1653 může, Mcr205-1680 důvěrně
--	--	--	--

Западная Словакия

	ó	uo	ű
XV-1 пол. XVI в.	Kn1-1432 nemoze, mozete, zostati, Kn14-1478zostatkem, zostal, pol,Kn15-1479 wobecz, dom, Kn26-1484 wobecz, Kn27-1484 wobecz, Kn33-1491 wobecz,Kn49-1508 zostal, Kn50-1508 poyczeneho, Var49-1530 dom, Var69-1535 vobec, Var95-1538 dotklivu, Var97-1538 svoj Var192-1545 Boh, Var207-1546 po nassy voli	Kn1-1432buohda, Kn11-1472 wuole, Var2-1483 duom, zpuosobte, Kn24-1483 wuoly, Kn27-1484Buoh, muoy, Kn33-1491 wobecz, Buoh, Kn49-1508 zuostal, puogdu, Kn50-1508 swuoy, Var13-1512 vuobec, spuosobem, buoh, vuole,Kn59-1515 spuosob, swuoy, Kn63-1519 duostoyni, Var24-1519 vuoly, Kn67-1520 spuosobem, zuostane, puol, Var26-1522 nepuoyczivaly, Var28-1525 duo[m], Var29-1526 duom muoy, puol, Var30-1527 ruoznycz, Var39-1529 spuosobne, Var45-1529 duom, Var48-1530 vuoly, Var57-1531 muoz...hledat, Var58-1532 puojczili, Var60-1532 puoyczyti, Buoh, Var66-1534 zuostala, Var77-1536 muoze, duo[m], Var79-1536 vuoly, pozuostal, Var84-1537 Buoh, Var94-1538 nemuozem, zuostane, Var100-1538 Buoh, Var111-1540 nemuozess, kuon, Var113-1540 buoh, Var119-1540 buoh, Var124-1541 buoh, Var129-1541 vuole, Var133-1542 duom, Var135-1542 duom, muozete, Var142-1542 buoh, Var157-1543 pozuostale[m], Var164-1543 dluhPetruow, Var164-1543 buoh, Var172-1543 Buoh, Var174-1544 buoh, Var180-1544 buoh,	Kn11-1472 wubecz, Kn14-1478 wubecz, zhury, pugde, swug, Kn47-1507 puyczeneho, w pul pieti Var13-1512 potuczky, Kn63-1519 pozustalem, spusob, ruznicz, Var32-1527 vule, Var43-1529 vule, Var45-1529 muzeme, dum, Var49-1530 muj Var63-1532 muzete, spusobu, Var66-1534 ruznicze, Var70-1535 muy, Var71-1535 muy, vuli, Var72-1535 pul, Var73-1535 zustati, Var77-1536 pozustaly, Var88-1537 duchody, Var89-1537 muy, zpusobem, Var91-1537 pozustaleho, Var96-1538 vule, Var172-1543 dukladu Var191-1545 zustal, Var192-1545 dum, pozustale, Var207-1546 nemuzme, Var209-1546 Buch, Var227-1549 svuj, spusobem, nemuz, Var253-1550 muy

		Var188-1544 buoh, Var191-1545 muoy, buoh, Var192-1545 duom, Var198-1545 buoh, Var207-1546 Buoh, Var215-1546 Buoh, Var216-1547 muoy, nemuoz, Var231-1549 muoy, Buoh, Var236-1549 muoy, Var236-1549 vuoz, Var247-1550 Buoh	
2-я пол. XVI – XVII вв.	Mcr106-1641 pol	Mc63-1568 muoj, vuolí, Potv1576 spusob, Buoh, Mc95-1580 muoj, vuole, Mc109-1583 duochodku, Buoch, spusobem, Mc189-1615 nemuozeme, Mc197-1615 nemuozе, Mcr3-1621 spusob, Mcr75-1635 spusobu, Mcr86-1637 pohruožky, spusobem, nemuozem, Mcr106-1641 vuolí, luožku	Mc61-1567 svŭj, Bŭh, Potv1576 spusob, Mc92-1578 vŭle, Mc95-1580 mŭj Mc169-1608 zŭstává, průchod, Mc189-1615 bŭh, Mc197-1615 mŭj, zŭtavajíciho, spŭsobem, Mcr25-1624 vŭlí, Mcr75-1635 mŭže, důvody, Mcr77-1635 důvodně, Mcr99-1639 zŭstávám, Mac100-1640 zŭstávám, Mcr106-1641 mŭj, zŭstává, Mcr118-1643 svŭj, zŭstával, spŭsobem, Mcr118-1643 rŭznice, spŭsob, Mcr121-1621-1642 pan buch, Mcr124-1644 rŭznice, nemŭže, Mcr138-1646 nemŭže, Mcr146-1649 nemŭže, Mcr153-1651 zŭstávali, Mcr153-1651 spŭsobem, Mcr164-1654 vŭlí, Mcr167-1660 mŭj Mcr207-1681 při vŭli, zŭstává, Mcr208-1682 mŭj, vŭli, spŭsob

4. Флексия генетива ѡν/υον/ŭν (ŭ)

Малопольша

	-ov	-uov	-ŭv
XV-1	Mac8-1454 jmieti našich věřiteló...vuolí,	Mc21-1470 synuov, posluov, Mc22-1471	

пол. XVI в.	Mc14-1455 všech zmatkón, Mc21-1470 bojón, Mac22-1471 synón, služebníkův, Mc23-1473 zmatkón, Mc24-1474 Kútón, zmatkón, Mc25-1474 listov, Mc32-1488 statkův, Kentón, Mc36-1491 tovaříšov, Mc37-1492 Kútón, statkův, Mc44-1507 pánón, Mc48-1508 dědicón, Mc52-1512 apostołów, Mc57-1525 povinov, Mc58-1527 pánón, Mc60-1532 erbón a potomkův, Mc61-1521 lěsov, listón, statkův, Mc65-1540 asesuorov, obyvatelón	obyčejúov, Mc29-1480 dědicuov, Mc39-1495 Žáruov a Rybníkuov, Mc44-1507 erbuov, potomkuov, hadrunkuov, Mc45-1507 dluhuov, Mc48-1508 časuov, odtahuov, Mc50-1508 listuov, pánuov, Mc52-1512 zmatkuov, Mc54-1520 grošuov, Mc59-1527 králuov, Mc61-1521 požitkuov	
-------------	--	---	--

Верхняя Силезия

	-ov	-uov	-ův
XV-1 пол. XVI в.	PT-1457 czasow, Kn34-1496 darow, przedkow, Kn48-1508 zemyenow, Kn54-1513 erbow, Kn58-1515 zamkow, Kn61-1517 erbow, Kn66-1519 wozow, lesow, rokow, Mc9-1541 nákladov	Kn25-1483 erbuow,	Kn54-1513artikuluw
2 пол. XVIв. – XVII в.		Mc130-1591 panuov, Mc139-1595 sirotkuov, Mc205-1617 kuosuov	Mc66-1569 tolarů, herynků, Mc79-1575 bez odtahů, Mc84-1577 tolarův, Mc124-1589 centnarův, Mc130-1591 zmatkův, Mc144-1597 tolarův, Mc157-1606 předkův, Mc194-1615 z panů, Mc221-1620 stavův, Mc40-1627 od kupcův, Mc53-1630 sousedův, Mc54-1630 dobytkův, předkův, Mc61-1632 tolarův, Mc98-1639 tolarů

Западная Словакия

	-ov	-uov	-ův
XV-1	Kn1-1432 panow, dworow, Kn29-1485	Kn4-1459 statkuow, Kn16-1479 panuow,	Kn11-1472 od swych...bratru, z przateluw,

пол. XVI в.	nakladow, Kn33-1491 hradow, Kn49-1508 panow, Kn50-1508 grossow, odtahow, Var10-1509 od jeho ffirzerov, rokov, ffuntov, Var13-1512 od...panuov, Var15-1512 od miessczanov, Var23-1516 panov, Var38-1528 susedov, Var49-1530 pohanov, Var77-1536 odporov, Var94-1538 panov, Var97-1538 przejitelov, Var107b-1539 sausedov Var119-1540 spolususedov, Var191-1545 kralov Var198-1545 susedov Var207-1546 panov, Var215-1546 susedov, Var243-1550 listov, Var253-1550 lotov	lesuow, Kn17-1479 panuow, lesuow, Kn24-1483 konsseluow, Kn27-1484 suduow, zmatkuow, Kn49-1508 domuow, Kn50-1508 zmatkuow, forteluow, Var13-1512 rybnykuov, synuov, Var15-1512 funtuov, Kn63-1519 sedlakuow, Var26-1522 zyduow, obyvateľuov, panuov, Var28-1525 nadbytkuov, poto[m]kuov, Var40-1529 kraluov, Var41-1529 panuov, Var77-1536 kraluov, klenotuov, Var79-1536 domuov, Var88-1537 kraluov, Var174-1544 lottuov, Var192-1545 kraluov Var209-1546 lupeznikuov, Var231-1549 trhuov, Var236-1549 sauseduov	Kn14-1478 lanuw, Var13-1512 od... miestianu, Kn63-1519 panuw, Var48-1530 spolutovaryssuv, Var180-1544 suseduv, Var216-1547 odkladuv, Var223-1548 tiech panu
2 пол. XVIв. – XVII в.	Mc109-1583 časov, Záp-1599 konssalow, obyvateľov, Mc169-1608 spoluobyvateľov, susedov, Mcr1-1621 spolusausedov, Mcr3-1621 tolarov, klobúkov, Mcr74-1635 chotárov, stavov, Mcr86-1637 panov bratrov, Mcr106-1641 exemplárov, Mcr118-1643 pánov, postavov	Mc28-1552 spolusouseduov, meščanuov, Potv1576 domuow, Mcr3-1621 tolaruov	Mc28-1552 šuldpriefü, Mc63-1568 mejch...pánů, Mc95-1580 apoštolův, Mc197-1615 odtahův, Mcr1-1621 kozákův, Mcr25-1624 rybníkův, krejcarů, Mcr75-1635 od commisarův, Mac100-1640 mandátův, Mcr121-1621-1642 z příbytkův, Mcr124-1644 od časů, Mcr138-1646 domův, Mcr153-1651 kusův, vybranců, Mcr164-1654 pánův, Mcr216-1693 z strany chotárů, Mcr216-1693 od vrchův

5. Флексия датива –om/-uom/-um

Малопольша

	-om	-uom	-ũm
--	-----	------	-----

XV-1 пол. XVI в.	Mc8-1454 věřitelóm, Mc14-1455 punktóm, artikulóm, Mc18-1458 pánóm, přátelóm, Mc21-1470 poslóm, Mc23-1473 přételóm, veřitelóm, Mc24-1474 věřitelóm, Mc25-1474 potomkóm, Mc29-1480 potomkóm, Mc33-1490 věřitelóm, Mc34-1491 služebníkóm, Mc35-1491 služebníkóm i pomocníkóm, Mc36-1491 pralátóm, Mc37-1492 synóm, věřitelóm, Mc39-1495 erbóm, Mc47-1507 měšťanóm, Mac48-1508 dědicóm, Mac55-1521 úředníkóm, Mac56-1524 pánóm, nepřatelóm, Mac61-1532 zěmanóm	Mc13-1455 křižovnikuom, Mc25-1474 erbuom, Mc29-1480 erbuom, Mc39-1495 erbuom, Mc44-1507 erbuom, potomkuom, Mc45-1507 pánuom, Mc46-1507 králuom/úředníkóm, Mc48-1508 dědicuom, Mc53-1520 tovařišuom, Mc54-1520 rotmistruom, Mc55-1521 stavuom, pánuom, rytieřuom, Pražanuom, Mc56-1524 rytieřuom, Mc57-1525 služebnikuom, pomocníkuom, Ma59-1527 králuom, pánuom, služebníkuom	
------------------------	--	---	--

Верхняя Силезия

	-om	-uom	-ům
XV-1 пол. XVI в.	PT-1447 potomkom, PT-1457 erbom, potomkom, Kn25-1483 prodali...erbom y potomkom, Kn34-1496 dal...erbom a potomkom, Kn48-1508 herbom, pothomkom, zemanom, Kn54-1513 erbom, potomkom, Kn61-1517 diedicom, kralom, Kn66-1519 potomkom, Kn71-1523 erbom		PT-1447 erbúm
2 пол. XVI в. – XVII в.	Mc86-1577 kupcom, Mc127-1591 k...letom, Mc139-1595 sirotkom, Mc103-1640 našim valachom, Mc62-1632 sousedom, Mc34-1626 jiným dlužníkom, Mc76-1635 nám a předkom našim		Mc34-1626 k rokům, Mc76-1635 panům.

Западная Словакия

	-om	-uom	-ům
XV-1 пол.	Kn1-1432 towarzissom, Kn11-1472 przatelom, Kn24-1483 kpanomysspanom,	Kn1-1432 sluzebnikuom, Var15-1512 panuom, Kn67-1520 magieruom, Var31-	Kn14-1478 namestkum, Kn63-1519 stawum

XVI B.	vrednykom, Kn27-1484 erbom, Kn33-1491 przitelom, dworzenom, Kn47-1507 erbom, wierzitelom, Kn49-1508 peregom, panom, Kn50-1508 panom, erbom, Var9-1509 susedom, Var13-1512 panom, Var14-1512 panom, przitelom, Var15-1512 panom, Var23-1516 panom, Kn63-1519 stawom, Var24-1519 erbom, Var26-1522 panom, susedom, Var32-1527 panom, przitelom, Var39-1529 panom przatelom, Var40-1529 przatelom, Var43-1529 panom, Var57-1531 susiedom, Var58-1532 sedlakom, Var59-1532 przytelom, Var60-1532 przatelom, Var66-1534 przatelom, Var68-1534 panom, przatelom, Var71-1535 sausedom, Var72-1535 przatelo[m], Var73-1535 sausedom, Var77-1536 domom, winohradom, przatelo[m], Var79-1536 przatelom, susedom, Var84-1537 panom, Var88-1537 przatelom, Var90-1537 przatelom, Var94-1538 panom, Var95-1538 przatelom, Var96-1538 susedom, pano[m], Var96-1538 susedom, przatelom, Var97-1538 panom, sausedom, Var100-1538 panom, Var107a-1539 panom, sausedom, Var113-1540 przatelom, sausedom, Var119-1540 przytelom, Var121-1541 konsselom, Var129-1541 pano[m], Var133-1542 pano[m], Var142-1542 panom, susedom, Var157-1543 przatelom, Var172-	1527 suseduom, Var48-1530 przateluom, Var77-1536 statkuo[m], Var95-1538 panuom, Var129-1541 przateluom[m], Var133-1542 przateluom	
--------	--	--	--

	1543 susedom, Var174-1544 Thurkom, Var180-1544 susedo[m], Var188-1544 sausedom, Var191-1545 panom, susedom, Var198-1545 susedom, Var207-1546 panom, Var215-1546 susedom, Var216-1547 przitelom, Var220-1548 susedom, Var223-1548 panom, Var227-1549 panom, Var231-1549 sausedom, Var243-1550 panom		
2 пол. XVIв. – XVII в.	Var247-1550 przatelom, sausedom, Var253-1550 pano[m], Mc28-1552 meščanom, Mc109-1583 dekretom, právom, kramárom, Záp-1599 panom, Mcr207-1681 novoosadníkom		Mc95-1580 gruntům, Mc197-1615 společníkům, Mcr124-1644 obyvatelům

6. Флексия род., дат. и мест. падежей адъективалий жен. рода

Малопольша

грамоты, в которых в форме род.п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. – ej (либо дат., мест. пад. не фиксируются).	Mc9-1454 té naše věrné služby, Mc11-1455 od té neděle, Mc58-1527 manželce svej...ujistiti/přimluvy mé...užiti
грамоты, в которых форма род.п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с ej	Mc53-1520 k potřebě naší královskej, Mc54-1520 k potřebě naší královskej
грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется é (либо форма род. п. не зафиксирована)	Mac15-1455 v své cti, Mc19-1465 jeho královské milosti pójčili, jeho královské milosti listové, Mc39-1495 manželé slavné paměti, při své moci zuostati, poctivé nabožnosti kněz, od svaté panny Barbory, Mc44-1507 k jeho pokorné prosbě, pod uvarováním nemilosti naší královské, Mac45-1507 při té věci, Mc46-1507 k své ruce, Mc55-1521 z povinnosti té, jeho královské milosti...všecko zlé zruosti mohlo, Mc59-1527 proti jeho královské milosti, od jeho královské milosti, v té věci, k nějaké smluvě, na jeho královské milosti

грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется еј, в дат. и мест. п. – еј (либо формы дат. и мест. не зафиксированы).	Mac13-1455 od danie svatej Appolonie, Mc23-1473 na den svetej Trojice, Mc30-1484 tejže osviececonosti knieže, osviecenej kněžně paněj Machně, kněžně ratiborskěj, manželce svej...sbožé své...jest opravil, takovej opravy...dopřeli, Mac65-1540 k věčnej paměti, z přirozenej milosti našej, Mac66-1551 v tej svej nemoci, polepšení tej v[ašé] milosti nemoci
вариантность в род.п. é/eј	Mc8-1454 zVitinejvsi/země pruské gubernátor, Mc14-1455 jistiny pravej, monety české a lidžby polskej/peněž...jiscinysvrchupsané, v jednej sume, v...věrnej ruce, tej svrchupsanej sumy...nezplnili, nezaplacené sumy svrchupsanej jistiny, poddaných korony polskej, Mc60-1532 syn dobrej paměti neboštika/sudie země osvětimské;
вариантность в дат., мест. п. é/eј	Mc32-1488 při našej dobrej cti/osviececené kněžně Machne, kněžně opavské a ratiborské, k věrné ruce, Mc57-1525 k tejto naší povědi/s jedné...strany, k spravdivosti své, jedna druhé...nevinili, v zemi své, Mc64-1538 v dobrej paměti, k svej víře a k svej duši/na smrti své
вариантность во всех падежах	Mc21-1470 v jednej vuoli, z boží milosti králevnej polský, z jednostajnej vuolí/k veliké škodě a záhubě, u stolice apoštolské, vedle kteréžto klausule, Mc24-1474 dlužni...věrnej manželce, na den Maticky Božej, Mc33-1490 vzdávamy platu...osviececené panie Machně, nadepsanej kněžně jse zapsáti jimá, v...ruce nadepsanej kněžně, nadepsané kněžně...nedali, od nadepsanej kněžny, u nadepsanej kněžně (!)/k věčné této věci památce, na župách...velické a bochenské, kněžně ratiborské

Верхняя Силезия

	XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
грамоты, в которых в форме род.п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. – еј (либо дат., мест. пад. не фиксируются).	Kn31-1488 slowutne pocztywosty, do niemetske wisly, Kn54-1513 zemie oswietimske/k tey dobrej wuoli	Mc96-1580 provozování živnosti své/při tejto nynější chůzi, Mcr8-1622 podle...přípovědi své/v tejto mej velikej žalobě
грамоты, в которых форма род.п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с еј		Mc115-1586 o tejj věci, Mc126-1590 při tejto nynější chůzi, Mc139-1595 při tej nynější chůzi, Mc144-1597 celej obci, k záplatě svej, Mc205-1617 k tejto přimluvě mej, Mcr19-1623 v tej příčině, von se v tej věci...utekl, Mcr40-1627 v tej věci, Mcr130-1645 v úplnej radě
грамоты, в которых в форме	PT-1447 w imene nerozdielne swate trojice, k wecne	Mcr54-1630 neboštikem slavné...paměti/proti druhé,

род. п. фиксируется é (либо форма род. п. не зафиксирована)	pameti, w te wsi	Mcr215-1692 poddaná...paní naší milostivé/k neodtažné spravedlnosti
грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется ej, в дат. и мест. п. – ej (либо формы дат. и мест. не зафиксированы).	Kn25-1483 zemie blssczinskey, Kn34-1496 slowutney pocztiwosty kniez; sprawedlnost, ktoreyz gemu odstupil/ku...obapolney prozbie, Kn58-1515 podle tey smluwy, Kn61-1517 pana...slawney pamiety, Kn71-1523 zadney sskody wzieti nema/w zemi slezskey	Mc107-1582 jsme...tej milostivej naděje, Mc115-1586 vědomosti žádnéj/o težž věci, Mc130-1592 z jednéj...druhé, druhéj strany, Mc224-1620 štavnice banskej, Mcr9-1622 tejto přimluvy...dāti/v příčině tej, k svej víře, Mcr52-1629 jsouc tej jistej naděje/v tej mej žalobě, Mcr61-1632 odpovědi samej...očekávati, Mcr62-1632 kněžny těšínskej/v tej suplikacii, Mcr72-1635 od strany panskej/v dobrej paměti, Mcr104-1640 rozeznání tej rozepře hranic/v tej věci, Mcr136-1646 odpovědi laskavej očekávám, Mcr154-1652 doprej a spasitedlnej paměti...pan;
грамоты, в которых в род.п. фиксируется –ej, в дат. либо мест. пад. – é		Mc107-1582 jsme...tej milostivej naděje/dotčené ubohé vdově.
вариантность в род.п. é/ej		Mc72-1572 jsme té...naděje/z Krasnej, Mc124-1589 jeho císařské milosti faktor/komory bystriskej, Mc126-1590 jsme tej jisté naděje, tejto přimluvy naší, Mc139-1595 tej naděje nepochybné, Mc144-1597 tej naděje jsem, tejto přimlovy mé, osedlosti své nemá, Mc194-1615 žádné příčiny/krajiny kumánskej, Mcr14-1622 ptáli se mytnej/po nanebevzetí blahoslavené panny Marije, Mcr79-1575 den svaté Alžběty/jsme...tej jisté naděje, Mcr169-1661 od...komory slezské/podle přísahy povinnosti mej
вариантность в дат., мест. п. é/ej		Mc120-1643 v takové...přitřefilosti/v dobrej korespondenci, Mc154-1652 v těžké nemoci/při dobrej paměti

Западная Словакия

	XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
грамоты, в которых в форме род.п. фиксируется флексия -é, в дат. и мест. п. – ej (либо дат., мест. пад. не фиксируются).	Kn17-1479 swu peczet miesto mee, Kn27-1484 do smrti swe/dcerzy mey...dati, Kn49-1508 bez swe roboty zostal, Var14-1512 cztnie opatrnosti pani, Var15-1512 od hory ruožene, Var88-1537 vzacneoppatrnostipaniaprzatele, dokomorykralovske, Var95-1538 vzacneoppatrnostipaniaprzatele Var100-1538 svassy milosti przatelske a sausedske, Var192-1545 bez sskody vobecne, Var192-1545 v hospodie p[ro]nayate, k kralovske yasnosti/pani...pryznivey, v teyz sumie, Var223-1548 u...kr[alovs]kemi[los]ti, sme...plneviry	Mc92-1578 komoři jeho velebnosti císařské, den svatě panny, Mc95-1580 poručení jeho milosti císařské, podle vuole své, Mcr75-1635 k poručení vaší knížecké osvícenosti/vaší osvícenosti knížeckej...se osvěčuji, Mcr141-1647 z strany druhé
грамоты, в которых форма род.п. не фиксируется, но присутствуют формы дат. и мест. п. с ej	Kn33-1491 gey...neuczinil, k weczney rucze Kn47-1507 w kterezyto sumie Var29-1526 v nassey cztney stolyczy, proti druhey, k przatelskey smluve Var49-1530 k mey moczy, po velkey noczy Var59-1532 ve vsseczkey spravedlyvo[s]ty Var94-1538 svey nuze...poradyt Var133-1542 v tey sumie Var198-1545 po velkey noczy Var207-1546 v teyto veczi Var216-1547 k svey spravedlyvosty Var220-1548 Mattulovey zenie Var227-1549 vsseczkey radie	Záp-1599 k teg piwnjcy panskeg, pri teg wecy Mcr3-1621 po velkej noci Mcr138-1646 na tejto strane Mcr208-1682 v tej, o ktorej
грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется é (либо форма род. п. не зафиксирована)	Kn4-1459 rozmłuwiti o wiacy potrzebne, w swe moci,Kn63-1519 k znamenite sskodie, psati...kralowskemilosti/poddanym...kralowske milosti, Var28-1525 vsseczkee obczy...vydal/hrabie...ziemie spiske, Var48-1530 k wierne rucze, Var77-1536 potesvadbie, Var119-1540 pozadnevieczy	Mc28-1552Trnavy Uherské/po přísaze učiněné, v...Trnavě Uherské, Mc63-1568 den svatě Anežky/k...potřebě mé, v žádné zemi, Mcr164-1654 k pilné potřebě

	Var139-1542 k teto nedieli, po nedieli smrtdlne, Var188-1544 v ziadne zmincze Var192-1545 bez sskody vobecne/v hospodie p[ro]nayate, k kralovske yasnosti, Var209-1546 v pryztomnosti...czele rzady/v te przy, Var243-1550 k vierne rucze/do kapitole ostrzihomske	
грамоты, в которых в форме род. п. фиксируется еј, в дат. и мест. п. – еј (либо формы дат. и мест. не зафиксированы).	Kn1-1432 z tejzradi/poKwyetneyniedieli, tejzrade...pomohati, Kn11-1472 z swey dobrej wuoly, zadney mocy nemagy, Kn14-1478 od...zatkoweg studne, Kn15-1479 radateywsy, Kn24-1483 stoliczeTrenczanskey, zgedneystrany, stranyzdruhej/wstoliczyTrenczanskey, wzemyMorawskey, wodpowiedneywalcze, Kn26-1484 wedle zmluwy uczineneg, Kn29-1485 twei milosti prosiecie/wzkazugem twei milosti, Var10-1509 perega Ruzeney hory, Var13-1512 dobrotivost...vsseczkej obce/k manzelcze mej, k tej vssy, Var17-1513 od Ruženney hory, Kn67-1520 z teyz/na gedney zemi, Var25b-1522 s tey stavky, Var38-1528 u tey dobrej pany, Var40-1529 od...kazdey, Var41-1529 kteryz uzivate, Var57-1531 ziadney kratkosschi nestalo, Var68-1534 tey veczy...rozsuzeny, vzacztney oppatrnost/ tey veczy...vyrozumieti, Var70-1535 beze vsseczkey vyny/v uherskey zemy Var113-1540 odpoviedi...psaney ziadame/po kvietney nedieli, Var135-1542 k usstepku spravedlivosti herczekowey/v tey sumie, v kteryž, v tey veczy, Var142-1542 naslobodneyczestie, Var142-1542 (z) zamkudobreywody, Var172-1543 zamkudobreywody, Var180-1544 takoveyveczyzadneynevime, Var253-1550 tey sskody	Potv1576 mesteczka Czastey, teyto weczy Mc109-1583 do uherskej zeme, slavnej paměti...knížetem/v přítimnosti mej, proti...císařskej jasnosti, Mc169-1608 žádnéj odpovědi...nemohli jsme jmiati/v dobrej pameti, na instancii...dopuštěnej, Mc197-1615 skončení tej věci, Mcr1-1621 strany tej zberky kozáckej, Mcr65-1632 tej zme naděje, celej zmluvy, Mcr74-1635 s tej příčiny, Mcr86-1637 laskavej odpovedi...očekávám, Mac100-1640 konvent stolice tejto trenčanskej, Mcr106-1641 kterej vuolí mej porádek...činím, od obecnej matky našej zeme Mcr118-1643 dobrej pověsti, Mcr121-1621-1642 rozkaz...jasnosti císařskej, Mcr124-1644 naši uherskej strany, z tejto strany, Mcr143-1648 panej kněžny těšínskej zaškodní/našej velikomožnej milosti...vinšujeme, Mcr146-1649 z některej částky, Mcr153-1651 z tejto strany, Mcr206-1680 tejže hodziny, Mcr208-1682 od nebožtickej paní, Mcr216-1693 chotárů vrchnej javoriny, jakej hodnosti přináleželo, městečka Starej turej
вариантность в род.п. é/eј	Kn24-1483 gedne stranie geden a druhey stranie druhy,	Mc169-1608 v příčine nenáležitéj obstavky/žádněj

	Kn59-1515 z strany gedney/z strany druhe, nebosstik slawne pamieti Kn67-1520 pana...stolicze trenczanske, z druhe strany/z teyz, Var45-1529 myncze obecnej/z strany druhej, Var66-1534 vzaczne oppatnosti pani przatele, strany jedne...druhe/spuosobu tey wiecy, Var68-1534 vzaczne oppatnosti pani a przatele, strany jedne/tey wieczy...rozsuzeny, vzacztney oppatnosti, Var71-1535 z tey obstavky/podle p[ra]va zemie uherske, Var72-1535 z...takovey vystrahy, s svey strany/vzaczne oppatnosti, Var79-1536 vzaczne oppatnosti pani przatele/pro spravu...prze tey, Var135-1542 nieyake p[rze]kazky nebylo/k usstepku spravedlivosti herczekowey	odpovědi...nemohli jsme jmieti, Mc189-1615 s jedné i druhej strany, krajiny Kumánské/težže stolice Oravské Mcr77-1635 od císařské milosti/otcem vaší knížetskej osvícenosti, Mcr99-1639 konventu stolice trenčanskej/z lásky...sousedské
вариантность в дат., мест. п. é/ej	Var40-1529 w zemi uherske/k tey slavney, koronye/po vsseczkey uherske zemi,, Var113-1540 zywnosti sve...prospiech...jmieti/po kvietney nediel, Var192-1545 v hospodie p[ro]nayate, k kralovske yasnosti /pani...przyznivey, v teyz sumie	

7. Отражение рефлекса ú>ou

Малопольша

	ú	ou
XV – 1 пол. XVI в.	Mac8-1454 budú, čtúci, budú, naši vierú křestanskú, rukú společnú a nerozdielnú, plnú motc (!), vlehnúti...společnú škodu, kterúž...vzali, mohú stavovati, jistinu svrchupsanú, dobrú vuolí, Mc11-1455 čtúce, budú, budú, jsúce, službu starú, plnú moc, budú, Mc13-1455 čtúc slyšeti budú, rotú, rotú dvú set koní, se všeckú rotú dvú set koní, se všeckú jich rotú, se všeckú jich rotú dvú set koní, Mc14-1455 čtúce slyšeti budú, v každú hřivnu, dobrú vuolí, dvú set hřiven, s jistcinú, na prostú pomluvu, túž moc, vlasnú pečť, Mc15-1455 múdrí, nebudú, múdrým, Mc18-1458 službu svú,	Mc25-1474 jsou, Mc55-1521 mezi sebou, soudove, Mc59-1527 službu svou...vzkazují, Olomouci, všemohoucího, sloužení, sloužil, poroučím, vypouštěti, Mc65-1540 vod soudu, soudy, schváliti milostí naší královskou, nech toho se nadopoustí (!), dopouštěno

	Mc18-1458 kterakú, múdrým, Mc19-1465 čtúce slyšeti budú, vymlúvají, dvú stú zlatých, z jiscinú, Mc21-1470 jsú, jsúce, ssúce, sú, jsú, škodlivú...příčinu, Mc22-1471 neberúce, o svú čest, Mc23-1473 milostí králevskú, čtúc, dobrú volí, budú, plnú moc, budú, budú, mohú, dlúho, mohú, pod...dobrú vierú, budú moc, dobrú vierú, dobrú volí, Mc24-1474 Kútóv, budúcí, milostí králevskú, králevskú milost, čtúce, s...dobrú vuolí, plnú moc, dosáhnúti, mohú, mohú, dobrú...vierú, budú, pod...dobrú vierú, jsú, Mc25-1474 čtúce slyšeti budú, v obú listú, v obú listú, Mc30-1484 čtúce, jsúce, jsú, jsúce, Mc31-1486 čtúce slyšeti budú, druhú čtvrt, pod svú ctí, pod dobrú vierú, Mc32-1488 rukú společnú, čtúci, s...dobrú volí, plnú moc, budú, dosáhnúti, mohú, budú, mohú, Mc33-1490 s radú, pro znamenitú...potřebu, něvykúpili, vykúpiti, plnú moc, dobrú a svobod[n]ú vuolí, budú, podstihnúti, dlúho, mohú, Mc37-1492 za...králevskú milost, ruku společnú a nerozdílnú, čtúce slyšeti budú, dobrú volí, budú, úplnú moc, budú moci, dosáhnúti, budú, mohú, mohú, mohú, mohú, kterou škodu, kterou literú, pod...dobrú vierú, Mc39-1495 čtúc slyšeti budú, jsú, smlúvu, smlúvy, s krajínú, osobú svú, mezi sebú, jsú, Mc44-1507 milostí...králevskú, budúcí, budú, celú svobodnú vuolí, múčný, budúcím, budúcím, budúcích, dobrú svobodnú vuolí, Mc45-1507 takovú vuolí, věduce, Mc46-1507 jsú, budúcích, budúcímu, přitisknúti, Mc47-1507 některú...milost, z...radú věrných, budúcím, kterýžto sumu, sstúpiti i postúpiti, některú jistú sumu, rukú...podepsané, přistúpili, postúpili, sstúpili, budúcími, budúcích, dlúho, jinú sumú, kterýž, sumu...zapsanú, s jinú sumú, budú, přijmúce, vyberúce, postúpiti, s jinú sumu, budúcími, dlúho, s jinú sumú, budúcích, na...dokonalú jistotu, pečet...královskú, Mc50-1508 předstúpiv, budúcím, za jistú sumu, slušnú a podobnú prosbu, radú...povolujeme, budúcích, s dobrú a svobodnú vuolí, Mc52-1512 čtúc, vuolí svú úplnú skutečnú, úplnú moc, Mc53-budúciem, Mc54-1520 přitisknúti, Mc55-1521 kterýž, nejednú, vidúce, vedú,	
--	--	--

	s znamenitú škodú, jsúce, radú, stvrzenú svú královskú, zvyklú královskú milost, Mc56-1524 súdu, kúpil, laskú...spomenúti, súdu, Mc57-1525 za tú odpovědí, která, z vobú stran, budúci, budúci, nepokúšel, takovú věc, takovú věc, z obú stran na sebu navedu, nenesu, budúci, budúci, pečet královskú, Mc59-1527 dotknúti, smlúva, budú, k smlúvě, s velikú chutí, budú, všemohúci, budú, smlúvy, rakúským, láskú...svú...okazovati, milost královskú...činiti, svú chudú sližbú, před svatú marketú, s korunú polskú, všemohúci, Mc61-1532 budúci, nejakovú, učiněnú, uhledanú, Mc65-1540 jsú, na pokornú prozbu, v obú dvú, budúci, pod vinú, v...obú, pod vinú...opsanú neb úchvalnú pospolitú, pokornú prosbu obú dvú, za jistú vědomostí, Mc66-1551 všemohúci, s pravú víru, za dlúhé časy, poslužiti, žádnú míru, osobú svú, na svú práci, každú hodinu, opadnú,	
--	---	--

Верхняя Силезия

	ú	ou
XV – 1 пол. XVIв.	PT-1447 čtuce, mohu (3Pl.), Kn25-1483 budu (Plur.), gsu, Kn31-1488 spusstiely, Kn34-1496 sprawedlnosti kteruz ma, Kn48-1508 cztuczy, Kn54-1513 cztucze, Kn58-1515 cztucze, Kn61-1517 cztucze, dawame swu plnu...wuoly, Kn66-1519 cztucze, buduczych, Kn71-1523 takowu sskodu mame, Mc9-1541 múdři	PT-1447 gsau, w budauech, budau pożywati, Kn71-1523 budau
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc79-1575 touž měru, Mc86-1577upadnúc, umru, túž míru i jinú, Mc96-1580 spolusúsedu, dosáhnúti, za kteroužto příčinu, na velikú...škodu, Mc115-1586 nemohúc, Mc124-1589 jedúc, Mc126-1590 susedé, předstúpic, nemalú škodu, přimlúvajic, smlúvy, Mc127-1591 službu...povolnú...vzkazujeme, dlúhé, přečtúc, za paní Sarú, Mc130-1592 předstúpil, smlúvu, Mc132-1592 službu svú vzkazuji, všemohúciho, Mc139-1595 službú svú vzkazuji, dlúhé, přimlúvajice, Mc144-1597 dlúhé, za sebu, kladúc, se túlá, dadúc, Mc157-1606 opomenúti, z obú stran, nadlúze, Mc194-1615 takovú, za žádnú, za...oznáčenú příčinu, Mcr8-1622 múdry,	Mc65-1569 moudři, sousedství, Mc79-1575 touž měru, Mc86-1577 moudři, susedé, Mc96-1580 moudři, Mc107-1582 moudři, spolusoused, Mc115-1586 susedé, Mc126-1590 spolusoused, Mc127-1591 za paní...Unverzagtou, Mc130-1592 čtouce, sou ručili, Mc132-1592 moudry, susedé, spolusousedé, Mc139-1595 souce, Mc144-1597 moudři, přijdouce, ukoupený, Mc157-1606 susedé, Mc194-1615 jsouc, jdouc, sousedství, Mc205-1617 susede, přijdouce, odsloužiti, Mcr9-1622 moudři, jsou, předstoupili, Mcr14-1622 jsou, Mcr19-1623 moudři, susedi, Mcr34-1626 propadouce, susedé, skerzevá takovou věc, Mcr40-

	všemohúcího, Mcr9-1622 všemohúcího, před...radú, pod přísahú, Mcr14-1622čtúc, spolusúsedé, Mcr19-1623 spolusúseda, Mcr34-1626 budúce, za tú a nejínú příčinu, sebu, Mcr40-1627 podstúpiti, nedopúšťať, Mcr52-1629 múdry, spolusúseda, ukúpené, Mcr53-1630 nadlúze, predstúpice, odslúžiti, Mcr54-1630 paní susedo, nedadúce, Mcr56-1630 za jakú, nemohúce, Mcr57-1631 príjedúc, Mcr58-1631 službu svú, Mcr60-1632 z manželkú svú, spolusúseda, nemohúce, Mcr61-1632 zápis rukú jeho, Mc62-1632 múdří, Mcr64-1632 susedy, Mcr66-1632 nemohúce, Mcr67-1632 jistú správu jmíti, Mcr68-1633 na patrnú křivdu, Mcr72-1635 nesúsedského, Mcr120-1643 budúce, Mc130-1645 múdry, Mcr136-1646 jednúc, Mc162-1654 múdry, Mcr205-1680 dvúch, Mcr215-1692 dosáhnúti	1627 moudří, budouce, Mcr52-1629 jsouc, Mcr53-1630 moudrý, sousede, Mcr54-1630 souseďské, jakou, Mcr56-1630 moudří, jakou, Mcr57-1631 čtouce, předstoupil, Mcr58-1631 moudří, souseďi, nemohou, Mcr60-1632 moudří, jakou, Mcr61-1632 moudrý, Mcr62-1632 souseďi, Mc64-1632 moudří, Mcr66-1632 rozsouditi, Mcr67-1632 spolusouseďa, moudří, Mcr68-1633 souseďské, Mcr72-1635 moudří, Mcr120-1643 souseďské, Mc136-1646 moudrý, Mcr154-1652 moudří, Mcr169-1661 dosáhnouce, Mc205-1680 souseďé, Mc215-1692 spolusouseďa
--	--	--

Западная Словакія

	-ú-	-ou-
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn1-1432 prziezen swu, gsu, Kn4-1459 przed sebu, slibugem...dobru wieru, Kn11-1472 czucz, przed plnu radu, gsu, Kn14-1478 buduczim, mudremu, Kn15-1479 susedy, Kn16-1479 czucz, z obu stran, Kn17-1479 czucim Kn24-1483 smluwa, luki, Kn26-1484 czucz, Kn27-1484 czucz, Kn33-1491 czucz, Kn47-1507 czucz, slibugeme...swu...wieru, przycisknuti, Kn49-1508 sluzbu swu wzkazugeme, susede, kupil Kn50-1508 czucz, slibugy swu dobru a czistu wieru Var9-1509 mudrzy, susede, Var10-1509 zuplna, Var13-1512 jsu jmieli, buduczim, Var14-1512 mudrzy, susede, Var15-1512 zuplna, Var17-1513 jsu Kn59-1515 smluwa, na swu sskodu, Var23-1516 mudrzy, Kn63- 1519 neysu, Var24-1519 czucz, przystupil jest przed...radu plnu, buduczim, se mnu, przyjducz, Kn67-1520 buduczich, Var25b- 1522 przysen swu wzkazujemy, spolusused, Var26-1522 mudrzy,	Var15-1512 jsau, Var26-1522 sausede, Var28-1525 jsau, Var41- 1529 sausede, Var49-1530 douffany, Var63-1532 sausedu, Var71- 1535 sausede, sausedom, Var73-1535 sausede, sausedom, Var89- 1537 sausedy, Var94-1538 douffany, Var97-1538 sausede, Var100- 1538 sausedske, Var100-1538 sau, Var100-1538 porauczyl, porauczeno, Var107a-1539 sausedy, Var107b-1539 sausede, Var113-1540 sausede, Var129-1541 maudrym, sausede, Var133- 1542 maudrzy, sausede, kaupil, Var135-1542 sausede, Var157- 1543 maudrzy, sau, Var174-1544 douffame, Var188-1544 maudrzy, sausede, sau, Var192-1545 sausede[m], Var209-1546 maudrzy, sausede, Var223-1548 maudrzy, sausede, Var231-1549 sausedom, Var236-1549 sauditi, sauseduov, Var243-1550 jsau, Var247-1550 sausedom, Var253-1550 maudry, odsaudyli

	suditi, Var28-1525 czucze, mezy sebu, buduczy, Var29-1526 mudrzy, susede, Var30-1527 mudry, Var31-1527 kupil, Var32-1527 poklonu svu, Var37-1528 mudry, Var38-1528 mudry, sused, Var39-1529 mudrzy, susede, Var40-1529 mudrzy, Var41-1529 sluzbu svu, Var43-1529 mudrzy, susede, Var45-1529 czucze, Var48-1530 mudrzy, Var49-1530 slussebniczku ssvu poslala, Var58-1532 mudrzy, Var59-1532 susede, przystupil, spolusused, Var60-1532 mudrzy, Var63-1532 mudremu, Var66-1534 susede, Var69-1535 p[rze]dstupil, Var70-1535 sluzbu svu, susedu, Var71-1535 mudrzy, nevznescz Var72-1535 mudrzy, dlueho, dosahnuti, Var73-1535 mudrzy, Var77-1536 przedstupil, Var79-1536 sluzbu svu, smluvy, Var84-1537 mudrzy, susede, Var88-1537 sluzbu svu, buducze, Var89-1537 mudry, Var90-1537 mudrzy, dlueho, Var91-1537 sluzbu svu, sused, Var95-1538 spolususeda, Var96-1538 mudrzy, Var107a-1539 mudrym, Var111-1540 przed tebu, Var113-1540 mudrzy, sused, Var119-1540 lasku svu, susedom, Var124-1541 sluzbu svu, Var129-1541 mudrzy, Var133-1542 sluzbu svu, spolususedem, Var135-1542 mudrzy, jsu, Var139-1542 nejsu, Var142-1542 mudrzy, susedie, Var157-1543 sluzbu svu, susede, jsucz, Var164-1543 jsuczy, Var172-1543 mudry, susedom, Var180-1544 suseda, Var188-1544 s tu veczy, susedy, Var191-1545 sluzbu svu, buduczy, Var192-1545 p[ro] kteruz, kupiti, Var198-1545 susedom, Var207-1546 mudrzy, Var209-1546 buduczy, dvu osob, Var215-1546 susedom, mudry[m], przed svathu katherinu, Var216-1547 mudrzy, susede, Var220-1548 lasku svu, mudry[m], Var223-1548 sluzbu svu, Var227-1549 mudrzy, Var231-1549 mudrzy, Var236-1549 sluzbu svu, dluehy czas, Var243-1550 mudrzy, vssemohuczy, Var247-1550 lasku svu, Var253-1550 lasku svu, susede, kupyme, mezy sebu	
2 пол. XVI в. – XVII	Mc28-1552 múdří, vidúce, Potv1576 spolusused, Mc109-1583 všemohúceho, Záp-1599 susedowj, Mc189-1615 jasnost	Mc28-1552 přistoupl, spolusouseduov, Mc169-1608 sousede, Mc189-1615 sousede, službu svou, jasnost císařskou...pohledati,

вв.	královskú...pohledati, Mc197-1615 na moravskú sumu, Mcr1-1621 všemohúcého, Mcr3-1621 zmlúvu, kúpili, mohú, M25-1624 pečeti městskú stvrzený, Mcr65-1632 paní a súsedo, Mcr65-1632 rozsúzení, Mcr74-1635 sú, Mcr75-1635 rozmlúvano, mohúcích, Mcr86-1637 budú, Mac100-1640 před chvalitebnú stolicí, budúci, súsedským, Mcr106-1641 vedúce, mú...vuolí, kupila, Mcr118-1643 věc umrtvenú, Mcr138-1646 z obú stran, pasú, Mcr143-1648 dlúhého, všemohúcího, Mcr146-1649 jeho vlastní rukú zapsaná, Mcr153-1651 zahynúti, nesúsedským, z velikú škodú a krivdú, Mcr206-1680 s takovú smělosti, Mcr207-1681 súsedy, Mcr208-1682 pro nebezpečnost velikú, Mcr209-1682 súsedsky, sú, se mnú	Mc197-1615 sousede, odsloužíme, Mcr1-1621 spolusauseduov, jsauce, Mcr74-1635 jsoucích, Mcr75-1635 který sou mi...učinil, Mcr75-1635 sousedy, na dobrou míli, jedouce, Mcr86-1637 sousedsky, Mcr99-1639 sousedské, Mac100-1640 sousedské, vystoupkúm, Mcr106-1641 sauce, jsouc, jsou, Mcr118-1643 jsouce, mezi sebou, susedství, sloužilo, Mcr124-1644 moudrým, Mcr138-1646 susedství, Mcr141-1647 smlouvy, mezi...šlechtnou poctivou paní, Mcr153-1651 susedství, Mcr164-1654 budoucími, Mcr216-1693 předstoupili, jsouce, susedmi
-----	---	--

8. Дифтонгизация ý>ej

Малопольша

XV – 1 пол. XVI вв.

Mc37-1492 kteréžto psané svrchupsané my jistec a rukojmie prvej psaní slubujeme dáti a zaplatiti, Mc57-1525 Vavřinec výš jmenovanej.

Верхняя Силезия

XV – 1 пол. XVI вв.

2 пол. XVI – XVII вв.

Mc65-1569 bejti, Mc79-1575 vejš, Mc96-1580 bejti, Mc107-1582 vejš, Mc127-1591 dotejče, dotejkajíce, Mc139-1595 zlatejch, Mc194-1615 bejti, vejsoce, dotejče, Mc205-1617 poddanejmuoj, odpoddanejchmejch, přitěchhejhejch, nemejšlím, Mc221-1620 bejti, Mcr34-1626 bejti, Mcr40-1627 bejti, Mcr54-1630 bejti, Mcr58-1631 vejповědi, Mcr62-1632 bejti, nesmejšlíme, Mcr67-1632 bejti, mejto, Mcr68-1633 bejti, Mcr72-1635 bejti, Mcr76-1635 dotejče, sejce¹; Mcr133-1645 vejповědní, neostejchali;

¹ Интересный пример гиперкоррекции: Mc76-1635 (чеш. síce, слов. síce), создатель грамоты, судя по всему, (адресантом грамоты является Елизавета Лукреция), по какой-то причине ориентировался на долготу не в чешской, а в словацкой лексеме síce, и вписал дифтонг в позиции, где его быть не могло (чеш. síce).

	Mcr144-1648 totejče, Mcr154-1652 bejti, Mcr160-1653 strejce, bejti, Mcr162-1654 bejti, Mcr169-1661 smejšlím
--	---

Западная Словакия

XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
Var107b-1539 dotejcze, Var129-1541 pano[m]...millaym ² , Var133-1542 przateluum...millaym, Var157-1543 vayss, Var157-1543 susedom...millaym	Mc63-1568 tejden minulej, na mejtě, na...danej, mejtnej, Mc197-1615 bejti, Mac100-1640 vejš psané, Mcr167-1660 vejš

9. Дифтонгизация ou<ú в инициальной позиции

Малопольша – не отражается

Верхняя Силезия

XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
	Mc72-1572 před ouřadem, Mc107-1582 z ouřadu, Mc115-1586 oumyslu, Mc130-1591 outerý, Mc139-1595 ouředník, Mc54-1630 zoumyslnosti Mc58-1631 ouroky, Mc60-1632 zoumyslně Mc61-1632 ouroky, outratám, Mc62-1632 ouřadem, ouředník, Mc67-1632 zoumyslně, Mc72-1635 ouřadu, Mc98-1639 outraty, Mc136-1446 z ouřadu, Mc163-1654 ouřadu, Mc169-1661 ouřadu, ouředníka, Mc173-1661 ouřadu, Mc205-1680 oupřimně

Западная Словакия

XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
Var63-1532 aurzednika, Var113-1540 autery, Var174-1544 aurzad, autheri, Var192-1545 aurzadu, Var231-1549 aurzidu, Var243-1550 aurzadu	Mc63-1568 ouředníku, Mc95-1580 z ouřadu, Mc189-1615 na ouředníka, Mcr118-1643 podle ousudku, Mcr146-1649 pred ourad, Mcr167-1660 ouroky a úraty, Mcr207-1681 v ouníženosti, Mcr216-1693 ouřad, oustně

10. Сужение é>í

²О причинах появления в текстах написаний aj, отражающих процесс дифтонгизации ý>ejcp. Komárek 1963:163-164.

Малопольша

XV – 1 пол. XVI вв.	
Mc21-1470 z boží milosti králevnej polský, od...knížete...starýho, v bytomském gbytě, Mc23-1473 jeho věrný ruce slavným (!), Mc32-1488 peneze svrchupsaný...staviti anebo zapověděti chtěli, Mc34-1491 vedle...krále uherskýho, Mc44-1507 beze...všelikteraký překážky, Mc48-1508 na témž zbuoží kozichovským, Mc55-1521 na hradě pražským, Mc56-1524 na hradě krakovským, Mc57-1525 z strany druhý, takové...velký škody...rovný, knížeti opolskýmu, Mc58-1527 na dlůhý časy, v takovém slušným strýce, Mc60-1532 v svém poručenství, Mc65-1540 na tom sěmu...velkým, na semě velkým pospolitým.	

Верхняя Силезия

XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
	Mc66-1569 po svatým Jiří, Mc84-1577 na vánoci už jminulý, Mc96-1580 po svatým Frančišku, Mc115-1586 o tým všem, Velikýho Hlohova, Mc144-1597 týhož, Mc157-1606 po urozeným Mihali Matiašovským, při dobrým zdraví, po svatým Matěji, Mc194-1615 omluvnýho, zamordovanýho, na dobrovolný cestě, k ochraně svý, k zlý straně, Mc224-1620 pozdravení svý, PT-1620 poswatymLukassy, Mcr9-1622 po dotčeným Pavlu; Mcr57-1631 takové peníze pohotový; Mcr72-1635 zhlídnuti; Mcr91-1637 všelijakýho; Mcr110-1641 ve vší poddaný uniženosti; Mcr163-1654 na místu mým, po svatým Bartoloměji

Западная Словакия

XV – 1 пол. XVI вв.	2 пол. XVI – XVII вв.
Kn47-1507 wywoda, Kn59-1515 w pondiely hodny, Kn63-1519 sie...plysti, Var31-1527 visti, Var68-1534 prodlivati Var77-1536 v druhy[m]...bili, Var97-1538 czoz bude moznyho, sestry...poddanyho, ziadnyho, na Dobry wodie, Var100-1538 tovarysse myho, Var100-1538 s kiery pryczyny, Var100-1538 mozneho i hodny[h]o, tovarysse svyho, Var107b-1539 czloveka chudyho z horniho dwbowyho, postihat svyho, na dobry wodie, Var121-1541 v listu...druhy[m], Var133-1542 dobryho, v ty sumie, Var139-1542 od czasu davnyho, Var142-1542 y jedny veczi y o druge, Var157-1543 otecz jeho dobry pamieti, Var192-1545 v psani svym, Var223-1548 vsseho dobry[h]o, Var243-1550 po	Mc189-1615 z strany jedný...druhý, Mcr74-1635 na rakoši šopronským, Mcr86-1637 z davnýho času, Mcr207-1681 na hranici moravský a slovienský

svatym dusse	
--------------	--

11. Протетическое v-

Малопольша

XV – 1 пол. XVI вв.

Mac53-1520 vobecnímu, vod podpisu, vosmadvaceti, Mac54-1520 vobecnímu, vosmi, vod podpisu, Mac56-1524 vod jmenovaného, vodložili, Mac57-1525 z vobú stran, Mac58-1527 vo tom, Mac61-1532 vo takej protivěnstvie, Mac64-1538 vosmého, Mac65-1540 voni s předky, vod mnoha let, vod toho času, vod spravedlnosti, vod soudu, vod pána svého, vo ten statek, vod nás, města voného

Верхняя Силезия

XV – 1 пол. XVI вв.

2 пол. XVI – XVII вв.

Mc139-1595 von, Mc205-1617 vo to, Mc221-1620 vodeslati, PT-1620 wona, Mcr19-1623 von, Mcr34-1626 von, Mcr40-1627 von, Mcr54-1630 vona, Mcr60-1632 von, vona, Mcr61-1632 vode mne, Mcr68-1633 von, Mcr98-1639 vopatrny

Западная Словакия

XV – 1 пол. XVI вв.

2 пол. XVI – XVII вв.

Kn15-1479 wopolny rychtarzy, Kn33-1491 wodlowany Var13-1512 vokazan bude, vod ziény mej, vsieczka vobec miesta Trnawy, aby vony vladly, Var26-1522 voni Zyde, Var37-1528 von, Var40-1529 vobile, Var48-1530 vony, Var60-1532 vopatrny, Var63-1532 vopatrzeny, Var70-1535 von, Var73-1535 vona, vodsluziti, Var77-1536 vobyczey, vona, von, Var91-1537 von, Var100-1538 voni, Var107a-1539 vuczinite, Var113-1540 vobydle, von, Var129-1541 vo to, Var135-1542 vo nieyz pyssete, Var174-1544 vonych...sedmi lottuov, voznamiti, voznamujeme, vokolni, vokolo, voznameni, Var188-1544 vosmi, voni, Var191-1545 vod przytely, Var192-1545 von, na vobydle, vobyvatelem, vobecne, Var209-1546 vosobam, vo...veczy, Var236-1549 vony, Var247-1550 vo to, vony
--

Mcr124-1644 nevokážete

12. Утрата фонемы /ř/

Малопольша

XV – 1 пол. XVI вв.
Mac25-1474 v kěřích, Mac30-1484 uzří, Mac48-1508 predce

Верхняя Силезия – нет примеров

Западная Словакия

	необозначение	гиперкоррекция
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn14-1478 prytomny, dobri lyde, richtar, prysažnymi, pred, hore, zwerata, zwira, Kn24-1483 cztyr, Kn29-1485 lide dobry, hospodar, Var17-1513 dobry lide, Var25b-1522 vieryme, Var30-1527 mudry...przytele, Var32-1527 potriebie, Var38-1528 mudry...przietele, Var49-1530 panie kmotre, dobre viethe, ured, Var94-1538 day se buoh dobre jmyti, Var96-1538 pan[u] rychtary, Var100-1538 skiery pryczyny, dobre varovaly, uredniczy, Var107b-1539 vieryt, uredniczy, Var119-1540 panerychtary, Var124-1541 panuAlexivTrnawepysary...buddan, Var142-1542 urednik, Var172-1543 se...dobremiti, urednik, Var180-1544 radneapocztivezachovaval, Var191-1545 vstredu, Var236-1549 prietelj, Var247-1550 panerychtary, dobrylydepraczenemely, veryme	Kn15-1479 kterzak, dom kterziz gest, na swu wierzu, Kn16-1479 o...horzy, Kn33-1491 dobrzich lidy, na dobrze lidi, peczety kerzimy, Var23-1516 na dobrze lidy, Var29-1526 na dobrzem kvasy, dobrzych lidj, dobrzymi lidmy, Var57-1531 dobrzi czlowiek, Var79-1536 verznie, Var139-1542 uterzy, Var180-1544 przaly vsseczko dobrze, panie rzichtaru, nekterze[h]o, dobrzeho, dobra pani, Var198-1545 panie rzichtarzy, uterzy, Var207-1546 oppatrzny, dobrze[h]o, rzaczili, na lotrza, rzycharzi, Var215-1546 przaly...vssetko dobrze, rzichtaru, Var220-1548 przejemne...vsseczko dobrze, o nekterzy statek
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc61-1567 při...velebnosti císařské, Potv1576 rychtar, predkem, pred, rekne, Mc109-1583 krivdu, kramárom, úradu, Záp-1599 rychtar, predkom, cysarskeho, predstupil, vrad, pryssla, Mc169-1608 veríme, Mc197-1615 cedulí rezanú, Mcr1-1621 se...dobře míti, predce, řečeného, Mcr3-1621 nepriešel, Mcr65-1632 neprestávám, přijala, prečetla, temer, Mcr74-1635 příteli, při, Mcr75-1635 příčinu, Mcr77-1635 řečenými, Mcr99-1639 potřebí, přijal, Mcr106-1641 porádek, Mcr118-1643	Mc92-1578 dobrého, veřne, dobřú vedomost, Mc109-1583 dobrého, dobřím...přítelem, Mcr75-1635 patřně

	richtáre, prednĕ, Mcr121-1621-1642 krestansky, Mcr138-1646 prijal, Mcr143-1648 pred, Mcr146-1649 prijal, Mcr146-1649 pred ourad, Mcr153-1651 predopsaného, prátelsky, Mcr208-1682 kmotre, pripovídamĕ, pri sobe, Mcr209-1682 pri tom, prijel, Mcr209-1682 prejíce	
--	---	--

13. Утрата йотации в слогах бѣ, пѣ, вѣ, фѣ, мѣ

Малопольша

	необозначение	гиперкоррекция (передача палатальных фонем)
XV – 1 пол. XVI вв.	Mac19-1465 dvema, svedomé, svedčí. Cp. др. примеры: Mac23-1473 v Krakove, veřitelóm, Mac25-1474 zavesiti, Mac29-1480 přivesili, Mac48-1508 Bartolomej, Mac50-1508 Bartolomej, Mac65-1540 zveř	Mac23-1473 kastelánově, Mac25-1474 potomkově, Mac32-1488 spravědlivého, obstavěním, pečeti...dobrovolne vybavěné, Mac37-1492 obstavěním, spravědlivého, Mac65-1540 mužově

Верхняя Силезия

	необозначение	гиперкоррекция (передача палатальных фонем)
XV – 1 пол. XVI вв.	PT-1447 swedomi, werne, Kn25-1483 wymerzeno, Kn48-1508 werne sslussby, przywessythy, Kn71-1523 umely	PT-1447 erbowě, potomkowě, PT-1457 potomkowie, odmiezeno, Kn61-1517 od siebie, Kn71-1523 obmiesskali
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc84-1577 meščanína, Mc86-1577 povetří, hrozlive mřeti mělo, sobe, v Jablunkove, Mc124-1589 medí, Mc127-1591 vedomosti, veděti, Mc127-1591 v meste, Mc139-1595 vec, Mc194-1615 bedliví, Mc157-1606 zrozumení, PT-1620 do zeme, w teyz sume, Mcr14-1622 práve a spravedlive vyznali, Mcr53-1630 z mesta, Mcr54-1630 zrozumení, Mcr66-1632 obe, zameštknání, Mcr98-1639 vecí, odpovedi, Mcr169-1661 vedomosti, stavejí	Mc132-1592 od siebie, Mc144-1597 chmële, Mc68-1633 chměl, Mc154-1652 patronově

Западная Словакия

	необозначение	гиперкоррекция
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn1-1432 tobe, Kn14-1478 namestek, ssest mericz, sobe, weczy, zawesyt, Kn15-1479 swedomy, Kn16-1479 swedomo, pameti, Kn24-1483 mely, czlowekem, krome, Kn27-1484 wecz, Kn29-1485 laskawie a milostiwe oppatrziti, Kn33-1491 dwema, k weczney rucze, Var23-1516 porozumely, Kn67-1520 mesteczka, Var26-1522 krome, osvedczuji, Var29-1526 zbehly, mestie, k przatelskey smluve, Var30-1527 svedomy, verzyme, Var41-1529 zmerziti, Var49-1530 nemely, verthe, Var57-1531 mel, mesteczka, Var79-1536 verznie, Var94-1538 mely, veczi, verzim, Var107a-1539 mesta, ku potrebe, uverzily, Var111-1540 mel, Var119-1540 vezeny, verzyme, veczech, Var124-1541 vecz, v Trnawe, Var142-1542 porozumel, czloveka, vecz, Var164-1543 milostive p[rzy]znivy, Var172-1543 czloveka, svedomy, Var180-1544 vmeste, Var180-1544 radneapocztivezachoval, Var191-1545 pooktave, Var198-1545 kdezkolvek, sedovedely, dveste, mesta, Var207-1546 vernie, zbehnuti, vecz, posmech, Var215-1546 mesta, Var216-1547 vecz, pessyussel, mesta, Var220-1548 mely, dve, mesta, Var236-1549 vyrozumel, povedeti, czokolvek, vec, Var247-1550 czloveka, Var253-1550 dvema, nedoverzilj	Kn26-1484 upiewnienie, Var32-1527 biez, Var49-1530 nevviesly, Var157-1543 jenz slovie Zlodiegiewecz
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc28-1552 meščanuov, Potv1576 swedomi, sobe, petisteho, Mc92-1578 pane...laskave přisnivý, veřne, meli, vedomost, sobe, mely, Mc109-1583 příznive laskavá, vyrozumel, sobe, vecky, Záp-1599 mesta, clowek, wec, dowedel se, Mc169-1608 v dobrej pameti, Mc197-1615 měsíce, vyrozumeli, Mcr1-1621 vyrozumel, Mcr3-1621 svetlých, sobe, mesto, Mcr65-1632 prospechu, Mcr65-1632 sobe, Mcr74-1635 vzkazujem verne rád, vyrozumel, Mcr74-1635 vedomost, Mcr75-1635 mel, Mcr77-1635 vyrozumel, Mcr86-1637 nejmilostivejšího, Mcr106-1641 pet sto, Mcr118-1643 mesta, mel, v trnavě, Mcr121-1621-1642 sobe, mesta, Mcr138-1646 sobe, vyrozumel, Mcr143-1648 v jednom dome, Mcr146-1649 vec,	M25-1624 zaměšknání

	Mcr153-1651 mel, Mcr208-1682 vyrozumeli, Mcr209-1682 mejte, Mcr209-1682 vedomost, meste	
--	---	--

14. Ошибки при обозначении палатальности фонем /d'/, /t'/, /n'/

Малопольша

	необозначение	гиперкоррекция
XV – 1 пол. XVI вв.	Mac14-1455 obēcne...vyznáváme, Mac19-1465 obecne...vyznáváme, Mac32-1488 pečeti...dobrovolne vybavēné, kněžne opavské, Mac39-1495 nejaké, knežně, Mac48-1508 vyplnen, vcele a úplne, dedicóv, Mac57-1525 chtel	Mac23-1473 nědaj, němámy, Mac32-1488 něchati, němámy, něžrádně, Mac33-1490 něvykúpili, něvysvobodili, nězaplacenie, Mac65-1540 před...nědelmi

Верхняя Силезия

	необозначение	гиперкоррекция
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn48-1508 k delanyu, we Fryssthate, Kn71-1523 penez,	Kn25-1483 na tielie
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc86-1577 náramne, Mc124-1589 nekolko, Mc127-1591 v meste, Mc144-1597 nejakého, nejakú, ponevadž, Mc139-1595 nadeje, nedelí, PT-1620 nekolik, Zuzanne, Mcr34-1626 nejakého, nekolikrát, Mc40-1627 nejaký, Mc60-1632 nejakého, Mc66-1632 znející, v příčine, Mc98-1639 ústne, nedelí, menovite, Mc215-1692 od nejakého.	Mc132-1592 nědzieli, Mc130-1591 nědostatek, Mc40-1627 týhodně, dně 30. Decembris

Западная Словакия

	необозначение	гиперкоррекция
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn1-1432 na Hodonyne, zraditi...falessne a zradne, ponewadz, tej zrade...pomohati, Kn14-1478sedenymnaBudethyne, nynegssim, wlane, gakipenes, stenamy, nektera, Kn24-1483 nateydiedine,	Kn1-1432 niedieli, Var29-1526 seditie, Var31-1527 nieuczynite, Var32-1527 stie raczyly, Var49-1530 panie kmotre, Var57-1531 panie richtarzi, nebude, stie, Var60-1532 mylostiem, Var70-1535

	konepobral, nekteremu, Kn26-1484 wedle zmluwy uczineneg, penez, Kn33-1491 bez dety, Var17-1513 knezne, Var23-1516 jedne nam raczte oznamitj...den, Var29-1526 k nemu, Var31-1527 ke mne, v thech, vsse rade...dan, Var49-1530 hnev, ustne...v[z]kazal, Var60-1532 nyneyssy, Var66-1534 neyaka, Var68-1534 neyakeho, Var70-1535 nekolyka, Var71-1535 neiakeho, Var72-1535 neiakym, Var77-1536 posledne...užyvala, Var94-1538 obtezen[y]m, Var96-1538 radey, Var100-1538 od nekoho, Var107a-1539 vssej rade, Var113-1540 svobodne...p[ro]pustite, Var119-1540 smetecznenechodi, Var124-1541 jedyne, nekde, neczo, Var133-1542 neyaka, naney, Var135-1542 ustne...poviedienesviedczy, Var139-1542 ponekud, nekery, Var172-1543 ukazati...mne, Var180-1544 vmeste, radneapocztive zachovaval, neyake, pondely, Var191-1545 neyakovy, se...ssczastnemi, Var192-1545 nyneyssy[h]o, Var198-1545 sedela...przekazka, knekteremu, rademesta...dan, Var215-1546 neyaka, Var216-1547 nekery[m], neyakeho, svobodnejedyt, bezpecznejedyt, Var220-1548 neyaku, zneho, Var220-1548 pondely, Var236-1549 penez, povedeti, pondelj, Var247-1550 naneho, penez Var253-1550 mne...odsaudyli	ode mnie, Var142-1542 susedie, dwbovenie , Var180-1544 panie rzichtaru, Var198-1545 panie rzichtarzi, Var227-1549 przede mnie
2 ПОЛ. XVI – XVII ВВ.	Mc28-1552 nejaké, Potv1576 dediny, na hospode, se...stiasne gmiti, Mc92-1578 přejeme...veřne řadi, radej, tech, ponevaž, Mc95-1580 Zdenek, proti nemu, Mc109-1583 přítelkyne, techto časov, chtel, Záp-1599 nahanel, Mc169-1608 v nem, nepochybne veríme, Mc197-1615 nejakého, Mcr1-1621 nejakový, pilne sem se vyzvedoval, Mcr3-1621 mne...ustavili, penez, Mcr65-1632 knežno, tech, učiněného, Mcr75-1635 dedičného, snadne, Mac100-1640 učiněný, Mcr118-1643 ponevadž, Mcr121-1621-1642 ponevadž, Mcr143-1648 pokorne žádající, Mcr146-1649 ponevadž, Mcr208-1682 velmi vdečně sme přijali, Mcr209-1682 na nedelu, Mcr209-1682 v Žiline	Potv1576 pocznie, Mcr3-1621 něch, Mcr207-1681 dněm

15. Ошибки при отражении перегласовок 'a>e и 'u>i

Малопольша

	'a>e	'u>i
XV – 1 пол. XVI вв.	Mac21-1473 obyčajem, Mc23-1473 javně, pečati, Mc32-1488 vymyslati, Mc33-1490 obyčajem, Mac37-1492 obyčajem, Mc34-1491 kráľa uherskýho, Mc36-1491 den svatého Kříža, Mc57-1525 kníža Hanuš, Mc61-1532 velebného v Boze otca,	Mc19-1465 po svatém Janu Křtitělu, Mc24-1471 pod našú dobrú vierú, Mc32-1488 z...dobrú vólú, Mc33-1490 pro...našu potrebu, Mc35-1491 na Rákošu

Верхняя Силезия

	'a>e	'u>i
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn48-1508 dwa oharza	Kn48-1508 k delanyu, kluczowe, thyssuczneho, Kn54-1513 w tiszczu
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc150-1651 řetazy	Mc93-1638 za moju pečku

Западная Словакия

	'a>e	'u>i
XV – 1 пол. XVI вв.	Kn4-1459 panossa, Kn14-1478 gaczmena, pol korcza, semencza, ulowil zwira welike, Kn15-1479 obiczagem, Kn29-1485 desati, Var10-1509 perega, Var32-1527 haja toho, Var70-1535 ruznicza, Var73-1535 urzadnika, Var94-1538 pussczany, Var209-1546 tehoz...masarza, Var215-1546 zastrayal, Var216-1547 za...Janossa	Kn15-1479 drziel...mocz, Var49-1530 vassu milost odbivath, z obczu mluvil, Var215-1546 na nedielyu, Var220-1548 neyaku praczu, Var247-1550 vassu mylost, Mc92-1578 za prácu, Záp-1599 gednu piwnicu
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc109-1583 pana Sunega, Záp-1599 penazy, poručame Mcr1-1621 vaša opatrnost, Mcr99-1639 slavná stolica trenčanská, Mcr143-1648 vaša velikomožnost, Mcr153-1651 čakajíc, Mcr206-	Mcr209-1682 na nedelu

	1680 vězna, Mcr209-1682 kneza vzali	
--	-------------------------------------	--

16. Ассибиляция

Малопольша

XV – 1 пол. XVI вв.	Mac14-1455 jisciny, Mac15-1455 zdrádzec, utracit, nemohu ubezpečic, Mac19-1465 dziedzic, s jiscinú, Mc23-1473 jiscec, třecieho, dáci, zaplacici, zaplacíme, meci [mít], chcecí, položici, ke škodzě, Mc30-1484 dzědzic, potvřzili, Mc32-1488 osvěcimský, tocič [totiž], zapovědzi, dzedic, Mc33-1490 dziedzic, pohromadze, Mc34-1491 Vlodzislavovi, pečeci, přičiskáme, Mc35-1491 bandziemy, Vldzislavovi (!), Mc36-1491 dzelajíc, cej země, Mc37-1495dzědzic, sudzie, oddzielem, cišiec, dzěvic [devět], cišiecého, Mac48-1508 dědzic, Mac65-1541 rycerstva
---------------------------	--

Верхняя Силезия

XV – 1 пол. XVI вв.	PT-1447 lidzmi, wisedzeno
2 пол. XVI – XVII вв.	Mc84-1577 zaplacil, nědzeli, Mc132-1592 rādzi, pondzělí, nědzieli, zaplacili, nadzěje, Mc169-1661 lidzi

Западная Словакия

XV – 1 пол. XVI вв.	Kn14-1478 medze, medza, scenamy, sstwrzcz, Var13-1512 toczyss, vienovaczy any tez prodati nemajy, v mieszcze Trnawie, Var49-1530 v mescze, pez vassij vessczy, Var57-1531 milosschi, doschi, kratkosschi, yszczinnika, Var220-1548 meczy
2 пол. XVI – XVII вв.	Mcr206-1680 tejže hodziny